БУНТАРЬ

Духъ разрушающій — духъ созидающій!

Бакунинъ.

№1 1 декабря Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. 1906 г.

СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТЪ И НАШИ ЗАДАЧИ.

Мы живемъ въ періодъ революціи... Вотъ фактъ, неоспариваемый никѣмъ! Его признаетъ даже и полуправительственное „Новое Время". Стонетъ, плачетъ продажная газетка; горько слезы льетъ; обращается къ Англіи, гдѣ, молъ, все, даже революція, происходитъ чинно и благородно.. А факта отрицать не можетъ: въ Россіи грозная, народная Революція...

Что же намъ дѣлать? Каковы наши задачи?

Казалось бы отвѣтъ очень простъ: быть вмѣстѣ и впереди борющагося рабочаго класса! Широко развернуть Черное Знамя Анархическаго Коммунизма!.. Звать къ соціальной революціи — вотъ наша задача. Организовать свои силы для успѣшнаго выполненія ея — вотъ наша обязанность.

Это программа дѣятельности анархистовъ всегда и вездѣ. Но намъ необходимо также считаться и съ особенностями даннаго момента. А тотъ не оцѣнитъ моментъ, кто не обратитъ вниманія на самый крупный фактъ русской жизни: Россія организуется. Вмѣсто огромной, не разслоенной массы, вмѣсто таинственнаго незнакомца „народъ" и гуманной страдалицы — интеллигенціи — выступаютъ партіи съ опредѣленными классовыми интересами, съ опредѣленными лозунгами.

И наше дѣло — не вариться въ собственномъ соку, крича „соціальная революція", а не буржуазная; классовая война, а не демократическій миръ! Мы не можемъ ограничиться этими, хотя и глубоко вѣрными, но общими мѣстами. Намъ необходимо анализировать программы и лозунги враговъ и противниковъ. Намъ надо уяснить себѣ и доказать массамъ, что буржуазія и соціалисты-демократы, борясь подъ флагомъ „освобожденія", половинчаты, что защита своихъ классовыхъ или групповыхъ интересовъ приводитъ ихъ къ нелѣпостямъ, софизмамъ. *Эти* софизмы надо вскрыть. Эти нелѣпости необходимо обнажить, ибо наши лозунги и наша тактика *момента* отчасти обусловливаются лозунгами и задачами врага — буржуазіи. А ея задачи ясны. Революціонный потокъ разливается все шире... Обездоленные и эксплуатируемые потеряли терпѣніе... Грозные ихъ лица мелькаютъ, наводя страхъ и ужасъ на буржуазію... Горятъ усадьбы.... Бунтуетъ безработный... Стачечная волна не прекращается.. Гдѣ же у либераловъ гарантія, что потокъ не смоетъ и „священныхъ основъ" собственности? Гдѣ гарантія, что мечъ, направленный противъ самодержавія, не искалѣчитъ ихъ самихъ?... Правда, имѣются союзники въ лицѣ г.г. буржуазныхъ соціалистовъ... Буржуазія обзавелась организованнымъ отрядомъ охранителей, которые, одѣвъ шапки съ красными соціалистическими околышками, трубятъ рабочему классу, что *должна* быть только буржуазная революція. Видите ли: „исторія" такъ велитъ! И они вынуждены втягивать рабочихъ въ эту „грязную исторію", въ борьбу за господство буржуазіи. Вотъ г. М. (см. „Современные отклики" сборникъ соц.-дем.) гордъ тѣмъ, что мы, молъ, соц.-дем., всегда говорили пролетаріату, что дальше борьбы за врученіе власти буржуазіи итти нельзя!...

О, да, буржуазія знаетъ, что она въ лицѣ соціалистовъ-демократовъ имѣетъ незамѣнимаго друга. Но удастся ли даже этому „другу" организовать все такъ, чтобы народъ почтительно удалился на „законныя" позиціи изъ уваженія къ частной собственности?... Сомнѣнія раздираютъ на части грудь буржуазіи. Вотъ напримѣръ, вождь кадетовъ, г. Струве, упрекаетъ соціалъ-демократовъ за неудачную декабрьскую всеобщую забастовку: вѣдь, этакъ, молъ, погибнетъ вся „культура", развитіе которой, по мнѣнію соціалъ-демократовъ же, ведетъ къ соціализму. Вѣритъ или не вѣритъ буржуазія въ свой успѣхъ, но на своемъ знамени она написала — „буржуазная революція". И намъ необходимо знать ясно и точно гдѣ больныя мѣста противника? Гдѣ въ своемъ призывѣ къ буржуазной революціи онъ вынужденъ прибѣгать къ вопіющимъ софизмамъ и нелѣпостямъ; гдѣ эти нелѣпости яснѣе всего обнаруживаются? И если мы эти больныя мѣста укажемъ, то должны немедленно использовать ихъ.

Наиболѣе нелѣпость призыва къ буржуазной революціи обнаруживается въ деревнѣ. Тамъ она выступаетъ ясно и опредѣленно. Оставимъ въ покоѣ г.г. кадетовъ. Они вѣдь говорятъ о принудительномъ отчужденіи земли... за деньги!... за деньги!... Знаетъ русскій крестьянинъ, что ему стоило еще во время „освобожденія" это принудительное отчужденіе за „выкупъ". Знаетъ онъ, что г.г. кадеты хотятъ превратить *экспропріацію* земли въ *торговую сдѣлку!*...

Но самые ярые соціалисты рѣшаются говорить только объ экспропріаціи земли. А гдѣ же крестьянинъ возьметъ *орудія*, чтобы обработать эту землю? Вѣдь безъ этого вести порядочнаго хозяйства нельзя... А говорятъ ли г.г. соціалисты объ экспропріаціи орудій труда, хотя бы въ деревнѣ? Нѣтъ, не говорятъ. У нихъ есть „проэкты": устройство дешеваго кредита для крестьянъ. Это ничто иное, какъ та же торговая сдѣлка. Только *торговую* сдѣлку выдвигаютъ „кадеты" при пріобрѣтеніи земли; торговую сдѣлку выдвигаютъ г.г. соціалисты при пріобрѣтеніи орудій. А торговая она потому, что вниманіе крестьянъ отвлекается отъ экспропріаціи и приковывается къ „проэктамъ" нисколько не вредящимъ буржуазному міру...

Казалось бы, разъ закипѣла борьба за землю, то дѣло сознательныхъ соціалистовъ сейчасъ же выдвинуть всѣ тѣ *условія*, при которыхъ возможно дѣйствительное освобожденіе, дѣйствительное владѣніе землею! А то вѣдь „власть денегъ" быстро разложитъ и растопчетъ всѣ „равненія" соц.-революціонеровъ! Вѣдь „свистъ машины" и „рубль" уже порядкомъ выкурили изъ деревни „равенство". Что же „свистъ машины", развратъ денегъ теперь будетъ меньше?.... Вѣдь г.г. соціалисты-революціонеры сами не вѣрятъ, что „кредитъ" дастъ возможность обзавестись нужными орудіями труда! Когда объ этомъ говорятъ буржуазные экономисты, они сами объявляютъ такой оптимизмъ, такія розовыя надежды нелѣпостью...

А развѣ не нелѣпость дать землю, когда самъ знаешь, что безъ орудій труда владѣніе — звукъ пустой.

И вотъ мы, анархисты-коммунисты, должны выдвинуть въ деревнѣ рѣзко и ясно: экспропріація земли и орудій труда! Этимъ мы на мѣсто неясныхъ, запутанныхъ, противорѣчивыхъ фразъ „соціализація", „націонализація" выдвигаемъ то, что можетъ оторвать крестьянъ отъ демократіи и превратить крестьянское движеніе въ чистую борьбу *имущихъ и неимущихъ*.

Другое слабое мѣсто сторонниковъ буржуазной революціи это армія. Возстаетъ солдатъ... Штыкъ, раньше служившій только гнету и насилію, какъ бы повисъ въ воздухѣ.... Солдатъ бунтуетъ... Матросъ возстаетъ... „Потемкинъ"... Кронштадтъ... Свеаборгъ... Брестъ-Литовскъ... „Память Азова"... Преображенцы... Все это свѣтлыя страницы русской революціи... Недаромъ дрожала англійская буржуазія въ великіе „потемкинскіе" дни... Боялась, какъ бы огонь возмущенія не перебросился къ рабамъ „свободной" Англіи, тогда вѣдь горе ей!

Что же говорятъ демократы арміи? Пойдемъ, будемъ вмѣстѣ бороться за буржуазную республику! Что же будетъ тогда? — Разовьется промышленность, торговля; участятся войны, внѣшнія и внутреннія... Ясно, что тогда придется солдату убивать, колоть не меньше, чѣмъ это дѣлаетъ онъ сейчасъ! Но такая позиція сдѣлаетъ демократовъ, раньше или позже, смѣшными въ глазахъ матроса! Ясно, что интересамъ солдата соотвѣтствуетъ только призывъ къ *отказу отъ военной службы, къ уничтоженію военщины!*

Только тогда не придется убивать женъ и матерей. А то вѣдь демократы и даже соціалисты-демократы обвиняютъ самодержавіе въ томъ, что изъ-за плохой организаціи военнаго дѣла японцы насъ побили. И зовутъ къ республикѣ, гдѣ будетъ лучшая военная организація. Тогда — выводъ ясный — мы будемъ бить другихъ. Тутъ злобная, дикая насмѣшка надо всей мучительной работой совѣсти солдата! И мы должны это противорѣчіе соціалъ-демократовъ выдвинуть въ своей агитаціи. Мы должны звать къ отказу отъ воинской повинности; должны призывать къ военнымъ бунтамъ, къ активной поддержкѣ народа въ его борьбѣ съ современнымъ строемъ, ибо только съ паденіемъ этого строя прекратятся войны. Мы должны связать нашу дѣятельность въ арміи съ классовымъ антимилитаристическимъ движеніемъ. И эти два пункта — нашу тактику въ деревнѣ и въ арміи — надо рѣзко выдѣлить; опираясь на нихъ, мы успѣшнѣе разрываемъ рамки — „буржуазная революція", въ которыя хотятъ втиснуть рабочее и крестьянское движеніе. Но на очереди у буржуазіи, опять таки при помощи соціалистовъ-демократовъ, стоитъ еще одна, не менѣе важная задача: надо своевременно использовать и организовать тѣ элементы изъ рабочей среды, которые такъ или иначе способны стать на законную, легальную почву. Надо вытравить духъ разрушенія и бунтарства. Борьба черезъ законъ *за законъ* — вотъ тактика, подсовываемая демократами рабочему классу.

Развить и углубить духъ бунтарства и разрушенія — вотъ наша цѣль... Борьба *противъ* всѣхъ законовъ *незаконными* средствами — это наша тактика.

И опять, какъ и раньше, мы должны поставить вопросъ: гдѣ именно и въ комъ буржуазія встрѣтитъ больше всего противодѣйствія при проведеніи тактики законности. Она можетъ встрѣтить противодѣйствіе въ рабочей, фабричной средѣ: она его уже встрѣчаетъ... Намъ только надо позаботиться о своевременномъ развитіи глубокихъ *революціонныхъ традицій* рабочаго класса; а это возможно только тогда, когда *экономическій* терроръ участится, когда онъ сдѣлается *обычнымъ пріемомъ* революціонныхъ массъ... Это мы должны твердо запомнить. И если вообще „мирныя", „гуманныя" рѣчи ядъ для анархизма, то всякая половинчатость и нерѣшительность теперь — двойное преступленіе... Организмъ долженъ въ молодости накопить запасъ силъ, энергіи!... Горе ему, если онъ ихъ не накопилъ своевременно!... Ему грозитъ вялость, преждевременная старость!... Горе и русскому рабочему, если онъ *сейчасъ* не накопитъ революціонныхъ традицій, если сейчасъ же русская буржуазія не привыкнетъ къ тому, что за каждымъ неудовлетвореніемъ рабочихъ требованій послѣдуютъ не мирные разговоры, а прямое революціонное нападеніе!... Мы говоримъ объ экономическомъ массовомъ террорѣ. Онъ весьма, крайне важенъ. Что г.г. демократы смогутъ сдѣлать при республикѣ, чтобы втиснуть рабочую, экономическую борьбу въ рамки законности?... Рабочіе сейчасъ предъявляютъ экономическія требованія. Экономическимъ терроромъ они добиваются и во многихъ случаяхъ добились удовлетворенія ихъ! Ну, а при демократіи, что измѣнится? Ничего. Тѣ же требованія предъявлены. Капиталистъ не уступаетъ. Само собой понятна необходимость того же средства — насилія. И пойдутъ прахомъ всѣ мечты демократовъ о мирной работѣ въ духѣ порядка. Только побольше революціонныхъ традицій — и дѣло г.г. демократовъ проиграно.

Дальше: резервная армія, *босяки* — вотъ больное мѣсто демократовъ. Если резервная армія спитъ, если она не выступаетъ, то буржуазія охотно указываетъ на эти „мѣста", какъ на очаги разврата, преступленій. Это не мѣшаетъ ей пользоваться ими, какъ штрейкбрехерами. Это не мѣшаетъ нѣмецкому законодательству имѣть особую статью въ защиту штрейкбрехеровъ. Но стоитъ только анархистамъ уйти въ эту среду, стоитъ только имъ дать лозунги резервной арміи, доказать ей, что не стоитъ играть роль лакеевъ изъ за буржуазной милостыни, какъ начинается звонъ въ буржуазные колокола: „хулиганы, черносотенцы!"... Буржуазія пугается!... Пугается она, ибо прекрасно знаетъ, что „порядокъ" и „законность" ничего не можетъ дать резервной арміи; что эту силу организовать въ духѣ „прогресса" и „мира" она не въ состояніи. Буржуазія знаетъ, что революціонность и созидательность тамъ — это смертный приговоръ современному строю. Дать голодному право организаціи, *слова!* — какая злобная и безполезная насмѣшка! Вотъ отчего звучатъ колокола, вотъ отчего ненависть и злоба искажаетъ ихъ буржуазныя лица...

Хотимъ ли мы *сейчасъ же* создать эту грандіозную силу? Хотимъ ли мы сейчасъ вырвать изъ рукъ самодержавія огромное орудіе, чтобы направить его противъ собственности? Сейчасъ же, товарищи, въ среду *безработныхъ*! Смотрите: соц.-дем. уже пошли въ эту среду... Они въ Москвѣ раздавали билетики на горячій, горячій безплатный супъ... Поучимся у „кадетовъ": чуть ли не профессоръ кадетскій выступилъ „идеологомъ" *безработныхъ*: пусть городская дума организуетъ работы... И, конечно, ни билетики, ни кадетскія заступничества ничего не помогли! Тамъ — наше мѣсто всегда! Тамъ наше мѣсто *сейчасъ!* Ибо, повторяемъ, *сейчасъ* создать эту революціонную силу, значитъ обезоружить демократію... Ничего она съ *босяками* сдѣлать не можетъ. Нашъ лозунгъ среди *безработныхъ* будетъ: Организуйтесь и вооружайтесь! Нападайте на магазины и организованно берите предметы первой необходимости! *Такъ* пусть прозвучитъ ваше требованіе *хлѣба*. Не отказывайтесь отъ работы, если сама буржуазія ее предложитъ... но пусть это *будетъ* ея задача. Безработные вооруженные силой превратятъ вопросъ своего голода въ вопросъ жизни и покоя буржуазіи!...

Итакъ, наши задачи и лозунги въ современный моментъ таковы: въ средѣ крестьянства лозунгъ — земля и орудія обработки! Въ арміи отказъ отъ военной службы, призывъ къ военнымъ бунтамъ и поддержкѣ народа въ его борьбѣ. Этимъ мы разоблачаемъ половинчатость клича: „буржуазная революція". Второе: участившееся примѣненіе экономическаго террора — какъ главное и ничѣмъ незамѣнимое средство накопленія революціонныхъ традицій, какъ средство вырыть непроходимо-глубокую пропасть между пролетаріатомъ и буржуазіей. Работа среди резервной арміи увеличитъ количество враговъ общества, враговъ, съ которыми не можетъ справиться демократія! Всѣмъ этимъ мы парализуемъ попытки демократіи вытравить душу рабочаго движенія — бунтарскій духъ. Этимъ мы подкладываемъ „динамитъ подъ буржуазный порядокъ!...

Еще одинъ нашъ призывъ: „временная" революціонная коммуна! „Временная" революціонная коммуна является попыткой на дѣлѣ показать рабочему какъ ему взяться за организацію новаго міра; является дѣйствительнымъ призывомъ къ захвату орудій производства — вмѣсто слова „соціальная революція" пролетарій видитъ дѣло. „Временныя" же революціонныя коммуны приковываютъ вниманіе широкихъ массъ къ основному вопросу существованія классовъ, и этимъ мѣшаютъ демократамъ отуманивать голову призывомъ къ борьбѣ только за политическое „равенство". Но, чтобы использовать моментъ, чтобы выполнить эти задачи, намъ необходимо дать лозунгъ самимъ группамъ — организуйтесь, объединяйтесь!

Только планомѣрная дѣятельность, только общая федеративная организація дастъ намъ силу и мощь не только выдержать напоръ враговъ, но безъ устали нападать! А напоръ будетъ страшно сильный! Вся буржуазія, тонко-культурная и сытая соединится въ одинъ дикій, злобный вой — „распни его!" А наши нападенія должны быть неустанны — только тогда они сдѣлаются факторомъ въ исторіи освобожденія рабочаго класса, а не фактомъ, случайнымъ эпизодомъ.

Пусть же сомкнутся боевыя колонны!

Выше подымемъ Черное Знамя!

Пусть мощнымъ гуломъ пронесется по всей трудящейся Россіи: Долой Гнетъ Власти и Капитала!

И пусть живетъ царство правды и свободы — Анархическій Коммунизмъ!..

Вопросы классовой борьбы.

Анархизмъ распространяется въ Россіи. Подъ громкій, ликующій крикъ демократіи всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, подъ шумъ радости по поводу „великой" побѣды, одержанной надъ самодержавіемъ и... рабочимъ классомъ, нарождается новая революціонная сила — крѣпнетъ и развивается анархизмъ. Онъ лишь только появился, но буржуазія его уже замѣтила. Злобнымъ, бѣшенымъ скрежетомъ, дикой ненавистью встрѣтила она страшнаго, какъ сама смерть опаснаго для нея врага. Она приметъ всѣ мѣры, сдѣлаетъ все зависящее отъ нея, чтобы стереть съ лица земли, раздавить и уничтожить новую, еще молодую, революціонную силу.

Никто, какъ буржуазія, такъ хорошо не понимаетъ, чѣмъ грозитъ существующему строю распространеніе въ народныхъ массахъ идей анархизма. И буржуазія не замедлитъ вступить съ нимъ въ страшную, роковую борьбу. Борьба уже начата... На помощь буржуазіи спѣшатъ соціалисты-демократы: задрапировавшись въ красный „пролетарскій" плащъ, величественно мечутъ свои громы соціалъ-демократы, съ пѣной у рта набрасываясь и критикуя анархизмъ, мѣшающій имъ усыплять подъ сладкій звукъ „революціонныхъ" рѣчей пролетаріатъ. Безпомощно мечутся, тщетно стремясь занять опредѣленную позицію, соціалисты-революціонеры, и тоже пытаются, отъ времени до времени, метать, никого не пугающія и никого не ранящія, стрѣлы въ лагерь анархизма. Буржуазія радостно привѣтствуетъ своихъ союзниковъ, охотно предоставляя имъ черную борьбу съ анархизмомъ.

Обманываться не надо. Врагъ силенъ. И чтобы не остаться слабымъ, обреченнымъ на преждевременную гибель незамѣтнымъ зародышемъ, — анархизму, если онъ дѣйствительно стремится оказывать вліяніе на борьбу рабочаго класса, желаетъ крѣпнуть и рости, необходимо приложить много усилій, развернуть громадную энергію, долго и упорно работать надъ собой. Анархизму пора перестать быть настроеніемъ; пора покончить и какъ можно дальше уйти отъ шатаній и неопредѣленностей въ области самыхъ важныхъ и главныхъ вопросовъ программы и тактики.

Нельзя довольствоваться разрозненными, безпорядочно сваленными въ кучу и часто противорѣчащими другъ другу *взглядами*. Анархизму необходимы не отдѣльные, порою плохо согласованные между собою *взгляды*, а цѣльное, строго и глубоко продуманное *міровоззрѣніе*. И анархизмъ можетъ и долженъ стать такимъ полнымъ и цѣльнымъ, всесторонне-разработаннымъ *міровоззрѣніемъ*, отвѣчающимъ на всѣ сложные и запутанные вопросы пролетарской борьбы.

Дать ясный и точный отвѣтъ на самые существенные программные и тактическіе вопросы — вотъ одна изъ важныхъ задачъ, стоящихъ нынѣ предъ анархизмомъ.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся, если не разрѣшить, то по крайней мѣрѣ намѣтить, затронуть, нѣкоторые вопросы классовой борьбы.

I.

Намъ необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ мы руководствуемся при дѣленіи общества на классы. Намъ нужно указать по какимъ признакамъ мы отличаемъ одинъ классъ отъ другого; иными словами — какой нами принятъ принципъ для дѣленія общества на различныя, составныя его части.

Извѣстно, что соціалъ-демократія дѣлитъ общество на классы въ зависимости отъ участія и роли людей въ производствѣ. Всѣхъ кто, владѣя орудіями производства, извлекаетъ прибавочную стоимость, она причисляетъ къ классу буржуазіи; тѣхъ же, кто лишенъ орудій производства, изъ кого непосредственно выкачивается прибавочная стоимость, кто ее производитъ и даетъ, — она относитъ къ классу пролетаріевъ. Такимъ образомъ соціалъ-демократія дѣлитъ все современное общество на два главныхъ класса: классъ капиталистовъ-буржуазію, получающую прибавочную стоимость и классъ пролетаріевъ, дающихъ эту стоимость.

Соціалисты-революціонеры въ основу своего дѣленія общества на классы кладутъ *трудовой* принципъ. Для нихъ, соц.-революціонеровъ, общество дѣлится на классъ людей *трудящихся*, производящихъ все необходимое для жизни и эксплуатируемыхъ, и классъ — ничего или почти ничего *не дѣлающихъ*, не производящихъ и эксплуатирующихъ *).

Мы, анархисты-коммунисты, отвергаемъ и тотъ и другой принципъ, — принципъ „по участію въ производствѣ" и принципъ по „труду". Оба эти принципа мы находимъ недостаточными, неясными и не совсѣмъ вѣрными.

Должно установить два принципа для дѣленія общества на классы: одинъ — болѣе общій и другой — болѣе ограниченный и спеціальный. Первый принципъ долженъ отвѣтить на вопросъ: гдѣ „пауки" и гдѣ „мухи"? Гдѣ „жертвы" и гдѣ „поглотитель" ея? Только на этотъ вопросъ — не болѣе. Второй — долженъ отвѣтить: *кто* именно изъ жертвъ и *какъ* способенъ бороться противъ „пауковъ". Дѣленіе же общества на классы „по труду" или „по участію въ производствѣ" не удовлетворяетъ только что изложеннымъ требованіямъ: оно чересчуръ недостаточно и узко для разграниченія угнетенныхъ отъ угнетателей; чересчуръ расплывчато и неясно для отвѣта — кто и какъ хочетъ бороться съ угнетеніемъ.

Для отвѣта на первый вопросъ — гдѣ эксплуататоры и гдѣ эксплуатируемые — мы выдвигаемъ нашъ принципъ: принципъ „возможности удовлетворенія потребностей". Скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Мы дѣлимъ современное, и не только современное, общество на людей, имѣющихъ возможность въ изобиліи удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, и людей, лишенныхъ возможности удовлетворить самымъ необходимымъ, самымъ насущнымъ и элементарнымъ потребностямъ, — людей, вынужденныхъ до крайности урѣзывать свои нужды, доводить ихъ до жалкаго, ничтожнаго минимума... Не сказка, не вымыселъ это, а голая, чудовищная въ своей простотѣ, истина... Съ древнихъ временъ вплоть до нашихъ дней мы наблюдаемъ все одну и ту же мрачную картину: удобно расположившись на могучей, народной спинѣ, проводитъ свою безпечную, счастливую, полную радости и довольства жизнь небольшая, сравнительно, кучка людей. Паразиты, вѣками сосущіе народную кровь, они, эти дѣти счастья, вѣчно нуждающіеся въ новыхъ, еще неизвѣданныхъ наслажденіяхъ. Нѣга, роскошь и довольство — постоянные спутники ихъ жизни. Все къ ихъ услугамъ; все трепещетъ и преклоняется передъ ними. Они — признанные, желанные гости на жизненномъ пиру. Имя имъ — буржуазія.

А тамъ, внизу, въ грязи и невѣжествѣ безпомощно копошатся и мечутся громадныя народныя массы. Нечеловѣческій рабскій трудъ, изнуряющій душу и тѣло, нищета, море слезъ, голодная смерть, постоянно висящая страшной угрозой безработица — вотъ ихъ удѣлъ. Дни и ночи, безъ отдыха, изъ года въ годъ, вѣками, словно обреченные, словно проклятые, проводятъ они за непосильной каторжной работой, создавая колоссальныя богатства для своихъ эксплуататоровъ, сами же получая за это жалкіе, ничтожные гроши, еле хватающіе на пропитаніе. Они — пасынки строя эксплуатаціи и гнета. Имя имъ — пролетаріатъ.

---

*) Мы здѣсь лишь бѣгло и вскользь останавливаемся на этихъ вопросахъ. Въ другомъ мѣстѣ мы попытаемся подробнѣе разобраться въ нихъ.

На всемъ протяженіи исторіи видимъ мы эти два главныхъ класса: классъ людей все имѣющихъ и ничего не производящихъ, и классъ людей все производящихъ и ничего *не имѣющихъ* *)

Но мы не можемъ ограничиться дѣленіемъ общества на угнетенныхъ и угнетателей. Для насъ это недостаточно. Объяснимся: Анархизмъ — прежде и раньше всего партія борьбы. Онъ лишь постольку существуетъ, пріобрѣтаетъ смыслъ и полонъ значенія, поскольку ставитъ себѣ и борется за великую цѣль — соціальную революцію — революцію, которая смететъ съ лица земли строй зла и несчастья, имя которому — современное общество, и на его мѣсто утвердитъ строй свободы и равенства — анархическій коммунизмъ.

Борьба вдыхаетъ жизнь въ анархизмъ; она раститъ и питаетъ его своими могучими соками. Внѣ борьбы нѣтъ анархизма. Безъ борьбы онъ — праздная фантазія, красивая, величавая утопія, но не больше. Анархизмъ дитя поля битвъ — великихъ, грозныхъ битвъ обездоленныхъ массъ съ кликой паразитовъ — буржуазіей. Дитя — ибо онъ вскормленъ могучими взрывами ненависти и злобы массъ. Они, и только они, — почва, изъ которой добываетъ анархизмъ свою мощь; они, — а не кабинетная мысль ученаго, не фантазія мечтателя... Не свыше, какъ богъ заповѣди, даемъ мы нашу тактику рабочему классу. Мы опираемся на его вѣковую борьбу, на его, порою такъ ярко разгоравшійся, бунтарскій духъ.

Если это такъ, если значеніе анархизма опредѣляется борьбой и стремленіемъ къ опредѣленной цѣли, то понятно, что ему необходимо отыскать тѣ силы, на которыя онъ могъ бы опереться въ своей разрушительной работѣ. — Ему нужны разрушители. И первое дѣленіе общества на неимущихъ и буржуазію лишь указываетъ анархизму область, гдѣ онъ можетъ искать необходимыя ему боевыя, революціонныя силы. Расчленивъ современное общество на имущихъ и неимущихъ, анархизмъ тѣмъ самымъ отграничилъ себѣ площадь, на которой онъ можетъ производить свои изысканія. Понятно, что только среди неимущихъ будетъ онъ искать силы, способныя объявить и вести войну съ капиталистическимъ строемъ.

Но зачѣмъ искать? Развѣ недостаточенъ фактъ существованія неимущихъ? вѣдь они — пасынки буржуазнаго строя; вѣдь имъ выгодно, имъ нужно бороться; вѣдь въ ихъ интересахъ покончить съ строемъ эксплуатаціи и гнета? Суровая жизнь даетъ печальные отвѣты. — Нѣтъ, отвѣчаетъ она намъ на нашъ вопросъ. *Не всѣ* слои, не всѣ группы неимущихъ способны бороться съ существующимъ строемъ; не всѣ являются проводниками, носителями соціальной революціи.

Каждая группа, каждый классъ, добывая средства къ существованію, принимаетъ извѣстное участіе въ жизни современнаго общества, играетъ опредѣленную общественную, соціальную роль. И въ зависимости отъ того, какъ и чѣмъ добываетъ группа или классъ средства къ существованію, въ зависимости отъ того, что дѣлаетъ, какую функцію выполняетъ классъ, смотря по тому, какова его роль въ современномъ обществѣ, — въ зависимости отъ всѣхъ этихъ условій складывается характеръ и стремленія даннаго класса или данной группы.

Различныя, составляющія классъ неимущихъ, части или группы выполняютъ въ буржуазномъ обществѣ различныя функціи (функція — дѣйствія, отправленія), играютъ различныя соціальныя роли, а потому и психологія этихъ группъ, ихъ соціальная психологія различна, неодинакова и не тождественна. Поясним нашу мысль примѣромъ. Городскіе рабочіе — промышленный пролетаріатъ — сосредоточенъ на фабрикахъ, заводахъ, большихъ мануфактурахъ, вообще въ крупномъ производствѣ. Источникъ его существованія — заработная плата, получаемая отъ капиталистовъ. У него опредѣленные интересы, свои нужды и невзгоды. Заработная плата низка, рабочій день продолжителенъ, хозяинъ-капиталистъ хорошъ или дуренъ, ему угрожаетъ безработица, или спросъ на его рабочія „наемныя" руки великъ. Всѣ эти условія, вся его повседневная, жизненная обстановка медленно и незамѣтно, но все же постоянно оказываетъ на него вліяніе. Вліяніе это можетъ быть плохимъ или благопріятнымъ, разслабляющимъ и отупляющимъ, или наоборотъ, революціонизирующимъ, сплачивающимъ. Словомъ, жизнь, которую по необходимости ведетъ городской рабочій, вырабатываетъ въ немъ опредѣленную психологію, психологію, по которой, если вдуматься и приглядѣться къ ней, не трудно отличить городской пролетаріатъ отъ другихъ группъ неимущихъ.

Крестьянство занимается главнымъ образомъ добывающей промышленностью. Каждый крестьянинъ обрабатываетъ, въ большинствѣ случаевъ, свой собственный клочекъ земли; онъ ведетъ свое самостоятельное, хотя и крохотное хозяйство. Другія заботы угнетаютъ его: нѣтъ денегъ на посѣвъ, скотины мало, плугъ старъ и плохъ, погода дурна и неблагопріятна урожаю хлѣбовъ; нѣтъ покупателя на хлѣбъ, или цѣны низки. Крестьянинъ, повидимому, самостоятельный хозяинъ; помѣщикъ, скупщикъ зерна — его враги; они жмутъ, давятъ, и безжалостно эксплуатируютъ его; но все таки онъ не наемный рабочій у нихъ, не батракъ. Жизненныя условія крестьянина во многомъ разнятся отъ житейской обстановки наемнаго городского рабочаго. Кругозоръ крестьянина, его отношенія къ окружающему и давящему его обществу иныя. И психологія крестьянства, — его соціальная психологія, особая, не совпадающая съ психологіей, скажемъ напримѣръ, городского рабочаго.

Совсѣмъ иную роль играетъ въ современномъ обществѣ, совершенно иначе сложилась жизнь, условія и отношенія у люмпенъ-пролетаріата, у сельскихъ батраковъ, рабочихъ мелкаго цехового ремесла. И понятно, что всѣ эти группы имѣютъ свою, отличающую ихъ отъ другихъ группъ, психологію. А соціальная психологія группы, слоя или класса имѣетъ крупное, первостепенное значеніе. Отъ нея зависитъ, она рѣшаетъ вопросъ о томъ, является ли сейчасъ, или явится въ будущемъ та или иная группа, тотъ или иной классъ серьезной силой, на которую можно опереться, которая подниметъ и будетъ нести знамя борьбы со всей буржуазіей и всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Соціальная психологія класса или дѣлаетъ его слабымъ, безпомощнымъ, и безформеннымъ, или, наоборотъ, выдвигаетъ его, какъ грознаго, могучаго потаящимся въ немъ силамъ, носителя разрушенія капиталистическаго строя.

Итакъ, сперва руководствуясь принципомъ „возможности удовлетворенія потребностей", мы расчленяемъ *все* современное общество на неимущихъ и буржуазію. Затѣмъ, внимательно изслѣдовавъ сложный и численно огромный классъ неимущихъ, мы выдѣляемъ въ зависимости отъ соціальной психологіи, а потому и той или иной степени революціонности, тѣ группы и слои неимущихъ, которые въ будущемъ явятся могильщиками полнаго лжи и грязи буржуазнаго общества.

⁂

Прежде, чѣмъ перейти къ главной темѣ нашей статьи, коснемся слегка вопроса о значеніи и границахъ классовой борьбы.

Понятіе „классовая борьба" сдѣлалось „притчей во языцѣхъ". Его повторяютъ безчисленное число разъ кстати и не кстати, часто не отдавая себѣ отчета въ значеніи этихъ двухъ словъ. Какъ мелкая монета, долго бывшая въ обращеніи, прошедшая безконечное множество рукъ, стирается, пріобрѣтаетъ видъ обыкновеннаго куска метала, на которомъ трудно что либо прочесть, — такъ и понятіе „классовая борьба" отъ частаго и небрежнаго обращенія съ нимъ обезцвѣтилось, вылиняло, сдѣлалось ходячимъ словомъ, бросаемымъ направо и налѣво. А между тѣмъ, далеко не лишнее уяснить себѣ это понятіе.

Классовая борьба не есть какое то отвлеченное, само по себѣ святое и священное начало; это и не злостный вымыселъ соціалистовъ, анархистовъ. Нѣтъ. Сама жизнь, та самая жизнь, которая выдвинула буржуазію и пролетаріатъ, образовавъ между ними глубокую, зіяющую пропасть, сама суровая дѣйствительность, рѣжущая намъ глаза дикимъ контрастомъ (противоположностью) между томящейся отъ пресыщенія буржуазіей и задыхающимся подъ гнетомъ нужды и голода пролетаріатомъ, — она, эта жизнь и дѣйствительность, властно требуетъ и зоветъ неимущихъ къ классовой борьбѣ.

Языкъ ея рѣчей безыскуственно простъ: въ борьбѣ спасеніе неимущихъ! Каждый часъ, каждый мигъ существованія буржуазіи грознымъ призракомъ полнаго вырожденія стоитъ передъ пролетаріатомъ... Нѣтъ *единаго* человѣчества. Нѣтъ единыхъ страданій, единыхъ немощей и болей; нѣтъ единаго ума и сердца. На зарѣ исторіи хищная рука жаднаго собственника и властителя разбила, похитила, этотъ даръ. Единаго человѣчества не стало. Всталъ „братъ" противъ „брата", классъ противъ класса. Эксплуатація и гнетъ стали доминирующимъ (господствующимъ) фактомъ жизни, и классовая борьба неимущихъ противъ буржуазіи должна стать такимъ же господствующимъ, все окрашивающимъ фактомъ современной дѣйствительности. Ею, классовою борьбою, должны руководиться пролетаріи во всѣхъ своихъ помыслахъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ буржуазному обществу. Лишь въ одномъ, только въ одномъ случаѣ пролетаріи могутъ на мигъ забыть священный для нихъ завѣтъ классовой борьбы. — Лишь передъ лицомъ грозной опасности *немедленной гибели*, немедленнаго полнаго уничтоженія. Такъ, страшное изверженіе вулкана въ странѣ, все сжигающаго на своемъ пути, или, едва ли имѣющая мѣсто въ жизни, неминуемая опасность полнаго истребленія *всего населенія* чужеземнымъ народомъ на мигъ можетъ заглушить голосъ борьбы; о борьбѣ тогда нѣтъ мысли; — надо жизнь спасать! И лишь на тотъ краткій мигъ падаетъ законъ непримиримой классовой борьбы. Но эти случаи болѣе мыслимые, чѣмъ реальные, въ жизни встрѣчающіеся... Сбросьте цѣпи, неимущіе, или вы погибните — таковъ неумолимый голосъ жизни. Пока не возродится вновь человѣчество, не сгинетъ буржуазія, держите мечъ, обездоленные!

---

*) Взявъ за основу дѣленія общества на классы принципъ «возможности удовлетворенія потребностей», мы, между прочимъ, имѣемъ формальную возможность включить въ понятіе «классъ» и люмпенъ-пролетаріатъ, тотъ самый люмпенъ-пролетаріатъ, къ которому порою зло и грубо, порою же просто съ какой-то буржуазной ненавистью относится соціалъ-демократія; люмпенъ-пролетаріатъ, съ которымъ никакъ не могутъ справиться соціалисты-революціонеры.

⁂

Итакъ, классовая борьба необходима. Но какъ должна вестись она? Въ какія отношенія къ существующему буржуазному обществу должны стать неимущія массы? И передъ нами встаютъ сложные и трудные вопросы. Чтобы отвѣтить на нихъ необходимо прежде всего дать отвѣтъ на одинъ вопросъ: каково должно быть отношеніе неимущихъ къ прогрессу современнаго общества?

Внѣ его воли, независимо отъ того, хочетъ ли онъ того или нѣтъ, пролетаріатъ живетъ въ современномъ обществѣ. Сложная и спутанная сѣть многообразныхъ общественныхъ отношеній окружаетъ и захватываетъ его. Тысячью нитей связанъ пролетарій съ окружающимъ его обществомъ, онъ — составная часть того цѣлаго, которое зовется обществомъ, націей, государствомъ. Порвать пестрый узелъ своихъ отношеній съ этимъ „цѣлымъ" онъ не можетъ. Но это „цѣлое" — современное общество — не есть нѣчто застывшее, неизмѣнное, разъ навсегда данное. Цѣлый рядъ глубокихъ и сложныхъ видоизмѣненій и перемѣнъ постоянно совершается въ немъ. Мѣняются общественныя формы, на мѣсто однихъ, отжившихъ и устарѣлыхъ учрежденій являются новыя, болѣе усовершенствованныя и приспособленныя; однѣ отношенія отмираютъ, отходятъ въ область прошлаго, другія — нарождаются, пріобрѣтаютъ значеніе и силу. Ростутъ общественныя богатства, совершенствуется техника, проводятся новые пути сообщенія, создаются цѣлыя области производства и промышленности, развивается знаніе и наука, дѣлаются новыя, порой весьма важныя, открытія и изобрѣтенія, ростетъ народное образованіе, эксплуатируются и приводятся въ дѣйствіе дотолѣ невѣдомыя природныя силы и богатства. Словомъ, вѣчную смѣну явленій и формъ, вѣчный переходъ однѣхъ формъ въ другія, не прекращающійся процессъ измѣненій и усовершенствованій наблюдаемъ мы въ жизни обществъ. И невольно возникаетъ вопросъ: что даетъ неимущимъ это развитіе, что приноситъ и сулитъ имъ прогрессъ буржуазнаго общества? — На него мы отвѣтимъ ниже; сейчасъ отмѣтимъ еще одно. Основной фактъ существованія пролетаріата — трудъ, вѣрнѣе эксплуатація его труда капиталистомъ-буржуа. Всю жизнь свою проводитъ пролетарій за станкомъ. Къ нему прикованы всѣ помыслы его, вокругъ него вертятся его заботы и думы, съ нимъ связаны самые важные, наиболѣе близкіе сердцу его интересы. Но помимо этого существуетъ область отношеній пролетаріата къ буржуазному обществу, область, которая нѣсколько удалена отъ интересовъ станка и заработной платы, хотя во многомъ близко соприкасается и переплетается съ ней и область частной жизни неимущихъ. Вѣдь пролетарій „членъ" государства въ которомъ живетъ, „сынъ" своей націи, „дитя" своей родины. — Государство воспитываетъ его дѣтей, налагаетъ на него подати и повинности, опутываетъ цѣлою сѣтью разрѣшающихъ и запрещающихъ законовъ; нація шлетъ его на войну, на защиту его „родины" и т. д. Стѣсняющіе и давящіе требованія и законы также претерпѣваютъ видоизмѣненія. У кормила власти поочередно, въ зависимости отъ разнообразныхъ причинъ и условій, становится то реакціонная, сыплющая репрессіями, то либеральная, дарящая послабленіями и вольностями, буржуазія. — Самодержавіе смѣняетъ конституціонная монархія, конституціонную монархію — республика... И, съ перваго взгляда, кажется, что, если не для улучшенія своего матеріальнаго положенія, положенія пролетаріевъ, то по крайней мѣрѣ какъ „граждане", какъ „сыны" и „дѣти" своего отечества и государства неимущіе должны содѣйствовать и способствовать указанному нами развитію и совершенствованію буржуазнаго общества.

Что же въ дѣйствительности сулитъ это развитіе неимущимъ? Въ какія отношенія къ совершающемуся прогрессу общества должны они стать? Какую позицію занять?

Передовая, либеральная буржуазія, а за ней и соціалисты-демократы зовутъ пролетаріатъ подъ знамя борьбы за дальнѣйшій прогрессъ современнаго общества. Они утверждаютъ, что этотъ прогрессъ выгоденъ и нуженъ не только буржуазіи, но въ неменьшей степени и неимущимъ, что это и ихъ *прогрессъ*. Они доказываютъ, что пролетаріатъ не можетъ, не долженъ уклоняться отъ активной борьбы за дальнѣйшее развитіе государства, національнаго богатства, за дальнѣйшее прогрессивное измѣненіе законодательства и т. д. Словомъ, общенаціональныя, общегосударственныя задачи должны встрѣтить горячую поддержку въ рядахъ неимущихъ.

Сошлемся на одинъ всѣмъ близкій и понятный примѣръ. Въ Россіи существуетъ самодержавіе. Прогрессивная буржуазія, въ лицѣ партіи Народной Свободы и соціалисты-демократы — с.-д. и с.-р. выставляютъ какъ очередную, ближайшую общенаціональную задачу низверженіе самодержавія и введеніе въ Россіи демократическаго государственнаго устройства — короче — введеніе демократіи... Какъ разсматриваютъ они этотъ шагъ, чѣмъ доказываютъ необходимость въ такомъ государственномъ переустройствѣ?

Самодержавіе, говорятъ они, въ конецъ разоряетъ страну, оно разстраиваетъ и мѣшаетъ промышленному развитію ея. Оно не способно защищать внѣшніе интересы націи. (Русско-японская война наглядно показала всю неподготовленность и слабость нашей арміи, ея недисциплинированность и необученность; она же (война) выяснила слабость и неумѣлость нашей дипломатіи). Далѣе, самодержавіе порождаетъ и поддерживаетъ полнѣйшее беззаконіе, безпредѣльный чиновничій произволъ и т. д..... Словомъ, дальнѣйшее пребываніе у власти самодержавнаго правительства грозитъ странѣ полнѣйшей анархіей, причемъ, какъ истые дѣти буржуазнаго общества, эти господа разумѣютъ подъ анархіей хаосъ, доходящій до послѣднихъ предѣловъ безпорядокъ и неорганизованность. Необходимо — утверждаютъ они далѣе — бороться за представительное правленіе, за демократію. Истинно-народная власть — по ихъ убѣжденіямъ — быстро двинетъ впередъ и укрѣпитъ пошатнувшееся національное хозяйство, сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, оградить внѣшніе интересы государства. Оно — и только оно — способно дать гарантіи законности и максимумъ (высшую мѣру) необходимыхъ правъ и свободъ. Послѣднее же — то есть нѣкоторыя „свободы" и права, а также прочная гарантія законности, служитъ лучшимъ, вѣрнѣйшимъ средствомъ мирнаго, безболѣзненнаго разрѣшенія споровъ и несогласій, раздирающихъ нынѣ различные классы, слои и группы населенія. И въ программахъ демократическихъ партій выдвигаются требованія всеобщаго избирательнаго права со всѣми гарантіями, выборнаго суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ нимъ, замѣны постояннаго войска народной милиціей и т. д. Водворится демократія — говорятъ они — и принесетъ съ собой быстрый расцвѣтъ и ростъ буржуазіи; послѣдняя окрѣпнетъ, разовьется, распространитъ свое вліяніе на новыя, доселѣ еще незатронутыя обширныя области. Принесетъ демократія „многое" — говорятъ либеральные буржуа и соціалисты-демократы — и неимущимъ — подымется народное благосостояніе, кое какія уступки получатъ они отъ буржуазіи, даны имъ будутъ права выражать и отстаивать, конечно, мирно, легально свои желанія и нужды. Вообще, — и мы въ этомъ вполнѣ *согласны* съ ними — демократическое государственное устройство есть крупный шагъ по пути дальнѣйшаго прогресса буржуазнаго общества.

Буржуазная и соціалистическая демократія зовутъ пролетаріатъ къ поддержкѣ буржуазнаго прогресса. Мы же утверждаемъ, что дѣло буржуазнаго прогресса не есть дѣло пролетарскихъ массъ; оно имъ чуждо, болѣе того — враждебно. Классовая борьба неимущихъ, по нашему убѣжденію, несовмѣстима съ борьбой за идеалы и цѣли прогресса буржуазно-капиталистическаго общества. И соціалистамъ-демократамъ, считающимъ себя классовой пролетарской партіей, мы бросаемъ упрекъ въ затемненіи сознанія массъ, въ совлеченіи ихъ съ истиннаго, дѣйствительнаго пути борьбы; мы указываемъ имъ, что всей ихъ дѣятельностью, всѣми своими выступленіями, они, соціалисты-демократы, сознательно или безсознательно приходятъ на помощь буржуазіи, являются хорошими, активными помощниками ея.

Чтобы доказать наше положеніе, что неимущіе, если только они дѣйствительно стремятся вести классовую борьбу, не могутъ и не должны способствовать прогрессу буржуазнаго общества, чтобы доказать эту мысль намъ необходимо выяснить, что понимаемъ мы подъ классовой борьбой. Какое содержаніе вкладываемъ въ это понятіе. Классовую борьбу мы понимаемъ прежде всего какъ борьбу, какъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, примѣняемыхъ неимущими противъ враждебнаго класса. *Частота и степень насильственныхъ дѣйствій* пролетаріата противъ буржуазіи — вотъ лучшій показатель классовой борьбы. *Частота и степень насильственныхъ дѣйствій* — вотъ показатель одновременной дезорганизаціи буржуазіи и самоорганизаціи класса пролетаріата. Выставляемыя требованія должны быть по существу своему враждебны интересамъ буржуазіи. Построенная такимъ образомъ система требованій и борьба сама собою сдѣлаетъ невозможнымъ объединенныя, совмѣстныя дѣйствія пролетаріата и буржуазіи во имя какихъ бы то ни было общественныхъ лозунговъ и задачъ, такъ какъ яркая борьба возгорится между этими двумя враждебными лагерями. Затѣмъ, классовая борьба должна вестись такъ, чтобы каждый шагъ ея, каждое выступленіе и дѣйствіе укрѣпляло, организовывало и развивало революціонную способность массъ, доводило боевую готовность ихъ до высшаго предѣла, создавало изъ класса неимущихъ грозную боевую армію, способную вступить въ окончательную, рѣшительную схватку съ буржуазіей; словомъ, первое требованіе, предъявляемое классовой борьбѣ — *революціонно сплачивать и организовать силы своего класса*. Далѣе: классовая борьба должна дезорганизовать, ослаблять, вносить наивозможно больше разстройства и безпорядка въ ряды врага. Своими постоянными нападками, всѣми своими дѣйствіями классъ неимущихъ долженъ наносить возможно большій ущербъ враждебному классу — буржуазіи, разстраивать всѣ его планы и предпріятія, насильственно вторгаться въ его хозяйственную дѣятельность, мѣшать ему организовываться, доводя его боевыя силы до полнаго упадка. Далѣе: каждый актъ борьбы долженъ открывать передъ неимущими, наглядно убѣждать ихъ, что буржуазія — ихъ врагъ, враждебный имъ классъ. Мы можемъ формулировать задачи классовой борьбы такъ: наивозможно больше революціонныхъ, насильственныхъ дѣйствій противъ враждебнаго класса; организація силъ своего класса и дезорганизація силъ врага; отмежеваніе, отдѣленіе въ фактической борьбѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ въ особый враждебный буржуазіи классъ. Рѣзкій и рѣшительный отказъ отъ всякихъ объединенныхъ, совмѣстныхъ дѣйствій и требованій. Всегда отмежевываться, никогда не объединяться; постоянная организація неимущихъ, непрекращающаяся дезорганизація буржуазіи — вотъ лозунги классовой борьбы.

Запомнимъ данное нами опредѣленіе классовой борьбы и пойдемъ дальше. Что, въ сущности, значитъ сказать, что нѣчто или нѣкто прогрессируетъ? Что такое — прогрессъ общества? Когда мы говоримъ, что данное общество или данный организмъ прогрессируетъ, — это значитъ, что общество или организмъ растетъ, крѣпнетъ, умножаетъ свои силы; — это значитъ, что всѣ его функціи, отправленія развиваются, совершенствуются; это означаетъ, что общество приводитъ въ гармонію всѣ его отдѣльныя составныя части, лучше согласуетъ ихъ между собой; это значитъ, наконецъ, что оно пріобрѣтаетъ новыя силы, становится болѣе способнымъ бороться съ окружающими его неблагопріятными внѣшними и внутренними условіями. (Словомъ, прогрессируя, общество самымъ фактомъ прогресса обезпечиваетъ себѣ болѣе или менѣе продолжительное, прочное и безопасное существованіе. Прогрессъ — залогъ дальнѣйшей жизни. Сущность его — борьба общества съ угрожающими ему внутренними и внѣшними опасностями.*)

Теперь мы подошли къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса. Достаточно сопоставить и внимательно вдуматься въ данныя нами два опредѣленія: классовой борьбы и прогресса буржуазнаго общества, чтобы отвѣтъ сталъ ясенъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя совмѣстить классовую борьбу и содѣйствіе буржуазному прогрессу; нельзя одновременно стремиться къ дезорганизаціи врага, ослабленію и разстройству всѣхъ его отправленій и функцій и въ то же время помогать его организаціи, способствовать его росту и увеличенію жизненныхъ силъ; невозможно стремиться отдѣлить себя отъ буржуазіи, желать становиться всегда во враждебныя отношенія къ ней и въ то же время, объединяться съ буржуазіей, быть ея союзникомъ. А совмѣстная борьба неимущихъ съ буржуазіей за дальнѣйшій прогрессъ буржуазнаго общества является ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ, объединеніемъ этихъ двухъ классовъ. Кто говоритъ: „да здравствуетъ классовая борьба!" не можетъ одновременно привѣтствовать буржуазный прогрессъ. Изъ сказаннаго выясняется наше отношеніе ко всякимъ *общественнымъ* и *общегосударственнымъ* задачамъ. Такія задачи — суть задачи современнаго общества. Рѣшительно и безповоротно долженъ отказаться пролетаріатъ отъ нихъ.

Буржуазный прогрессъ отвергнутъ нами. Онъ чуждъ, онъ враждебенъ неимущимъ. Въ немъ заинтересована лишь буржуазія. Но на ряду съ такимъ буржуазнымъ прогрессомъ, мы думаемъ, можетъ и долженъ существовать чисто-классовый *пролетарскій* прогрессъ. Что понимаемъ мы подъ нимъ? Какъ сплошное, сжимающее кольцо, какъ неразрывный, тѣсно сплоченный кругъ охватываетъ пролетаріатъ буржуазное общество. Рамки его давятъ неимущихъ. Послѣдніе ведутъ борьбу. Борьба эта можетъ преслѣдовать двѣ цѣли, имѣть два результата. Борющіеся могутъ добиваться лишь болѣе благопріятныхъ условій существованія въ рамкахъ современнаго общества, могутъ стремиться къ нѣкоторому, выгодному для нихъ, расширенію этихъ рамокъ, отнюдь не пытаясь и не имѣя въ виду разорвать и уничтожить сами буржуазныя рамки. Но результатомъ и цѣлью борьбы неимущихъ можетъ быть обратное стремленіе — стремленіе совершенно расшатать устои, окончательно разбить рамки буржуазно-капиталистическаго строя.

Далѣе: какъ отдѣльные акты, такъ и отдѣльные періоды борьбы могутъ въ результатѣ или привести къ болѣе или менѣе продолжительному, длящемуся иногда многіе годы, успокоенію массъ добытыми улучшеніями, къ нѣкоторому примиренію ея со всѣмъ зломъ существующаго, или, наоборотъ, борьба можетъ еще сильнѣе разжечь постоянно тлѣющій огонь ненависти къ буржуазному обществу, дать новый, могучій толчекъ къ борьбѣ за полное, всестороннее освобожденіе. Всѣ тѣ факты и явленія, которые влекутъ за собой дальнѣйшій разрывъ неимущихъ съ буржуазіей, расшатываютъ господство послѣдней и обостряютъ въ массахъ желаніе борьбы, углубляя ихъ революціонность и сознательность — всѣ такія явленія и факты въ своей совокупности составляютъ пролетарскій прогрессъ.

Буржуазный прогрессъ характеризуетъ стремленіе господствующаго класса сохранить и упрочить свое господство. Пролетарскій прогрессъ — все, что способствуетъ и облегчаетъ неимущимъ разбить оковы гнета, упрочить свои боевыя силы, сломить мощь и силу врага, и построить жизнь на новыхъ, равныхъ и свободныхъ началахъ. Пролетарскій прогрессъ это — ростъ силы, революціонной способности и классовой сознательности неимущихъ. Все, что способствуетъ этому росту, все, что углубляетъ эту революціонность и сознательность, должно быть привѣтствуемо и энергично поддержано въ интересахъ пролетарскаго прогресса.

Стремясь къ окончательному, всестороннему освобожденію, неимущіе вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляютъ буржуазному обществу рядъ требованій, имѣющихъ цѣлью улучшить и хоть нѣсколько поднять матеріальное положеніе пролетаріевъ, или, по крайней мѣрѣ, не допустить дальнѣйшее паденіе его, грозящее полнымъ вырожденіемъ народнымъ массамъ. Къ каждому изъ частныхъ требованій и борьбѣ за нихъ мы подходимъ съ мѣриломъ пролетарскаго прогресса; въ каждомъ случаѣ мы спрашиваемъ *себя* — какъ отражается предъявляемое требованіе на *всей* борьбѣ пролетаріата; ведется ли борьба за данное требованіе такъ, что усиливаетъ, обостряетъ классовую борьбу, даетъ новые поводы и толкаетъ неимущихъ къ соціальной революціи, или, наоборотъ, задерживаетъ дальнѣйшую борьбу, притупляетъ классовую ненависть и отдаляетъ моментъ соціальной революціи. Въ первомъ случаѣ мы признаемъ и привѣтствуемъ эту борьбу, во второмъ — отвергаемъ... Не всѣ дороги въ Римъ ведутъ; не всякая борьба, не каждое требованіе ведетъ къ соціальной революціи. Далеко нѣтъ. Такъ, демократія приноситъ нѣкоторыя улучшенія, но онѣ заграждаетъ путь къ послѣдней битвѣ, отдаляетъ моментъ ея... Благо-

---

*) Кстати ошибочно думать, что буржуазное общество для роста собственныхъ силъ, для борьбы съ грозною опасностью — революціонно-разрушительными стремленіями неимущихъ массъ нуждается только въ нарастаніи чисто физическихъ силъ. Помимо винтовки національнаго гвардейца, надсмотрщика и приказчика буржуазіи нужны еще «чистые», кроткіе и гуманные незамѣтные служители ея «истины», хранители ея «цѣнностей». И кромѣ штыка и рубля буржуазія помѣщаетъ между собою и пролетаріатомъ еще и идейные, моральные и эстетическіе вопросы. Какъ свѣтъ и воздухъ нуженъ ей ореолъ гуманизма. Чисто «человѣческія», къ эксплуатаціи отношенія «не имѣющія», пролегаютъ между нею и угнетенными массами. Больше того. Дивная кисть живописца, грустная мелодія музыкальныхъ аккордовъ, «чистое», отъ земли оторванное исканіе мысли — все это, такъ или иначе вызванное къ жизни, прикрѣпляетъ, тѣсно спаиваетъ съ собою буржуазное общество. Область эта очень отдалена отъ непосредственной буржуазно-капиталистической эксплуатаціи, отъ тревогъ непосредственной, реальной *борьбы*, и порою кажется, что ничего общаго съ ними она не имѣетъ. Но именно въ этой отдаленности вся цѣнность и важность ея для буржуазіи. Подробно останавливаться на этомъ вопросѣ мы сейчасъ не имѣемъ возможности. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ мы попытаемся обстоятельнѣе разобраться въ этомъ пунктѣ.

даря широко-практикующимся въ Англіи третейскимъ судамъ, примирительнымъ камерамъ, въ которыхъ судьями и примирителями являются уполномоченные отъ хозяевъ и рабочихъ, благодаря имъ можетъ быть добыто то или иное улучшеніе. Но такой пріемъ, такой способъ „борьбы" губителенъ для роста революціонности и классовой сознательности неимущихъ. И потому долженъ быть отвергнутъ.

Мы — не „рабочіе дѣятели". Для послѣдняго важно *данное* улучшеніе, желательно выиграть *данное* требованіе. И больше ничего. Будущее пролетаріата его не занимаетъ. Кругозоръ его сдавленъ и заполненъ настоящимъ моментомъ, тѣмъ или другимъ временнымъ, частичнымъ улучшеніемъ; онъ отграничилъ себѣ узенькую полочку и на ней хозяйничаетъ, на этомъ крохотномъ клочкѣ беспомощно копошится и возится, не замѣчая, что тщетны его труды, что зло смѣется надъ нимъ дѣйствительность; ибо, чѣмъ менѣе выступаетъ пролетаріатъ какъ классъ, тѣмъ менѣе прочны, устойчивы и значительны добытыя улучшенія.

Иное дѣло — классовой идеологъ. То или иное требованіе, маленькое или значительное улучшеніе интересуютъ его не сами по себѣ. Онѣ для него средство развить и расширить классовую борьбу. Его цѣль — соціальная революція неимущихъ. Онъ выбираетъ и предпочитаетъ такія требованія, ищетъ такія методы борьбы, которые приближали бы его къ его завѣтной цѣли, цѣли, къ которой должны стремиться всѣ обездоленные и неимущіе — къ полному паденію, окончательному ниспроверженію современнаго буржуазно-капиталистическаго общества.

II

Жизнь ставитъ загадки. Она обращаетъ къ намъ свое холодно-неприступное, загадочное чело и на челѣ этомъ какъ бы начертаны слова: „Пойми, разгадай меня. Пойми, ибо жалкій и безсильный, ты будешь раздавленъ мною; разгадай, ибо если нѣтъ — я обращу на тебя всѣ бѣды мои, обреку тебя на жалкое, безплодное прозябаніе". Властно требуетъ жизнь понять, уразумѣть ее. И бьется, работаетъ человѣческая мысль. Поколѣнія борцовъ сходятъ въ могилу; гибнутъ герои; идетъ борьба, порою кровавая и жестокая, и несетъ съ собою новыя страданія и жертвы; а мысль тревожно работаетъ… Ищутся отвѣты. Создаются все новыя теоріи и системы. Человѣкъ хочетъ понять жизнь. Ему нужно понять ее, чтобы по своему перестроить. Человѣкъ не хочетъ быть рабомъ жизни; онъ стремится стать владыкой ея.

Особенно много самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ теорій и системъ выдвинуто въ соціальной области, въ области классовой борьбы. И всякій кто не остается равнодушнымъ къ великой, вѣками длящейся борьбѣ неимущихъ съ капиталомъ, не можетъ пройти мимо этихъ разнообразныхъ теорій и системъ; онъ долженъ опредѣлить свое отношеніе къ каждой изъ нихъ — принять или отвергнуть.

Насъ сейчасъ интересуютъ только двѣ изъ многочисленныхъ теорій классовой борьбы. Слегка остановимся на нихъ. Изложеніе и разборъ этихъ теорій поможетъ уясненію нашей позиціи; критика этихъ системъ облегчитъ намъ нашу задачу; а задача этой части статьи такова: найти общія основы нашей тактики, изложить и обосновать существенные принципы классовой борьбы.

Изложимъ сперва первую теорію, извѣстную подъ именемъ махаевщины или теоріи группы „рабочаго заговора".

Все зло въ идеологіи, въ идеалахъ. Въ продолженіи всей исторіи, всегда, когда народныя массы подымались на борьбу, приходила притворно-правдивая, обманчиво-искренняя интеллигенція и совлекала ихъ съ истиннаго пути борьбы. Классъ бѣлоручекъ, интеллигенція — этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ, это коварное дитя буржуазіи, въ теченіи многихъ, долгихъ вѣковъ опутывала рабочія массы тонкой сѣтью призрачныхъ идеаловъ, хитрой сказкой несбыточныхъ утопій. Народныя массы шли за ними; проливали кровь свою; гибли, боролись. И на мѣсто старыхъ цѣпей появлялись новыя, лишь слегка позолоченныя, но еще болѣе крѣпкія и прочныя. И еще тяжелѣе и мучительнѣе становилось рабство, невыносимѣе гнетъ неволи. Горькое разочарованіе овладѣвало массами, падала энергія, терялась вѣра. И на долгіе годы наступало мертвое затишье… Такъ было всегда, повсюду.

Долой идеалы! Долой идеалы демократіи, соціализма, анархизма! Лишь борьба за *конкретныя*, повседневныя требованія, борьба за улучшеніе матеріальнаго положенія массъ, за болѣе короткій рабочій день, болѣе санитарныя условія труда, за лишнюю копейку — отвѣчаетъ интересамъ массъ. Путемъ цѣлаго ряда такихъ требованій рабочій классъ добьется своего конечнаго, конкретнаго требованія — *равнаго дохода для всѣхъ*. Онъ добьется того, что пролетарій, капиталистъ-буржуа и чиновники-правители будутъ получать равные доходы. Но буржуазно-капиталистическое общество еще будетъ существовать; не будетъ еще уничтожена частная собственность и охраняющее ее государство; не сгинетъ еще съ лица земли и буржуазія.

Добившись равнаго дохода для всѣхъ, пролетаріатъ не замедлитъ рѣшительно потребовать удовлетворенія своего послѣдняго, *конкретнаго* требованія — *равнаго образованія для всѣхъ*. А требованіе это, по глубокому убѣжденію послѣдователей этой теоріи, крайне важно, чревато огромными послѣдствіями. Будетъ удовлетворено это требованіе и уничтожится разница въ образованіи. — Всѣ будутъ равно-знающими и образованными. Пройдетъ тогда десятокъ, другой лѣтъ и выраститъ поколѣніе знающихъ и образованныхъ пролетаріевъ. Наука станетъ достояніемъ не только буржуазіи, но и въ равной мѣрѣ — рабочаго класса. Никто тогда не сможетъ эксплуатировать невѣжество рабочихъ массъ. Не нужны станутъ имъ разнаго рода „учителя", вѣчно ихъ обманывающіе. Рабочій классъ самъ пойметъ какъ слѣдуетъ ему устроиться, какъ жить. И пусть самъ устраивается! Это его дѣло.

Словомъ, какъ на крѣпкую тесьму нанизываютъ одну за другою бусы и въ результатѣ получается цѣлое ожерелье, такъ послѣ цѣлаго ряда конкретныхъ требованій пролетаріатъ добьется удовлетворенія своихъ конечныхъ *конкретныхъ* требованій — равнаго дохода и равнаго образованія для всѣхъ. Эти же требованія несутъ ему полное всестороннее освобожденіе. Такова въ общихъ чертахъ эта теорія.

Перейдемъ теперь ко второй изъ интересующихъ насъ системъ — ко взглядамъ анархической группы „Безначаліе" *).

Воззрѣнія ея полная противоположность взглядамъ группы „Рабочаго Заговора".

Пролетаріатъ слишкомъ погрязъ въ болотѣ всякаго рода конкретныхъ требованій, говорятъ сторонники этого направленія. Изъ за густого лѣса повседневныхъ, конкретныхъ требованій онъ проглядѣлъ свою великую, историческую цѣль — соціальную революцію.

Ошибка всѣхъ партій та, что онѣ постоянно подсовываютъ пролетаріату частичныя требованія и мелкія реформы вмѣсто того чтобы всегда, не упуская ни одного случая, призывать пролетаріатъ къ единственно для него возможной борьбѣ — къ борьбѣ за полное освобожденіе, за соціальную революцію.

Пролетаріатъ можетъ и долженъ предъявить капиталистическому обществу лишь одно требованіе — требованіе перестать существовать вовсе. Ни 8-ми часовой рабочій день, ни болѣе высокая заработная плата, ни лучшія санитарныя условія труда — не могутъ служить лозунгомъ борьбы. Требованія подобнаго рода буржуазны по существу своему; онѣ должны быть рѣшительно отвергнуты. Лишь къ борьбѣ за полное, всестороннее освобожденіе, только къ соціальной революціи должно звать народныя массы. Не гроши и копейки, не реформы и улучшенія, а бунтъ противъ основъ всего строя, борьба за полный идеалъ — вотъ единственный лозунгъ неимущихъ и угнетенныхъ. Такова въ краткихъ чертахъ сущность теоріи „Безначалія".

Перейдемъ къ разбору ея.

Массы не живутъ идеалами. Ихъ захватываютъ и глубоко волнуютъ интересы дня, интересы окружающей дѣйствительности. Все остальное имъ сравнительно чуждо, слабо интересуетъ ихъ. Фабрика, мастерская, заводъ, — ихъ интересы, семья и знакомые, событія дня, — вотъ чѣмъ изо дня въ день живутъ массы, что наполняетъ внутренній міръ ихъ. Отдаленные же, хотя и прекрасные идеалы будущаго не могутъ сами по себѣ оказывать рѣшающаго вліянія на ихъ дѣйствія и поступки. Психика массъ конкретна. И съ этимъ нельзя не считаться. Изъ цѣлаго моря житейскихъ явленій и фактовъ она учитываетъ, останавливаетъ свое вниманіе преимущественно на такихъ явленіяхъ и фактахъ, которые непосредственно, неоспоримо-близко связаны съ ея повседневной жизнью, оказываютъ очевидное и важное вліяніе на ея житейскія, реальныя отношенія къ окружающему; и чѣмъ дальше отстоитъ какое либо явленіе отъ повседневныхъ тревогъ и печалей массы, чѣмъ болѣе оторванъ данный фактъ отъ матеріальной, „грубой" дѣйствительности, въ которой вращаются массы, тѣмъ все меньшій откликъ находятъ эти факты и явленія въ массахъ. Ошибочно думать, что слово, горячій призывъ, даже самоотверженный примѣръ въ состояніи расшевелить численно громадныя массы, толкнуть ихъ на борьбу съ буржуазнымъ обществомъ, во имя другого „идеальнаго" общественнаго порядка. Вѣдь тотъ, другой общественный порядокъ, для массъ лишь привлекательный плодъ нашего воображенія, лишь *мыслимое, а не дѣйствительное*.

---

*) Не должно смѣшивать разборъ нѣкоторыхъ положеній выставленныхъ товарищами изъ «Безначалія» съ такъ называемой «фракціонной полемикой». Лично авторъ этой статьи, не смотря на существованіе крупнаго расхожденія между нами и «Безначаліемъ» по вопросу о конкретныхъ требованіяхъ, относится съ глубокой симпатіей къ направленію «Безначалія».

Смѣшна и странна такая мысль. Неужели весь вопросъ состоялъ въ томъ, что за всѣ долгіе вѣка нищеты, гнета и рабства не раздавалось такого слова и призыва, не было такихъ примѣровъ геройскаго самопожертвованія? Были пророки, были и герои. Но не въ нихъ дѣло. Слишкомъ темны и забиты массы, через-чуръ продолжительно рабство, слишкомъ сильна, могущественна и талантлива буржуазія, чтобы можно было питать надежду однимъ голымъ призывомъ къ соціальной революціи, одной рѣзкой критикой настоящаго и прославленіемъ прекраснаго идеала будущаго вырвать массы изъ ихъ глубоко-печальнаго настоящаго, сломить устои современнаго буржуазно-капиталистическаго строя... Съ трибунъ, каѳедръ и папертей церковныхъ амвоновъ съ поконъ вѣковъ разнаго рода ораторы, сектанты и проповѣдники призывали массы къ „прекраснымъ идеаламъ"; они звали ихъ къ „добру" и „прекрасной правдѣ", говорили о свѣтломъ строѣ свободы и братства. Массы слушали ихъ — иногда холодно и равнодушно, — порою чутко и напряженно, но въ жизнь ихъ призывы не претворяли; другіе интересы — интересы минуты, окружающей дѣйствительности приковывали ихъ къ себѣ желѣзной цѣпью заботъ и думъ о завтрашнемъ днѣ. И одинокими, непонятыми оставались правдоискатели, и „правда" ихъ, никому ненужная и безсильная оставалась достояніемъ десятковъ и единицъ; а массы по прежнему бродили въ нищетѣ и невѣжествѣ, какъ и встарь безропотно-покорно влачили ярмо эксплуатаціи и рабства и, какъ раньше, только повседневныя нужды и заботы будили ихъ къ жизни и борьбѣ.

Въ самомъ дѣлѣ присмотритесь къ рабочимъ собраніямъ въ Западной Европѣ.

Аудиторія собралась. Выступаетъ ораторъ. Онъ говоритъ о тяжеломъ настоящемъ, рисуетъ радужныя картины отдаленнаго, прекраснаго будущаго, зоветъ къ соціализму, къ борьбѣ за него. Искусно построенная, зажигательно красивая рѣчь оратора привлекаетъ вниманіе слушателей; имъ заранѣе знакомо содержаніе рѣчи, но свѣжій тонъ, красивая форма изложенія и воодушевленіе оратора передается слушателямъ. Аудиторія внимательно слѣдитъ за мыслью лектора, награждая его время отъ времени хлопками одобренія; а лекторъ говоритъ; онъ вдохновляется, плавная рѣчь его льется все быстрѣе, образы становятся ярче и все дальше уносится онъ въ сказочно-красивую область идеала и правды... Собраніе кончилось. Аудиторія расходится по домамъ. Присмотритесь теперь къ лицамъ, прислушайтесь къ разговорамъ и рѣчамъ. Глубокой думы, сильнаго впечатлѣнія вы не замѣтите. Собранія какъ бы не бывало. Ведутся разговоры о фабрикѣ, мастерской, семьѣ и знакомыхъ; идутъ толки и разговоры о событіяхъ дня. Словно съ интереснаго, но легко забываемаго зрѣлища расходится эта разношерстная толпа. И посмотрите ту же „толпу" на митингѣ въ которомъ обсуждается вопросъ о стачкѣ. Собраніе возбуждено. Каждый интересуется обсуждающимся вопросомъ, дискутируетъ, отстаиваетъ свое мнѣніе, критикуетъ противные взгляды. Чувствуется, что для слушателя это не праздная бесѣда, не просто пріятное собраніе. Отъ того или иного рѣшенія собранія зависитъ, будутъ ли завтра жена и дѣти пролетарія голодны, повысить ли онъ свой заработокъ, лишится ли работы или нѣтъ; а все это близко, понятно и важно рабочему.... И еще долго по окончаніи собранія вы услышите споры, увидите хмурыя фигуры, замѣтите заботу и размышленіе на лицѣ.

Массы могутъ двинуть на борьбу конкретныя требованія, близкія, связанныя съ повседневной жизнью лозунги. Отвлеченныя же идеи, далекія, хотя бы и прекрасные идеалы могутъ лишь вызвать симпатію массъ, но толкнуть ихъ на активную борьбу, въ большинствѣ случаевъ, не въ состояніи. Правда, мы знаемъ, что бываютъ моменты, когда массы, отбросивъ всякія конкретныя требованія подымаются на борьбу. Плохо отдавая себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, часто не сознавая ясно цѣли и задачи, возстаютъ массы. Онѣ знаютъ одно — невыносимо тяжело настоящее, слишкомъ велика ненависть къ буржуазіи; больше жить такъ нельзя. Жизни иной, свободной и счастливой хотятъ онѣ. Красивы и грозны тогда массы. Страшенъ ихъ гнѣвъ. Въ такіе моменты должны быть отброшены всякія конкретныя требованія. Одинъ призывъ можетъ раздаваться тогда — призывъ къ соціальной революціи. Лишь одинъ боевой кличъ — къ борьбѣ со всѣмъ строемъ, противъ всего буржуазнаго общества долженъ звучать въ массахъ.

Мы не можемъ отказаться отъ конкретныхъ требованій. Но правы ли теоретики „группы рабочаго заговора", утверждающіе, что борьба за конкретныя требованія, и только за нихъ, принесетъ неимущимъ полное освобожденіе. Мы думаемъ, что нѣтъ. Сами по себѣ конкретныя требованія уживаются вполнѣ съ дальнѣйшимъ существованіемъ буржуазнаго общества; онѣ имѣютъ цѣлью нѣсколько улучшить условія эксплуатаціи и гнета, но по существу своему не затрагиваютъ основъ этого гнета. Удовлетворить ихъ, вовсе не значитъ для буржуазіи сойти со сцены. Для нея не столь важно потерять, быть можетъ, нѣсколько грошей, какъ важно и нужно уничтожить, пресѣчь зло въ самомъ зародышѣ. А зло буржуазія видитъ въ террористическомъ, революціонномъ способѣ отстаиванія выставленныхъ требованій. Наиболѣе дальновидные и прогрессивные идеологи буржуазіи горячо рекомендуютъ своему классу заблаговременно пойти на уступки неимущимъ. Такимъ путемъ они предполагаютъ не только не расшатать капиталистическое общество, но напротивъ надѣются укрѣпить его предотвратить грозную опасность народнаго взрыва. Доводы ихъ не сложны. Нынѣ, разсуждаютъ они, народныя массы терпятъ слишкомъ острую нужду, онѣ совершенно не обезпечены и не въ состояніи удовлетворить многія самыя настоятельныя и элементарныя потребности. Это поселяетъ въ народѣ чувство раздраженія, накопляется вражда и злоба къ буржуазіи, къ буржуазному обществу. Вотъ причины стихійныхъ народныхъ взрывовъ, столь опасныхъ и страшныхъ для современнаго строя. Но такое положеніе вещей, говорятъ буржуазные идеологи, отнюдь не представляетъ непредотвратимой необходимости. При нѣкоторомъ усиліи, а главное „доброй волѣ" можно сохранить основы, сущность эксплуатаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ смягчить ея формы, отказаться отъ наиболѣе грубыхъ и через-чуръ уже жестокихъ размѣровъ ея. Необходимо удовлетворить многія частичныя требованія пролетаріевъ; тогда организмъ буржуазнаго общества перестанетъ потрясаться революціонными бурями. И современный капиталистическій строй не только не проиграетъ отъ этого, но и многое выиграетъ.

Удовлетвореніе конкретныхъ требованій такимъ образомъ вовсе не означаетъ смерти буржуазнаго общества. Но больше того. Голое признаніе конкретныхъ и лишь конкретныхъ требованій, влечетъ за собой стремленіе активно поддержать сторонниковъ буржуазнаго прогресса, и даже больше: бороться во имя его. Въ самомъ дѣлѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ демократія является благопріятной средой для борьбы за конкретныя, частичныя требованія; она облегчаетъ эту борьбу. Такъ англійскіе тредъ-юніоны способствовали поднятію матеріальнаго благосостоянія нѣкоторыхъ слоевъ англійскаго пролетаріата. Тоже можно сказать и о многихъ синдикатахъ Западной Европы. А тредъ-юніоны и синдикаты трудно себѣ представить внѣ демократическаго государственнаго устройства. Идеологи конкретныхъ требованій заинтересованы такимъ образомъ въ достиженіи демократіи, а, слѣдовательно, вынуждены принимать участіе въ борьбѣ за буржуазный прогрессъ, т. е. они должны уклониться отъ пути классовой борьбы *).

Итакъ, теоретикамъ „группы рабочаго заговора" грозитъ опасность удариться въ буржуазное реформаторство.

Вычеркнуть изъ нашей программы повседневную, конкретную экономическую борьбу мы не можемъ. Но дѣло не столько въ самихъ требованіяхъ, сколько въ формѣ и методѣ отстаиванія этихъ требованій. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобы построить и повести борьбу такъ, чтобы каждый разъ борьба изъ борьбы за конкретное, частичное требованіе превращалась для буржуазіи въ вопросъ всего ея существованія. Вопросъ въ томъ отстаивается ли предъявленное массами требованіе такими методами, что буржуазія видитъ предъ собою въ каждомъ конфликтѣ не просто недовольныя группы неимущихъ, а часть борющагося съ ней враждебнаго ей класса. Частное столкновеніе должно принять характеръ столкновенія двухъ классовъ. Итакъ, центръ тяжести съ конкретныхъ требованій переносится на способъ борьбы и отстаиванія этихъ требованій. Передъ нами, такимъ образомъ, стоитъ задача выяснить основные принципы борьбы. Займемся этимъ.

Люди съ большой фантазіей, всякаго рода мечтатели, уносясь въ заоблачную высь мечтаній, порою совсѣмъ забываютъ о „грѣшной землѣ". Но жизнь зло смѣется надъ ними. Она идетъ мимо нихъ. И слабые, безсильные, оторвавшіеся отъ дѣйствительнаго міра, они обречены на жалкое безплодіе.

---

*) Объ отношеніи существующемъ между поддержкой, содѣйствіемъ буржуазному прогрессу и классовой борьбой мы уже говорили въ I части нашей статьи.

Если мы не хотимъ слѣдовать ихъ примѣру и не желаемъ быть выброшенными за бортъ жизни, намъ необходимо внимательно изслѣдовать дѣйствительность, серьезно вдуматься въ все. И тогда наше вниманіе привлечетъ одно весьма интересное явленіе: наиболѣе общія, элементарныя и простыя, казалось бы наиболѣе понятныя и очевидныя явленія оказываются наиболѣе сложными, неизслѣдованными и непонятными. Обратимся къ интересующей насъ области.

Вѣка смѣняются вѣками; проходятъ тысячелѣтія; а народныя массы все терпятъ гнетъ, нужду и лишенія, несутъ не переставая тяжелый крестъ эксплуатаціи и порабощенія. Годъ за годомъ, въ продолженіи многихъ, долгихъ столѣтій создаютъ неимущіе огромныя богатства для своихъ эксплуататоровъ; голодные, они ежегодно доставляютъ неимовѣрное количество съѣстныхъ припасовъ и продуктовъ для другихъ; не имѣя угла, гдѣ преклонить свое усталое тѣло, они строятъ роскошныя, обширныя и дорого стоющія жилища для людей богатыхъ; оборванные, дрожащіе отъ холода, пронизываемые сырыми вѣтрами, они вырабатываютъ массу одежды и обуви для другихъ — все для другихъ, для эксплуатирующей и давящей ихъ буржуазіи. И, казалось бы, такъ просто и очевидно, что надъ ними совершается грубый обманъ, такъ ясно, что буржуазія эксплуатируетъ ихъ трудъ, присваиваетъ себѣ продукты этого труда. Казалось бы, что все это такъ просто и ясно, что неимущимъ не трудно понять все это и что у нихъ уже давно должно было родиться острое и больное желаніе прекратить такой порядокъ вещей, поднять знамя возстанія и бунта противъ всего капиталистическаго строя. Казалось бы! Но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Почему? Тутъ мы подходимъ къ одной, весьма интересной страничкѣ человѣческой психологіи.

Въ человѣческой психикѣ вырабатывается чувство обыденнаго, создаются привычки. Чѣмъ общѣе и распространеннѣе какое либо явленіе, чѣмъ чаще сталкиваемся мы съ нимъ, чѣмъ обыденнѣе оно, тѣмъ меньше останавливается на немъ наше вниманіе. Мы привыкаемъ къ нему, не замѣчая даже его присутствія. Мы проходимъ мимо такихъ явленій. И чтобы вызвать вопросъ, заставить задуматься надъ даннымъ явленіемъ, пробудить къ нему наше вниманіе, необходимо вызвать чувство *удивленія*. Та же причина дѣйствуетъ и въ интересующей насъ области. Буржуазное общество и характеризующая его эксплуатація, всѣ сложившіяся отношенія въ этомъ обществѣ, весь укладъ его окружаютъ пролетарія съ дѣтскихъ лѣтъ; онъ пригладѣлся къ нимъ, они ему кажутся обычными, нормальными и чуть ли не естественными. Иного общественнаго устройства онъ себѣ и не представляетъ. И чтобы вызвать у неимущихъ вопросъ, заставить ихъ задуматься, необходимо пробудить въ нихъ чувство удивленія къ привычнымъ отношеніямъ, ко всему современному строю. Какъ вызвать чувство удивленія у пролетаріата? Какимъ средствомъ владѣемъ мы для этого? Насиліе играетъ для насъ роль такого средства. Насиліе не есть, по нашему мнѣнію, только лучшій, наиболѣе вѣрный и цѣлесообразный способъ отстаиванія предъявленныхъ требованій. Насиліе видоизмѣняетъ весь характеръ частичныхъ, конкретныхъ требованій; оно придаетъ этимъ требованіямъ совсѣмъ иное, несравненно болѣе важное значеніе.

Методъ анархической борьбы — *прямое нападеніе*; никакихъ посредниковъ, вродѣ депутатовъ, парламента вообще, допущено быть не можетъ. Пролетарій непосредственно направляетъ удары въ своего врага — буржуазію. Насильственное нападеніе превращаетъ частный актъ борьбы, частное столкновеніе на почвѣ конкретныхъ требованій въ борьбу со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ и всей буржуазіей. Изъ борьбы группы рабочихъ съ группой буржуазіи борьба принимаетъ характеръ борьбы двухъ непримиримо-враждебныхъ классовъ. Борьба вообще должна вестись такимъ методомъ, должна принять такой рѣшительно-революціонный характеръ, чтобы въ самомъ процессѣ борьбы массы научились распознавать враждебный имъ классъ, начинали все болѣе и болѣе уяснять себѣ сущность нашихъ идей и идеаловъ, все сильнѣе проникались необходимостью коренного переустройства общества и созданія новыхъ общественныхъ отношеній. Борьба, насильственное, террористическое нападеніе должно внести нѣчто новое въ отношенія пролетаріата къ буржуазіи. Ея задача разсѣять „идиллію“ мирнаго сожительства двухъ классовъ, усугубить враждебность ихъ другъ другу, зажечь пожаръ злобы и ненависти обездоленныхъ къ поработителямъ...

Завязывается борьба. Предъявляются требованія. Буржуазія упорствуетъ. Начинается рядъ актовъ индивидуальнаго и массоваго террора противъ капиталистовъ. Атмосфера становится возбужденной. Падаютъ жертвы. Гибнутъ въ схваткахъ молодыя пролетарскія силы. Буржуазія также не дремлетъ. Дотолѣ раздробленныя, враждующія между собою части ея объединяются для совмѣстной борьбы съ пролетаріатомъ. И сонная, спокойная жизнь нарушается. Сплоченіе буржуазіи, жестокія мѣры подавленія начавшихся безпорядковъ, трупы и кровь павшихъ зарождаютъ въ сердцахъ борющихся пролетаріевъ вражду и злобу къ угнетателямъ; ростетъ жажда борьбы, рѣшимость во что бы то ни стало сломить упорство врага, заставить его уступить. Все, что казалось до тѣхъ поръ понятнымъ и обычнымъ, что представлялось столь нормальнымъ, теперь переоцѣнивается. Надъ всѣми установившимися между пролетаріатомъ и буржуазіей отношеніями ставится вопросъ. Словно впервые столкнувшись съ окружающей дѣйствительностью, съ удивленіемъ озирается пролетарій. Зрѣетъ пониманіе истиннаго положенія вещей, увеличивается революціонный опытъ и энергія, растетъ классовое самосознаніе.

Насильственныя нападенія, насиліе, характеризуетъ и окрашиваетъ нашу тактику. Значеніе его неизмѣримо важно.

Мы не пишемъ здѣсь статьи о террорѣ. И поэтому на всемъ чрезвычайно разнообразномъ вліяніи терроризма мы останавливаться не намѣрены. Остановимся только на двухъ послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ примѣненія насилія — одномъ внѣшнемъ, по отношенію къ буржуазіи и другомъ „внутреннемъ“, по отношенію къ пролетаріату.

Революціонно-насильственныя нападенія, массовой и индивидуальный терроръ во время стачки вносятъ дезорганизацію и хаосъ въ ряды буржуазіи, разстраиваютъ всѣ ея планы, перепутываютъ всѣ съ трудомъ налаженныя отношенія. Въ буржуазномъ лагерѣ создается атмосфера неувѣренности, мѣшающая дальнѣйшей планомѣрной дѣятельности. Немаловажное значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что удовлетворить требованія буржуазія вынуждена подъ давленіемъ насилія; а при такихъ условіяхъ матеріальный ущербъ для нея куда болѣе чувствителенъ, ибо она не въ состояніи заранѣе приспособиться къ новымъ условіямъ „купли-продажи“ рабочей силы. Насиліе не только угрожаетъ всему существованію буржуазнаго міра, но и до окончательной развязки, до послѣдней схватки нарушаетъ хозяйственную гармонію буржуазныхъ предпріятій.

Если для буржуазіи насиліе имѣетъ отрицательное значеніе, то вліяніе, оказываемое революціонной, насильственной борьбой на пролетаріатъ, глубоко благотворно. Каждый актъ насильственной борьбы увеличиваетъ боевыя силы пролетаріата, пріучаетъ массы революціоннымъ путемъ отстаивать предъявленныя требованія, накопляетъ у борющихся революціонный опытъ и навыкъ. Даже въ случаѣ неблагопріятнаго исхода борьбы не теряется это вліяніе массового терроризма. Лишь на время падаетъ энергія, но только на время. Если же требованіе удовлетворено, благодаря насильственному, революціонному образу дѣйствія, въ народныхъ массахъ подымается увѣренность въ своихъ силахъ, ростетъ вѣра въ мощь своего класса, сознаніе, что пролетаріатъ не безвольное орудіе въ рукахъ буржуазіи, а классъ способный бороться, способный властно сказать свое слово; крѣпнетъ желаніе поднять знамя бунта противъ основъ угнетенія, надежда положить конецъ существованію буржуазнаго общества и буржуазіи.

Внести въ народныя массы сознаніе необходимости насилія, желаніе провести возможно чаще и сильнѣе эту необходимость въ жизнь, такова наша центральная задача.

Желая воплотить насиліе массъ противъ буржуазіи въ дѣйствительность, мы неизбѣжно приходимъ къ необходимости признанія частичныхъ конкретныхъ требованій. Только борясь за выставленныя массами конкретныя требованія мы можемъ расчитывать, что борьба не будетъ носить характеръ борьбы отдѣльныхъ лицъ и десятковъ противъ цѣлаго строя; только введя въ нашу программу борьбу за конкретныя требованія, мы можемъ расчитывать на широкое участіе въ борьбѣ народныхъ массъ *).

---

*) Не должно, ни въ коемъ случаѣ, смѣшивать общій и принципіальный вопросъ о признаніи и борьбѣ за конкретныя требованія съ несравненно болѣе узкимъ и специально-практическимъ вопросомъ — должны ли анархическія группы сами формулировать конкретныя требованія или, напротивъ, необходимо всецѣло предоставить это самимъ массамъ. Повторяемъ — это вопросъ не принципа, а практическаго, тактическаго удобства. Признавая конкретныя требованія, мы, однако, полагаемъ, что должно всегда стремиться, чтобы сами массы формулировали свои конкретныя, частичныя требованія, чтобы группы лишь поддерживали и направляли борьбу массъ во имя такихъ требованій.

Но наша дѣятельность далеко не исчерпывается борьбою за тѣ или иныя конкретныя требованія. Послѣднія всетаки — печальная необходимость, избѣжать которой, однако, мы никоимъ образомъ не можемъ. Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ и возможностей, когда проявить насиліе неимущіе могутъ въ такъ сказать, чистомъ видѣ. Мы имѣемъ въ виду акты индивидуальнаго и массоваго „безмотивнаго" террора — антибуржуазнаго, причемъ отдѣльный буржуа или группа ихъ караются не потому, что они хороши или дурны, не за то, что не удовлетворили конкретное требованіе неимущихъ; нѣтъ, ихъ разятъ какъ представителей современнаго строя, какъ цвѣтъ буржуазнаго общества: вѣчная угроза смерти должна висѣть надъ ними единственно за фактъ принадлежности ихъ къ классу буржуазіи. Далѣе слѣдуютъ акты „безмотивнаго" политическаго террора — изъятіе изъ обращенія наиболѣе видныхъ и талантливыхъ служителей государства, акты направленные противъ судовъ, высшаго офицерства и т. д. И вѣнцомъ такой „неконкретной" борьбы является призывъ къ коммунѣ, призывъ къ захвату въ руки неимущихъ цѣлыхъ городовъ и областей и провозглашенію безгосударственныхъ анархическихъ коммунъ. Акты и борьба подобнаго рода весьма важны; значеніе ихъ очень велико. Они отрываютъ массы отъ съуживающихъ кругозоръ конкретныхъ требованій и открыто, ясно ставятъ массы лицомъ къ лицу съ буржуазіей, — какъ классомъ, съ современнымъ обществомъ — какъ враждебнымъ имъ строемъ. И наша обязанность использовать подобнаго рода борьбу.

Классовыя требованія — нашъ лозунгъ; классовое бунтарство — наша задача. Но проповѣдывать, призывать къ насильственно-революціонной борьбѣ недостаточно. Нашъ призывъ можетъ остаться „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Массы могутъ прислушиваться къ нашимъ рѣчамъ о насильственной борьбѣ, но не претворить призывъ въ дѣйствительность. Не пропагандировать, вѣрнѣе, не только пропагандировать, а организовывать насиліе должны мы. Намъ необходимо подготовлять самихъ себя, а затѣмъ уже и массы къ революціонно-насильственнымъ нападеніямъ. Мы должны быть иниціаторами и организаторами каждаго акта революціонной борьбы. Быть классовыми возмутителями, *бунтарями* неимущихъ классовъ въ ихъ борьбѣ съ современнымъ буржуазнымъ обществомъ — такъ формулируется наша задача.

О демократическомъ созиданіи и анархическомъ разрушеніи.

Часто критики наши, даже изъ соціалистическаго лагеря, бросаютъ намъ упреки въ варварствѣ, дикости и некультурности. „Вы", говорятъ они, больные, ненормальные; для васъ актъ разрушенія является самоцѣлью; вы совершенно не считаетесь съ тѣмъ, что того же самаго можно добиться безъ крови, безъ разнузданія звѣрскихъ сторонъ человѣка". И на мѣсто нашего лозунга „Духъ разрушенія — духъ созиданія," подставляютъ другой, по которому, дѣло устроенія буржуазнаго общества, есть дѣло разрушенія его. Нашу революціонную, насильственную тактику замѣняютъ мирной, легальной борьбой на почвѣ парламентаризма.

Мы не касаемся теперь вопроса — какимъ путемъ можно уничтожить современный строй (объ этомъ ниже); намъ здѣсь важно только слѣдующее: ихъ упреки въ варварствѣ и кровожадности есть, если не сознательный, грубый обманъ, то, во всякомъ случаѣ, плодъ глубокаго недомыслія, вскормленный и вспоенный партійными интересами. И въ самомъ дѣлѣ! Посмотримъ, что дѣлаютъ соціалистическія партіи въ борьбѣ со своими врагами? Лучшей картиной ихъ дѣятельности служитъ ихъ борьба въ Россіи. Всѣ существующія въ Россіи соціалистическія партіи ставятъ себѣ главной и ближайшей цѣлью низверженіе самодержавія. Самодержавіе, — вотъ врагъ, вотъ мѣсто, куда направляются всѣ удары ихъ. Какъ же борятся онѣ съ самодержавіемъ? Самодержавіе представляетъ собою сложный аппаратъ, имѣющій тысячу отправленій, входящій во всѣ поры русской жизни. Партіи борятся не съ Николаемъ II, а со всей самодержавной системой, желая замѣнить монархическій режимъ режимомъ конституціоннымъ или республиканскимъ. Что дѣлаютъ онѣ для уничтоженія перваго и введенія второго? Какъ всякая машина можетъ работать только при условіи цѣльности и гармоничности отдѣльныхъ частей ея, такъ и общественный механизмъ, общественная система, цѣлый режимъ можетъ существовать и развиваться лишь тогда, когда всѣ его части цѣлы, когда онѣ гармонично соединены, когда въ отдѣльныхъ частяхъ его нѣтъ треній, все идетъ гладко, безъ зазубринъ, все предвидѣно, всюду спокойно и тихо. При отсутствіи этихъ условій система расшатывается, становится нежизнеспособной, теряетъ почву подъ ногами. И это прекрасно понимаютъ борющіяся партіи; а потому главной задачей ихъ дѣятельности является разрушеніе и дезорганизація общественнаго организма въ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ его. Онѣ вмѣшиваются въ враждебный имъ укладъ общественной жизни, мѣшая его стройности, планомѣрности отправленій его функцій.

Что представляютъ собою первыя, маленькія, въ 30 — 60 человѣкъ, демонстраціи, какъ не желаніе внести сумятоху въ самодержавный порядокъ, нарушая общественную тишину и спокойствіе? Въ началѣ демонстраціи не вносили еще такой дезорганизаціи и растерянности, какъ въ послѣдніе дни, когда онѣ приняли массовый характеръ, когда государственная машина (самодержавная) дѣйствительно расшатана, ея устойчивость поколеблена. Постепенно разростаясь демонстранты изъ кучки протестантовъ превратились въ организованную армію, нападающую на государственныя учрежденія (участки, тюрьмы и т. д.), вносящую все большую и большую растерянность и дезорганизацію въ ряды враговъ.

Но демонстраціи не являлись и не являются единственной формой борьбы соціалистическихъ партій: онѣ теперь совершенно вытѣснены политическими забастовками, а порой и гражданскими возстаніями и бунтами. Политическія забастовки, являясь, между прочимъ, результатомъ расширеннаго пониманія значенія борьбы, служатъ въ рукахъ партіи могучимъ и сильнымъ средствомъ дезорганизаціи врага. Самымъ же могучимъ проявленіемъ борьбы, безусловно, являются рабочія возстанія съ цѣлью введенія новыхъ формъ общежитія. И въ послѣднее время не рѣдки случаи, когда возставшій народъ, подъ руководствомъ той или иной партіи, становится практически хозяиномъ положенія, благодаря захвату того или иного учрежденія. И такія попытки партіями признаются, къ нимъ призываютъ, ихъ организуютъ. Такова работа партій.

Но и это еще не все!

За послѣднее время терроръ — „изъятіе" тѣхъ или иныхъ правительственныхъ лицъ — находитъ широкое сочувствіе не только среди соц.-революціонеровъ (онъ вѣдь входитъ какъ составной элементъ въ ихъ тактику), но даже и у соц.-дем., этихъ непримиримыхъ противниковъ террора: они сами организуютъ боевыя дружины. Терроръ теперь въ защитѣ не нуждается; въ пользу его говоритъ сама жизнь. Стоитъ только вспомнить хотя бы тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ чины полиціи массами подавали прошенія объ увольненіи и что теперь не рѣдкость городъ безъ полицейскихъ постовъ. Смыслъ террористическихъ актовъ тотъ же: дезорганизація врага путемъ „изъятія" наиболѣе вѣрныхъ слугъ его.

Да, дезорганизація врага — вотъ лозунгъ всякой партіи, всякаго борющагося класса.

Лозунгъ, но не единственный!

Ибо, если бы дезорганизація врага не сопровождалась самоорганизаціей массъ, работа была бы не закончена. Но, къ счастью, этого въ жизни не бываетъ, ибо сама возможность дезорганизаціи обусловливается организованностью партіи; и самъ фактъ нападенія есть наилучшая школа организаціи. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ самъ переходъ отъ демонстрацій къ высшей формѣ борьбы — всеобщимъ стачкамъ, не объясняется отчасти ростомъ организованности и солидарности въ процессѣ самой борьбы? Конечно — да; ибо организованность — результатъ не механическихъ дѣйствій; — подъ давленіемъ и властнымъ требованіемъ борьбы масса сама организуется, все тѣснѣй сплачиваетъ свои ряды для планомѣрныхъ дѣйствій.

Задачи партій все больше и больше усложняются... На очередь, въ концѣ концовъ, выплываетъ важный и грозный вопросъ: недостаточно вѣдь только *разрушать*, надо сейчасъ же ввести рабочій классъ въ желательный имъ общественный режимъ, — по крайней мѣрѣ показать на дѣлѣ возможность этого новаго режима.

Какъ же это сдѣлать?

И вотъ, часто зная, что попытка окончится пораженіемъ, партія всетаки зоветъ рабочія массы къ захвату политической власти города въ свои руки, дабы хоть на день, хоть на часъ масса жила новой жизнью; партія видитъ въ этомъ могучій пріемъ агитаціи идеаловъ новой жизни. И это вполнѣ логично. Ибо если не будетъ первой попытки захвата, не будетъ и послѣдней. Но главное и самое важное — это практическій выигрышъ, который партія получаетъ отъ насладкаго, опытнаго обученія своей программы и тактики, своихъ взглядовъ и идеаловъ. Такой опытный, наглядный примѣръ естественно считается однимъ изъ самыхъ лучшихъ пріемовъ партійнаго воспитанія и развитія сознанія. И безусловно, что одинъ мѣсяцъ жизни массъ въ свободномъ политическомъ режимѣ, далъ бы партіи больше, чѣмъ долгіе годы словеснаго прославленія политическихъ благъ.*)

Что же такъ пугаетъ господъ „безкровныхъ" соціалистовъ въ нашей тактикѣ, что заставляетъ ихъ пускать въ насъ странными словечками вродѣ варвары и дикари, не останавливаться передъ всякими темными выходками по поводу нашей кровожадности и некультурности? А очень просто! То, что позволительно имъ въ борьбѣ со своими врагами, то самое запрещается рабочему классу въ борьбѣ со своимъ врагомъ — капиталомъ. Ибо врагъ соціалистовъ и врагъ рабочихъ массъ лежатъ на различныхъ плоскостяхъ; ибо революціонная борьба пролетаріата не въ интересахъ господъ соціалистовъ. И въ самомъ дѣлѣ! Что представляетъ собой наша тактика, какъ не дезорганизацію капитала во всѣхъ его частяхъ и отправленіяхъ. Чѣмъ является всеобщая разрушительная стачка, какъ не бурнымъ вмѣшательствомъ трудящихся въ процессъ производства, его дезорганизація и разрушеніе? Чѣмъ является наша массовая экспропріація (захваты предметовъ потребленія (пищи, одежды и т. д.), какъ не дезорганизаціей буржуазнаго уклада жизни, „нарушеніемъ тишины" и столь близкаго г.г. соціалистамъ „общественнаго порядка". А экономическій терроръ не играетъ развѣ въ борьбѣ съ капиталомъ той же роли, что чисто политическій терроръ у г.г. с.-р. въ борьбѣ съ самодержавіемъ? Развѣ они не признаютъ разрушенія участковъ, жандармскихъ управленій, дезорганизацію казачьихъ сотенъ, убійствъ отдѣльныхъ лицъ? Признаютъ и дѣлаютъ все то же, что и мы, но разница въ томъ, что ихъ удары направлены только на самодержавный режимъ, а наши — на весь капиталистическій. Борятся же они тѣми же методами, какіе признаемъ мы, иногда болѣе, а чаще менѣе сильно и открыто чѣмъ мы. Но стоитъ рабочему классу прибѣгнуть къ разрушительнымъ пріемамъ въ борьбѣ съ капиталомъ, какъ цѣлая орда соціалистическихъ голосовъ вопитъ о безнравственности нашей, о вредѣ и нецѣлесообразности нашихъ пріемовъ. Неужели г.г. соціалисты-демократы думаютъ, что то орудіе, которое имъ „благороднымъ" дозволено, въ рукахъ рабочаго класса обращается въ орудіе дикое и нелѣпое; что рабочій классъ не купилъ себѣ права отвѣчать на насиліе силой, что буржуазія не заслужила кровавой мести и что съ ней можно бороться болѣе мягкими средствами. Или они думаютъ, что самодержавіе прочнѣе въѣлось въ жизнь и зло его больше, чѣмъ зло и прочность капитализма? Но это было бы слишкомъ наивно. А наши враги — демократы изъ буржуазнаго и соціалистическаго лагеря не заслужили подобнаго упрека. Они очень умны и дальнозорки, и только этимъ объясняется ихъ ненависть къ экономической разрушительной борьбѣ. Имъ не нужна, не выгодна борьба съ капиталомъ: ихъ цѣлью является удержаніе рабочаго класса въ предѣлахъ мирнаго броженія, дабы массы не трогали частной собственности. Достаточно познакомиться съ ролью г.г. соціалистовъ въ западно-европейскомъ рабочемъ движеніи, чтобы понять, что наши слова не плодъ партійнаго задора, а правда, настоящая правда, которая бьетъ въ глаза даже невнимательному наблюдателю. Всюду, гдѣ возникаютъ въ Европѣ стачки, всюду, гдѣ рабочій классъ готовъ поднять свой здоровый кулакъ на собственниковъ и эксплуататоровъ, тамъ повсюду являются апостолы правды и добра (но только буржуазной правды) — г. г. соціалисты и стараются удержать рабочихъ отъ рискованныхъ, „опасныхъ" и „некультурныхъ" шаговъ. Такъ было всегда. Посмотрите исторію стачки въ Кримитчау, гдѣ вмѣсто оружія для борьбы рабочимъ подносились рождественскіе подарки, и гдѣ вмѣсто призывной пѣсни борьбы раздавалась колыбельная пѣснь рабочаго движенія. Такъ было при стачкѣ въ Рурскомъ бассейнѣ. Такъ было всегда, и такова ихъ роль въ исторіи движенія — не давать организоваться рабочему классу для борьбы, гасить революціонный, бунтарскій духъ обездоленныхъ массъ, не трогать, не дезорганизовать буржуазію.

Но что же предлагаютъ они? Какова та борьба, которая ими рекомендуется? Въ какую сторону направляютъ они движеніе?

Соціалисты всѣхъ оттѣнковъ сходятся въ томъ, что свободный демократическій режимъ есть единственная платформа, на которой возможна плодотворная и продуктивная борьба за соціализмъ. Во первыхъ нужно добиться всеобщаго избирательнаго права (равное, прямое и т. д.), которое дастъ возможность посылать все больше и больше соціалистическихъ депутатовъ въ буржуазный парламентъ; — затѣмъ, свобода слова, собраній, союзовъ, всеобщность обученія и т. д. Если бы господамъ соціалистамъ предложили въ самодержавной Россіи устраивать открытыя собранія и на нихъ говорить о своихъ нуждахъ, подготовляться къ борьбѣ, назначать время востаній, демонстрацій и распредѣлять свои силы по разнымъ отдѣламъ партійной работы, соціалисты отказались бы, видя въ такомъ предложеніи провокацію со стороны правительства, понимая, что оно хочетъ узнать ихъ силы, ихъ лучшихъ людей (узнать, — чтобы арестовать), не дать провести въ жизнь ихъ планы, враждебные ему — самодержавію. Они отказались бы, — и вполнѣ логично. Какъ военный полководецъ не можетъ раскрывать своихъ картъ и плановъ нападенія на врага, такъ и борющаяся партія имѣетъ свои конспираціи, которыя необходимо сохранить въ тайнѣ, дабы врагъ о нихъ не вѣдалъ до момента нападенія. И, спрашивается, какъ можетъ рабочій классъ, классъ вѣчнаго безпокойства, классъ, имѣющій предъ собою такого сильнаго, могучаго врага, какъ буржуазія, какъ можетъ пролетаріатъ открыто, свободно готовиться къ битвѣ? Развѣ не ясно, что на свободныхъ собраніяхъ онъ можетъ только говорить и жаловаться на свое положеніе, что въ свободныхъ союзахъ можно только топтаться на мѣстѣ, мучительно выжимая отъ сытаго врага лишній грошъ, но нельзя въ нихъ подготовляться къ борьбѣ, нельзя воспитывать своей революціонной опытности и смѣлости, не возможно говорить о готовящемся нападеніи на буржуазію. А рабочій классъ каждый день своей жизни, каждый шагъ своего бытія долженъ нападать на капиталъ, иначе, значитъ, онъ спитъ, онъ не классъ, онъ не воюющая армія — онъ забитый, жалко запутавшійся въ буржуазныхъ сѣтяхъ рабочій. Только борясь онъ превращается въ классъ, въ сознательную армію борьбы и насилія надъ буржуазнымъ обществомъ во имя свѣтлаго, прекраснаго будущаго. Смѣшно и нелѣпо говорить такому классу, классу нищеты и неволи: „Ты свободенъ! Ты можешь говорить о своихъ нуждахъ и констатировать ее въ своихъ союзахъ". Право плакать и стонать въ большихъ общественныхъ залахъ даетъ пролетаріямъ политическая свобода, право умирать голодной смертью на улицахъ красивыхъ городовъ, но съ сознаніемъ своихъ гражданскихъ „правъ", даетъ она имъ; но помни, „свободный" батракъ, что стоитъ перейти твоему стону въ гнѣвный крикъ, стоитъ на минуту сжаться твоимъ привыкшимъ къ молоту рукамъ въ могучій кулакъ, какъ огненнымъ дождемъ посыплются на тебя свинцовыя пули смерти, заточеніе и пытки со стороны на все готовыхъ слугъ демократическаго государства, и краснорѣчивыя рѣчи „друзей" твоихъ съ призывомъ къ закону, порядку, и покою. Нѣтъ свободы тому классу, который прикованъ къ желѣзной тачкѣ заработной платы, который со дня рожденія до смерти принужденъ влачить за собой свои позорныя цѣпи — цѣпи экономической неволи. Только освобожденіе отъ гнета капитала, только экономическое освобожденіе дастъ рабочему классу политическую свободу; и нагло лгутъ намъ тѣ, которые зовутъ рабочій классъ проливать свою кровь за политическія блага. Да, онъ льетъ свою кровь на баррикадахъ и заводахъ, она льется безъ удержу, и много пролилось ея — но рабочій классъ не страшится новой кровавой бани и смѣло и геройски гибнетъ отъ царскихъ пуль, сражаясь на баррикадахъ. Но если лить свою кровь, то за свои интересы, за уничтоженіе капитала, за то, чтобы смести съ лица земли всю неправду, всѣхъ эксплуататоровъ, всѣхъ силу и власть имущихъ.

Ничего не даетъ и не дастъ рабочему всеобщее избирательное право ни до, ни послѣ полученія большинства голосовъ. Много лѣтъ ведетъ свою работу с.-демократія на Западѣ и еще очень далека отъ парламентскаго большинства. А жизнь шла. Одно поколѣніе смѣнялось другимъ. Умирали, едва успѣвшія свѣтъ увидѣть, рабочія дѣти, гибли безвременно засохшіе, не успѣвшія расцвѣсти, дѣвушки и юноши, надвигалась осенняя, безрадостная старость, смерть въ могилу уносила тысячи и тысячи безвременно и безропотно погибшихъ сыновъ пролетаріата... Жизнь шла. Шла и увеличивалась эксплуатація, росла власть и закрѣпощеніе, все также носился стонъ проклятья, продолжался хроническій голодъ, росла нищета. Жизнь ила своимъ порядкомъ. А тамъ, наверху, ростъ списокъ соціалистическихъ кандидатовъ, и съ надеждой взиралъ на него умирающій труженикъ. „Не нужна борьба — достаточно смертей и такъ. Будетъ большинство, явится ангелъ соціализма, и наступитъ царствіе божье на землѣ". Такъ говорили пролетаріи; но, бѣдный, не зналъ онъ, что число кандидатовъ — игрушечный домикъ, который развалится отъ одного величественнаго жеста хозяина жизни — капитала. Не захочетъ онъ, не понравится ему, — и въ одинъ мигъ разбиты всѣ надежды, всѣ иллюзіи. Одряхлѣвшій, отвыкшій держать мечъ въ рукахъ, рабочій классъ, не способный выйти на смертельный бой съ врагами, сможетъ только громче плакать и стонать и рвать одежды свои. Ибо долгіе годы терпѣнія и мирной борьбы вытравили изъ души его могучій гнѣвъ, надломили гордость духа, унесли возможность открытой и смѣлой борьбы...

---

*) Считаемъ совершенно лишнимъ останавливаться на значеніи устной и письменной агитаціи и пропаганды, къ которой прибѣгаютъ всѣ партіи. Это мы считаемъ заранѣе извѣстнымъ. Мы останавливаемся только на моментахъ борьбы; пропаганду и агитацію-же борьбой назвать нельзя. Это факторы сопровождающіе и сопровождающіе борьбу, но не сама борьба.

И не случайно одряхлѣла рука борца — рабочаго! Не случайно выбитъ мечъ изъ рукъ его. Надъ этимъ долго и упорно работала демократія, къ этому стремилось не одно поколѣніе „лучшихъ" сыновъ буржуазіи Западной Европы. Это было необходимо для упроченія господства буржуазіи, для облегченія ея спокойнаго и сытаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ! Чѣмъ является избирательное право, какъ не сознательной замѣной рабочей насильственной борьбы ничѣмъ не пугающимъ и никому не вредящимъ голосованіемъ. Ибо одно изъ двухъ: или достаточно одного большинства въ парламентѣ для уничтоженія капиталистическаго режима, даже для проведенія какого нибудь пункта рабочаго законодательства, или нѣтъ? Всякій соц.-дем. отвѣтитъ, что если за депутатами не стоитъ масса, готовая отстаивать до послѣдней капли крови свои требованія, то большинство — безсмыслица; это не фактъ съ которымъ врагъ будетъ считаться. Значитъ помимо парламентской работы должна вестись работа подготовки боевыхъ элементовъ. Боевые же элементы готовятся только въ непосредственной борьбѣ, вырабатываются только въ процессѣ активнаго выступленія на полѣ брани. Соц.-демократы, можетъ быть, скажутъ, что подъ борьбой они разумѣютъ сознательность, настроеніе массъ. Но развѣ не они на всѣхъ перекресткахъ кричатъ, что силой берется право? А если подъ силой надо разумѣть сознательность, если передъ этой силой испугается буржуазія, чѣмъ же они лучше утопистовъ, видящихъ въ идеяхъ, въ развитіи сознанія орудіе борьбы, и почему же за послѣднее время г.г. соціалъ-демократы перемѣнили свое отношеніе къ всеобщей стачкѣ для политическихъ цѣлей? Да потому, что нужна сила, хотя бы пассивная, а не только сознательность. Примѣръ Россіи, да и всей всемірной исторіи, показываетъ, что классовая борьба изъ пассивной должна сдѣлаться активной. Это фактъ, который должны признать и соц.-демократы. Иначе они принуждены будутъ подписать смертный приговоръ своей дѣятельности въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Значитъ необходимо было бы вести работу по двумъ линіямъ: въ парламентѣ и на улицѣ. Но кто не понимаетъ, что одно исключаетъ другое! Боевой партіи, партіи, ставящей себѣ цѣлью насильственное нападеніе на капитализмъ, партіи, идущей противъ законовъ капиталистическаго общества, — такой партіи нѣтъ мѣста въ парламентѣ. Буржуазія и охраняющее ее государство не дадутъ легально существовать партіи, нападающей на нихъ, не позволятъ на своихъ костяхъ оттачивать ножъ, предназначенный для операціи надъ ними — буржуазіей и государствомъ. Буржуазія въ такихъ случаяхъ естественно принимаетъ всѣ мѣры, чтобы уничтожить врага. — Государственныя власти (эти слуги буржуазіи) арестовываютъ вождей, выслѣживаютъ мѣста ихъ собраній, разстраиваютъ всѣ планы, вѣшаютъ и убиваютъ лучшихъ людей и т. д. Если бы Бебель организовалъ экономическую разрушительную стачку, или пошелъ бы къ массовой экспропріаціи продуктовъ — онъ, Бебель, давно бы, если не трупомъ качался на висѣлицѣ, то давно томился бы въ какой нибудь „благоустроенной" одиночкѣ и, во всякомъ случаѣ, не занималъ бы „почетное" мѣсто на парламентской трибунѣ...

Одно уничтожаетъ другое. Или насильственная борьба съ врагами, или шаганіе вмѣстѣ съ ними по пути устроенія буржуазнаго общества. И не даромъ г.г. соціалъ-демократы всѣхъ странъ вмѣстѣ съ буржуазіей и государствомъ травятъ и ненавидятъ анархистовъ.

Но приближается конецъ „соціалистическому" міру. Проснулся рабочій классъ на Западѣ послѣ сорокалѣтней спячки подъ звуки ласковой пѣсни: „Идетъ, надвигается, ужъ вотъ онъ — соціализмъ". Проснулся пролетарій какъ отъ тяжкаго кошмара и ощупью начинаетъ искать выхода по тернистой дорогѣ борьбы къ будущему! То здѣсь, то тамъ слышенъ протестъ противъ парламентаризма, увеличиваются сторонники революціонной экономической борьбы и всеобщей стачки. Поднялъ свой голосъ и старый бунтарь — анархистъ съ его вѣчно живущимъ лозунгомъ: „Духъ разрушенія — духъ созиданія!"

Слабы еще анархическіе голоса. Но волны возмущенія все чаще и чаще поднимаются въ Италіи, Испаніи, Франціи, Америкѣ; и, разрозненныя пока, онѣ сольются въ одинъ могучій потокъ, который смоетъ этотъ гнусный міръ насилья... И изъ бурной, кипящей бездны его уже виднѣется дивно-прекрасная, свободная и счастливая *Анархическая Коммуна.*

О КОЛЛЕКТИВИЗМѢ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

Часто приходится выслушивать такія рѣчи: развѣ такъ важны идеалы будущаго? Стоитъ ли тратить время на споры и разъясненія того или другого идеала? Развѣ не глупо и не утопично сейчасъ же дѣлить шкуру еще не убитаго медвѣдя? Тѣмъ болѣе, что этотъ медвѣдь — буржуазное общество — живетъ и здравствуетъ, душитъ всѣхъ въ своихъ лапахъ.

Эти рѣчи могли бы показаться основательными тѣмъ болѣе, что теперь у рабочаго класса есть болѣе тревожные, болѣе жгучіе вопросы. *Какъ* бороться, какъ сохранить ясную линію классовой борьбы среди назойливыхъ криковъ „кадетовъ", „обновленцевъ", соціалистовъ-демократовъ. Вопросъ какъ бороться самый важный; но изъ за него ни коимъ образомъ не должно забывать за что именно бороться. И вотъ почему: если рабочій классъ своевременно не вдумается, какая именно форма общежитія обезпечиваетъ дѣйствительное равенство, дѣйствительную свободу, то совершенно нѣтъ гарантіи, что вмѣсто „сѣтей крѣпостныхъ" буржуазія не придумаетъ „много иныхъ"; при сложности и трудности перехода отъ рабской жизни къ свободной обмануть рабочій классъ словами и закрѣпить рабство на дѣлѣ не такъ ужъ трудно. И вообще, что можетъ быть естественнѣе, если человѣкъ, разрушая старое жилище, настойчиво думаетъ, какъ построить новое. Главное же вотъ въ чемъ: если-бъ споръ между коммунистами-анархистами и коллективистами-государственниками объяснялся тѣмъ, что анархисты-коммунисты придумали лучшій планъ, коллективисты-государственники — худшій, то вопросъ терялъ бы свой особенный интересъ. Но мы утверждаемъ иное: коллективизмъ и государственность есть идеалъ группы, заинтересованной въ томъ, чтобы всунуть палки въ колеса соціальной революціи, чтобы насколько возможно сохранить преданія и инстинкты частной собственности и власти. Разъ такъ, то надо рано и ясно выступить противъ изобрѣтателей „иныхъ" цѣпей.

Оговоримся: въ этой статьѣ мы не намѣрены изслѣдовать какимъ именно общественнымъ группамъ выгоденъ коллективизмъ и государственность. Мы просто раскроемъ содержаніе этихъ понятій, дабы убѣдиться къ чему приведетъ введеніе коллективизма и государственности.

I

Чего хотятъ коллективисты? Какой принципъ они кладутъ въ основу своего міровоззрѣнія? — *каждому по труду.* Сколько сработалъ, столько и получай; не больше. Собственно это — та же заработная плата. Разница только въ томъ, что въ буржуазномъ обществѣ орудія труда принадлежатъ одному классу, въ коллективистскомъ — всему обществу *въ лицѣ государства.* Въ буржуазномъ обществѣ рабочій получаетъ часть прибавочной стоимости; соціалистическое же общество будетъ выплачивать всю стоимость (за вычетомъ общегосударственныхъ расходовъ). Коммунисты же въ принципѣ отрицаютъ заработную плату. Они говорятъ: *съ каждаго по его способностямъ и каждому по потребностямъ.* Работай — сколько это цѣлесообразно для твоего организма; удовлетворяй своимъ потребностямъ. Количество потребляемаго тобой не измѣряется количествомъ твоего труда, т. е. продукты не есть плата за опредѣленное количество труда.

Характерно, что коллективисты нигдѣ не высказываются за коллективизмъ какъ за конечный идеалъ. Наиболѣе откровенно выступаетъ коллективизмъ у Каутскаго. Русскій же марксистъ — Плехановъ видимо недоволенъ коллективизмомъ Каутскаго; онъ — какъ конечный этапъ — является коммунистомъ; это же онъ подчеркиваетъ въ своемъ предисловіи къ брошюрѣ Гэда и Лафарга; онъ — коммунистъ; коллективизмъ же — *нѣчто временное, переходное.* „Вотъ погодите — какъ бы говорятъ коллективисты — увеличится производительность труда, рость производительныхъ силъ, и тогда непремѣнно къ коммунизму перейдемъ".

Марксъ въ обнародованномъ въ „Новомъ Времени" (нѣмецкій соц.-демократич. журналъ) письмѣ заявляетъ себя сторонникомъ коммунизма — „съ каждаго по способностямъ и каждому по потребностямъ." То же и русскіе марксисты Луначарскій, Богдановъ. Почему это соціалъ-демократы такъ щедры на оговорки о „временности" коллективизма? На это даютъ отвѣтъ слова Маркса: „Въ принципѣ выдачи заработной платы („по труду") лежитъ яркій штемпель буржуазнаго міра, гдѣ царитъ „мое" и „твое". И Марксъ, конечно, правъ. За мой трудъ дай мнѣ столько то, — это буржуазный принципъ, это — заработная плата съ наемниками-рабочими и хозяиномъ — государствомъ. Это ясно, какъ день. И соціалисты сознали необходимость тушью покрыть, замазать этотъ яркій штемпель.

И прибѣгли къ старой тактикѣ: *говоримъ и мечтаемъ* о коммунизмѣ, *дѣлаемъ и боремся* за коллективизмъ.

А тактика дѣйствительно стара. Ибо, если вы спросите зачѣмъ рабочему классу проливать свою кровь за буржуазную республику, получите такой отвѣтъ: республика — необходимая предпосылка для развитія классовой *борьбы* за соціализмъ. И на этомъ основаніи *говоримъ* о соціализмѣ, *дѣлаемъ* все, что обезпечиваетъ господство буржуазіи. И если можно между самодержавіемъ и коллективизмомъ втиснуть *одну* программу-минимумъ — буржуазную республику, то отчего не втиснуть вторую программу-минимумъ между республикой и коммунизмомъ?

У соціалъ-демократовъ безусловно двѣ программы-минимумъ, т. е. — буржуазія запаслась двойными плотинами, чтобы задержать напоръ революціонной волны. Но развѣ, спрашивается, коллективизмъ такъ ужъ буржуазенъ? Всетаки орудія труда будутъ въ рукахъ всего общества, будетъ выплачена вся прибавочная стоимость? Отвѣтимъ на это. Что является самымъ гнуснымъ, самымъ развращающимъ зломъ буржуазнаго міра? Принципъ частной собственности, „мое" и „твое"; это — „моя" собственность, это „я" заработалъ — вотъ гнусный инстинктъ, дѣлающій человѣка рабомъ, желающимъ быть господиномъ! Но и въ коллективистскомъ обществѣ человѣкъ говоритъ: эти продукты мои, я ихъ заработалъ. Надо трудиться, а то вещей не получишь — вотъ логика коллективиста, вотъ что гонитъ его на работу. Но именно такъ трудятся въ буржуазномъ обществѣ. Достиженіе вещей — вотъ идеалъ, богъ... Является вопросъ: гдѣ же гарантія, что мутные инстинкты буржуазности не разрушатъ и той жалкой свободы, которая уже имѣется въ коллективистическомъ мірѣ? Вѣдь свойства человѣка также вліяютъ на среду, какъ среда на человѣка. Вѣдь буржуазныя свойства воспитываетъ систематически самъ коллективистическій строй! Дальше: разъ вещи, вообще необходимое для жизни, я имѣю благодаря своему труду, то вѣдь здѣсь подготовляется огромный соблазнъ для пріобрѣтенія „вещей" безъ труда. Какъ? Было бы только упорное и самой общественной организаціей порожденное стремленіе къ наживѣ, а точку приложенія оно себѣ найдетъ. Важна сама возможность такой логики: вотъ какъ нибудь обману, припрячу и этимъ или избавлюсь отъ труда, или употреблю его на пріобрѣтеніе вещей въ запасъ. Станетъ ли кто нибудь отрицать, что эта тучка, въ видѣ накопленія, на соціалистическомъ горизонтѣ — предвѣстница грозной бури, которая смететъ царство труда и очиститъ снова путь для міра эксплуатаціи и грабежа!

„Но, скажутъ коллективисты, въ томъ то и дѣло, что все это не опасно: какое такое возможно накопленіе, разъ орудія труда будутъ принадлежать обществу; и много ли накопишь на предметахъ потребленія; что же пищи, сукна много спрячутъ?" Остановимся на этомъ. Развиваются собственническіе инстинкты. Они развиваются *благодаря* коллективизму. Эти инстинкты не смогутъ найти себѣ широкое поле опять таки благодаря коллективизму: вѣдь орудія труда будутъ принадлежать всѣмъ. Очевидно, должно произойти столкновеніе между различными сторонами самого коллективизма. Начинается борьба. А начало этой борьбы — конецъ царству міра и труда. Да и вообще: разъ коллективизмъ самъ порождаетъ буржуазные инстинкты, то эти инстинкты будутъ искать себѣ выходъ; а выходомъ будетъ — распаденіе и разложеніе всего общества. Возьмите современную французскую буржуазію; припомните ея развратъ, ея извращенные вкусы и прочее. Это продуктъ буржуазнаго *общества*. Допустимъ на минутку, что удалось бы на время, удалось бы по чисто внѣшнимъ причинамъ, помѣшать ихъ разврату, не допускать его. Что же, задержалось ли бы разложеніе буржуазнаго общества? Нѣтъ. Самъ фактъ, что развратъ естественный, *неизбѣжный* продуктъ современнаго строя осудилъ бы общество на неминуемую гибель. То же въ данномъ случаѣ: если общественная собственность на орудія производства и помѣшаетъ на время измѣнить все общество въ духѣ буржуазіи, то само присутствіе людей съ такими инстинктами — вѣрный залогъ гибели и разрушенія, вѣрный показатель разложенія и смерти.

Руссо сказалъ: первый, кто оградилъ кольями кусокъ земли и сказалъ „это мое", достоинъ смерти. Руссо говоритъ о первобытной эпохѣ, когда конкуренціи на землю не было. Какое же такое преступленіе, достойное смерти, совершилъ впервые оградившій кусокъ земли? То, что онъ сказалъ „мое"; то, что онъ воспиталъ въ себѣ собственническій инстинктъ. А распаленные хищническіе инстинкты порождали и порождаютъ только грязь и развратъ. Наконецъ, надо не забыть еще одного крайне важнаго соображенія: разъ коллективизмъ сопряженъ съ борьбой и въ обществѣ накопляются противорѣчія, то не используютъ ли ихъ темныя силы реакціи, чтобы повернуть назадъ къ капитализму. Развѣ католическое духовенство не использовало часто недовольство рабочихъ капиталистическимъ строемъ, чтобы звать назадъ къ феодализму? — Использовало. И рабочіе конгрессы выносили резолюціи въ этомъ духѣ... Отчего не предположить подобнаго теперь.

Можно пойти еще дальше. Буржуазія понимаетъ, что не вѣченъ строй гнета и эксплуатаціи, что форма частной собственности перестаетъ быть „священной" и „неприкосновенной" въ глазахъ массъ. Раньше или позже, а уступать придется. — Но хоть не все. А главное, надо занять такую позицію, которая дала бы возможность повернуть *назадъ*. Какъ же это сдѣлать? Въ коммунистическомъ обществѣ, гдѣ понятія „мое" и „твое" являются чѣмъ то дикимъ, нелѣпымъ, реакціи негдѣ развернуться... *Другое дѣло* — коллективизмъ; собственническіе инстинкты — въ полномъ разгарѣ! Возможность ихъ приложенія — сужена! Горючаго матеріалу — сколько угодно! И гордые потомки не полѣнятся бросить спичку въ этотъ пороховой погребъ!

Много ли останется отъ строя всеобщаго счастья и труда?!

Мы тутъ не должны забыть и отношеніе коллективизма къ труду. Коллективизмъ вноситъ духъ торгашества не только тѣмъ, что оставляетъ „мое" и „твое", но и тѣмъ, что способствуетъ лѣни, оплачиваетъ великій даръ человѣка — трудъ. Религія всѣхъ вѣковъ утверждала, что трудъ — проклятье, ниспосланное *богомъ* человѣку за первородный грѣхъ. Мы, анархисты-коммунисты, говоримъ — трудъ это радость человѣка, это *потребность* здороваго, нормальнаго организма. Въ трудѣ и только въ трудѣ развертываются гигантскія силы и мощь человѣка. Продукты свободнаго человѣческаго труда доставляютъ человѣку самое высокое и чистое наслажденіе. Но только продукты *свободнаго* труда. А чтобъ трудъ былъ свободенъ, необходима революція и во внѣшней обстановкѣ труда и во *внутреннемъ* духовномъ отношеніи самого человѣка къ труду. Первое достигается тѣмъ, что не будетъ грязныхъ мастерскихъ, темныхъ, затхлыхъ и мрачныхъ шахтъ, пыли, грязи. О томъ, что производитель-рабочій долженъ быть сытъ, одѣтъ, свободенъ, — объ этомъ и рѣчи нѣтъ. Но есть и другая, не менѣе важная сторона: у человѣка, когда онъ трудится, работаетъ, должно быть сознаніе, что онъ, съ одной стороны, дѣлаетъ нѣчто нужное, необходимое другимъ, съ другой, что онъ дѣлаетъ это свободно, изъ *потребности творить*. Но если трудъ будетъ принужденіемъ; если человѣкъ долженъ работать шесть часовъ, ибо за пятичасовый рабочій день не выработаетъ нужныхъ для жизни продуктовъ, то сознаніе *свободы* творчества исчезаетъ. Онъ видитъ палку — молчаливую угрозу общества и государства. А такое отношеніе къ труду порождаетъ лѣнь, отвращеніе къ труду, потребность увильнуть отъ него. И именно такую психологію вырабатываетъ коллективизмъ. Онъ какъ бы ставитъ условіе: „будешь, человѣкъ, столько то трудиться, получишь соотвѣтствующее количество продуктовъ... Будетъ обозначено въ рабочей книжкѣ меньшее количество рабочихъ часовъ — получишь меньше продуктовъ". А это и есть торгашеское отношеніе къ труду.

Кстати. Когда коллективисты говорятъ „по труду", они забываютъ, что трудъ, собственно, не измѣримъ въ томъ смыслѣ, что нельзя указать, что за такое то количество труда слѣдуетъ такое то вознагражденіе. Такой мѣрки нѣтъ. Забываютъ, что въ каждомъ продуктѣ спрятана вся масса труда прошлыхъ поколѣній. И измѣрять и оцѣнить трудъ отдѣльнаго человѣка, измѣрить и сказать, что за него *слѣдуетъ* столько то — нелѣпость и вздоръ.

Да, трудъ оплачивается въ рамкахъ коллективизма...

Кажется — довольно! Довольно сказаннаго, чтобъ объяснить себѣ наше отношеніе къ коллективизму. А вѣдь мы еще не указали на проскальзывающую у многихъ коллективистовъ мысль о высшемъ вознагражденіи обученнымъ рабочимъ, низшемъ — необученнымъ; не указали на возможность неравенства доходовъ въ семьяхъ, въ зависимости отъ количества рабочихъ рукъ.

Да, Марксъ правъ! На коллективизмъ — ясный отпечатокъ буржуазнаго міра!

Марксъ только забылъ добавить: этотъ отпечатокъ еще ярче видишь на соціалистахъ, „временно" выставляющихъ этотъ идеалъ.

Но это уже добавятъ сознательные рабочіе!

Это добавимъ мы — анархисты-коммунисты.

II

Что такое государство, право, законъ — объ этомъ писалось и пишется очень много. Но до сихъ поръ окончательнаго отвѣта буржуазные ученые не даютъ. Объясняется это не только трудностью вопроса, но и тѣмъ, что буржуазные ученые должны не только *изучать*, но и *оправдать* существованіе государства, права, закона. А для этого часто допускается несознательное извращеніе фактовъ. Что такое государство? — Вотъ вопросъ, который мучилъ и волновалъ многихъ, вопросъ, на который и до сихъ поръ не дали опредѣленнаго отвѣта. Вѣрно ли что всякая общественная жизнь есть *государственная жизнь*? — Нѣтъ, не вѣрно: мы знаемъ общества, жившія безъ государства. Еще болѣе неправильно утвержденіе, будто всякая организація уже есть государство. Скажемъ коротко: *Государство — организованное насиліе*; насиліе организованное съ цѣлью охраны основъ того или другого общества. Вотъ роль государства. Тамъ, гдѣ нѣтъ органовъ, располагающихъ *силой* для охраны, тамъ нѣтъ и государства.

Современное общество раздѣлено на классы. Господствуетъ буржуазія. Государство охраняетъ современный порядокъ насиліемъ. Ясно — современное государство — классовое. Въ послѣднемъ согласны между собою и анархисты и соціалисты. Однако, анархисты и соціалисты рѣзко расходятся въ вопросахъ о государствѣ: по ученію соціалъ-демократовъ государство вообще не есть нѣчто вредное или полезное рабочему классу; все зависитъ отъ того, чьи интересы выражаетъ оно: — соціалистическій, или буржуазный порядокъ охраняетъ оно. Исчезаетъ частная собственность, — исчезаетъ буржуазное, гнусное государство; наступитъ соціалистическій порядокъ — мы будемъ имѣть соціалистическое государство, нужное, полезное. Анархисты говорятъ: да, современное государство — классовое, это такъ. Но вотъ вопросъ: вѣрно ли, что все насиліе, все зло лежитъ въ *буржуазномъ государствѣ*, а само оно есть нѣчто *безразличное*, самостоятельно угнетающей силы не представляетъ? Анархисты-коммунисты рѣзко и опредѣленно отвѣчаютъ: нѣтъ. Власть государства — самостоятельное зло, самостоятельное орудіе угнетенія. Анархисты доказываютъ, что съ паденіемъ института собственности эта угнетающая, давящая сила не только не уничтожается, а, пожалуй, еще увеличивается. И такъ, анархистамъ надо доказать во первыхъ, что государство — самостоятельная сила, и, во вторыхъ, что эта сила угнетающая, порабощающая.

Для доказательства перваго пункта необходимо бросить хотя бы бѣглый взглядъ на происхожденіе власти, государства. Оно — продуктъ различныхъ причинъ и условій. Остановимся на одномъ изъ нихъ. Происходитъ война между различными „племенами", группами. Выдвигается вождь болѣе талантливый, болѣе храбрый. Сначала онъ предводительствуетъ только на войнѣ. Но войны учащаются; потребность въ полководцѣ или просто вѣра въ него усиливается. Приказывающій и повелѣвающій на войнѣ, онъ приказываетъ уже во время мира; онъ дѣлается *постояннымъ*.

Мало этого: еще во время веденія войны онъ получаетъ львиную часть добычи; у него больше *богатства*. Этотъ вождь какъ бы выражаетъ обѣ формы гнета: Собственность и Государство. Тутъ вы видите зарожденіе власти ... Тутъ вырабатываются тѣ первыя зачаточныя формы государства, которыя пріобрѣтаютъ послѣ колоссальное вліяніе въ исторіи. Мы выбрали такой моментъ возникновенія власти, который не оспаривается *никѣмъ*. Зависитъ ли это возникновеніе власти отъ собственности? Нѣтъ, не зависитъ. Правда, мы видѣли, что власть вознаграждается богатствомъ. Но это уже результатъ власти, а не причина. Нѣкоторые доходятъ до того, что само происхожденіе собственности хотятъ объяснить войнами и большимъ вознагражденіемъ вождей. Но это не вѣрно. А вѣрно вотъ что: власть — *самостоятельная сила*; происхожденіе ея не объясняется происхожденіемъ собственности. Она самостоятельная сила.

Спрашивается, какую же роль выполнялъ бывшій вождь въ мирное время? Вѣроятнѣе всего роль *судьи* (напомнимъ еще разъ, что это *никакимъ образомъ* не единственная причина происхожденія судебной власти). Возникали недоразумѣнія. Онъ судилъ. Но далеко уже не безпристрастно. Вокругъ судьи группируются приближенные; власть — выгодна. Выгодно стоять близко къ власти. Выгодно удержать ее въ предѣлахъ своего семейства. Приговоры часто отражаютъ на себѣ интересы господствующей группы. Власть заинтересована, чтобъ непремѣнно къ ней обращались, чтобы она была источникомъ законовъ; — плохихъ ли законовъ, или хорошихъ, это другой вопросъ; но чтобъ она карала, миловала. Обязательно ли для этого раздѣленіе общества на классы? Фактически развитіе общества совпало съ распаденіемъ его на классы, но это вовсе не *необходимое* условіе. Будетъ общество раздѣлено на классы, и приговоръ судьи охраняетъ интересы своего и господствующаго класса. Если же общество еще не раздѣлено на классы, то въ приговорахъ классовыхъ различій не будетъ. Опять таки: частная собственность не необходимая подставка власти государства. На что опирается тогда власть? На боязни или уваженіи къ личности судьи. Возможно, что часть дружины и послѣ войны не покидаетъ бывшаго вождя. Во всякомъ случаѣ, власть въ дальнѣйшемъ опирается главнымъ образомъ на силу штыковъ. Конечно, государство и собственность слились; трудно даже отдѣлить одно отъ другого. Но это все таки *двѣ* силы. Между ними не то что состоялся договоръ, — нѣтъ, онѣ часто стихійно слились. Да, исторія несомнѣнно цѣликомъ подтверждаетъ, что власть — самостоятельная сила. И тутъ мы подходимъ ко второй части нашей задачи: надо отвѣтить какая же сила — вредная или общественно-необходимая? Отвѣтъ анархистовъ ясенъ въ требованіи уничтоженія всякой власти, въ рѣзко отрицательномъ отношеніи къ охранѣ идеальнѣйшаго порядка организованнымъ насиліемъ.

Въ чемъ же зло государства?

Бакунинъ сказалъ: государство того же происхожденія, что и религія. Что Бакунинъ этимъ думаетъ? Вотъ что: религія говоритъ „простонародью" вѣрь въ бога; вѣрь въ высшую силу. Для каждаго человѣка обязательны божьи законы. Будете ихъ исполнять — благо вамъ; если нѣтъ — то посыплятся на васъ проклятья, несчастья. Безъ вѣры въ бога — человѣкъ человѣка загрызетъ". Развѣ не то же самое приложимо къ государству? Развѣ не дѣлаются обязательными законы государства и не грозитъ кара за ихъ нарушеніе? Развѣ государственники не увѣряютъ, что не будь закона, люди другъ другу горло перегрызутъ? А что воспитывала религія? — Придавленность духа; невѣріе человѣка въ самого себя; боязнь призраковъ; уваженіе и чувство страха къ чему то *высшему*. А именно поклоненіе высшей силѣ не можетъ дать свободы. „Они — высшія силы — могутъ дѣлать то, что человѣкъ сдѣлать не въ силахъ"... Почему онъ послѣ поклонялся власти? — Она тоже дѣлаетъ нѣчто такое, чего онъ, человѣкъ, сдѣлать не можетъ. А это именно рабская (авторитарная) психологія. Съ ней несовмѣстимо *равенство*. И равенство при государствѣ невозможно; и вотъ почему. — Спросите у ученаго государственника, что отличаетъ всякаго простого смертнаго отъ государственнаго мужа? Отвѣтъ будетъ ясенъ: „у частнаго человѣка есть свои частные интересы, своя профессія. Государственный же мужъ всегда выражаетъ интересы „высшаго", цѣлаго, всего государства". И на этомъ основано чувство преклоненія предъ властью: я, личность, — только часть, а онъ представляетъ цѣлое, всю націю; а часть вѣдь не можетъ равняться цѣлому; значитъ невозможно и равенство. А мы къ равенству стремимся. Ибо говоримъ: неправда и ложь, будто государство выражаетъ общую волю.... Говоримъ: неправда и обманъ, будто безъ высшей силы люди не устроятъ своей жизни... „Только тамъ, гдѣ государство прекращаетъ свою дѣятельность, человѣкъ становится не лишнимъ"! А человѣкъ не долженъ быть „лишнимъ": „дѣятельность" государства должна прекратиться!

Итакъ: власть есть самостоятельная сила; это доказываетъ исторія. Замѣчательно, что всѣ коллективисты, (о нѣкоторыхъ исключеніяхъ, являющихся скорѣе продуктомъ недоразумѣній, мы не говоримъ!) — одновременно и государственники. И понятно. Разъ вообще коллективизмъ допускаетъ накопленіе, зачатки экономическаго неравенства, то этимъ уже подготовляется почва и для политическаго неравенства. Наоборотъ: тамъ, гдѣ неравенство политическое существуетъ, допустима возможность неравенства во всѣхъ областяхъ жизни — значитъ и экономической. Тутъ дѣйствительно можно сказать, что государство и коллективизмъ внутренне связаны, что рука руку мостъ. О болѣе ясной и очевидной связи и говорить нечего. Разъ коллективизмъ основанъ на обязательности трудиться не меньше опредѣленнаго времени, то вѣдь необходимы органы, наблюдающіе и карающіе нарушеніе права. Но пойдемъ дальше. Неравенство политическое всегда въ свою очередь предполагаетъ и неравенство экономическое, матеріальное. Мы привели примѣръ вождя: власть его сейчасъ же вознаграждается. И это никоимъ образомъ не является случайностью. Добро, если бы мы еще вѣрили, что „представители" народа, властвующіе — особая порода высшихъ людей, только и помышляющихъ о благѣ народномъ; или по крайней мѣрѣ, что властвующіе — люди настолько глубокіе, что имъ даже для удовлетворенія ихъ тщеславія не нужно „серебра и злата", а достаточно сознаніе, что мы, молъ, господствуемъ. Но вѣдь никто въ это не вѣритъ. Если даже мы забудемъ, что всѣ управляющіе проявили безумную, даже болѣзненную жажду земныхъ благъ, матеріальнаго, экономическаго могущества, а посмотримъ на нихъ, какъ на обыкновенныхъ людей, то и тогда несомнѣнно одно: эти господствующіе не ограничатся однимъ отвлеченнымъ господствомъ; неравенство должно будетъ получить и внѣшнее выраженіе въ формѣ матеріальныхъ преимуществъ. И будьте увѣрены, — недостатка въ ученыхъ, обосновывающихъ права власти, не будетъ. Вѣдь государственность основана для охраны сферы обязанностей и правъ каждаго. Вѣдь государство и правящіе имѣютъ особыя, неодинаковыя обязанности, — почему же имъ не имѣть и особенныхъ, различныхъ правъ. И врядъ ли найдется такой наивный человѣкъ, который бы повѣрилъ, что эти права будутъ какія то отвлеченныя, не отъ міра сего, а не чисто матеріальныя. Кстати: когда мы указываемъ на создаваемую коллективизмомъ жажду накопленія, намъ отвѣчаютъ: [illegible] будетъ проникнуться этой жаждѣ. А не явится ли тогда государство и его правители этими „накопляющими"? Не произойдетъ ли въ ихъ лицѣ счастливаго соединенія власти и капитала?... Не въ этомъ ли смыслъ счастливаго брака между коллективизмомъ и государственностью?... Еще одно соображеніе: Вѣдь самъ фактъ необходимости государства — постоянной организаціи насилія — прекрасно показываетъ, что и въ экономической организаціи что то не ладно. Возьмите для сравненія какой нибудь очень простой примѣръ: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи было еще тихо, спокойно... Губернатора спокойно разъѣзжали по улицамъ, безъ охраны, безъ стражи... Причина ясна: все было тихо, покушенія были маловѣроятны. Правда, губернаторъ зналъ, что недовольные, на терроръ готовые вѣроятно имѣются... Какой нибудь шальной случай могъ заставить его покаяться въ беспечности; но возможность покушенія была такъ маловѣроятна, что обзаводиться изъ за этого стражей было бы дико, нелѣпо...

Коллективисты имѣютъ постояннаго стражника — государство. Безъ него — ни шагу!. Хорошо, пусть они въ принципѣ не противъ государства. Но и губернаторъ не противъ стражи. Если бы г.г. коллективисты не чувствовали, что въ ихъ коллективизмѣ будутъ поводы къ бунтамъ, недовольствію, — они не обзаводились бы этой организаціей насилія! Это было бы такъ же нелѣпо, какъ окруженный въ мирное время стражниками губернаторъ? То то, что чуютъ коллективисты, что не въ міръ труда и счастья они ведутъ а въ полубуржуазное общество, полное противорѣчій, въ военный лагерь, полный господъ и подчиненныхъ; а тамъ стражникъ необходимъ. Вѣдь только необходимое для общества, какъ и для организма, выживаетъ, растетъ; ненужное, вредное обществу или организму умираетъ, гибнетъ... Коллективисты оставляютъ институтъ насилія! Они, значитъ, чуютъ, что онъ необходимъ для существованія ихъ общества, чувствуютъ, что его примѣнять придется; а это уже смертный приговоръ строю, ибо это является показателемъ внутренней неурегулированности общественной жизни.

„Но, скажетъ государственникъ, — вы это откуда взяли, что государство — это насиліе? Ничего подобнаго! У насъ государство будетъ организаторомъ производства. Вотъ и все. Оно будетъ господствовать не надъ людьми, а надъ вещами! А вы то себѣ составили понятіе о государствѣ въ будущемъ, приписали его намъ, а потомъ критикуете!"

Хорошо, отвѣтимъ на это! Словечки, что будущее государство будетъ господствовать не надъ людьми, а надъ вещами, ничего не объясняютъ. Вѣдь и современная буржуазія провозгласила свободу личности, ея неприкосновенность. Она господствуетъ только надъ вещами — машинами. Мѣшаетъ это ей господству надъ людьми? — Напротивъ, помогаетъ!... Вы говорите, — государство будетъ организаторомъ производства, но вѣдь мы спрашиваемъ: какъ будетъ организовано производство? И указываемъ буржуазность этого типа организаціи. Вы правы, организаторъ производства не есть государство, или, уже навѣрное, не организація насилія. Что же? Заявите открыто, ясно, что у васъ не будетъ законовъ, кары за нарушеніе ихъ; судей для опредѣленія каръ, администраціи для проведенія въ жизнь приговора. Заявите! Вы этого не сдѣлали *нигдѣ* и не сдѣлаете *никогда*! Замѣтьте, я не говорю, что у васъ нѣтъ либеральныхъ и гуманныхъ словечекъ о царствѣ труда, добра и т. д. Этого добра — хоть отбавляй! А вотъ, когда вы „научно" рисуете свой идеалъ!...

Впрочемъ, наши заявленія тоже не помогутъ: вѣдь вы не можете отказаться отъ законодательной власти? — Демократическое законодательство — центральный пунктъ вашего міровоззрѣнія. А законодательная власть немыслима безъ исполнительной!

Мы не будемъ уже распространяться о другихъ вопросахъ. Напр.: соціалисты-государственники говорятъ, что наказаніемъ не исправишь преступника, а только увеличишь зло; а сами наказаніе оставляютъ. Не будемъ указывать на необходимость колоссальнаго количества чиновниковъ въ соціалистическомъ строѣ. — До того огромнаго, что даже современные ученые бюрократы ужасаются его. Не будемъ указывать какимъ образомъ государство сдавливаетъ и уродуетъ частный починъ, личную самодѣятельность, не будемъ указывать, что никакой такой „воли народа" парламентъ не выражаетъ. Не укажемъ на развратъ, зло и гниль, приносимые *всякой* системой представительства. Пройдемъ мимо того, что партія и парламентъ — новая угнетающая сила... Не упомянемъ, что законъ не *нуженъ*, если онъ совпадаетъ съ естественными желаніями и стремленіями людей; *вреденъ*, если выражаетъ что либо другое. Забудемъ, что соціалистическое демократическое государство создаетъ обманъ, будто бы мы сами творцы законовъ, и что это ложь! Оставимъ многое другое... Довольно! Достаточно и то, что государство — источникъ неравенства, — этого проклятія исторіи! Довольно и того, что оно сѣетъ гнусное сѣмя порабощенности! Хватитъ и того, что его владычество идетъ рядомъ съ матеріальнымъ преимуществомъ! Довольно, наконецъ, и того, что одно существованіе государства показываетъ болѣзнь общества, необходимость его разрушенія...

И вотъ почему мы, анархисты-коммунисты — враги государства и собственности во всѣхъ формахъ — и говоримъ рабочему классу: Остерегайтесь! Куетъ буржуазія новыя цѣпи! Она готовитъ новый капканъ! И рабочій классъ, разрушитель всѣхъ цѣпей неволи, долженъ знать это, чтобы вооружиться знаніемъ и силой для борьбы!... Дряхлѣетъ буржуазный міръ!... Кровью и грязью онъ забрызганъ!... Все ярче выступаютъ его болячки. Все отвратительнѣй его язвы!... Буржуазія увѣряла, что она создаетъ міръ правды и добра! Ея правда — рынокъ и развратъ! Ея добро — кабаки и проституція! И сгніетъ старый міръ мукъ и страданій! Сгніетъ эта безобразная клѣтка, гдѣ такъ томится рабочій классъ! И пусть буржуазія старается мирно уладить съ непокорными массами, — не поможетъ! Рабочій классъ усваиваетъ великую истину, что духъ разрушенія будетъ для него духомъ созиданія!

И пусть русскаго рабочаго зовутъ демократы улучшить, перестроить самодержавную тюрьму на демократическую клѣтку, — не поможетъ: рабочій классъ [illegible] для разрушенія и тюремъ и клѣтокъ!

Пусть буржуазные соціалисты подсовываютъ рабочимъ гнилые, старенькіе буржуазные идеалы — коллективизмъ и государственность, — не поможетъ: рабочій классъ проникается рѣшимостью къ революціонной борьбѣ за *Анархическій Коммунизмъ*.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО «МОЛОДЫМЪ» СОЦІАЛИСТАМЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМЪ

Революція — не только время борьбы, но и время образованія новыхъ ученій, партій, кружковъ... Возникаютъ они массами, гибнутъ незамѣтно... Являются молодыя партіи, которымъ часто и не суждено дожить до старости. Это, конечно, не обязательная участь всѣхъ. А потому каждое изъ новыхъ нарождающихся ученій имѣетъ право требовать къ себѣ вниманія.

Вы, „молодые", молоды не только тѣмъ, что работаете недолго, но и тѣмъ что, вы еще не успѣли опредѣлить своей физіономіи. Это — не упрекъ. Это — указаніе на фактъ, съ ко

Вотъ просмотрите хотя бы упомянутую брошюру Бебеля... Тамъ вы прочтете и узнаете, что только дитя буржуазнаго либерализма можетъ метать бомбы въ отдѣльныя личности. Оттуда вы почерпнете, что познавшему „законы исторіи" соц.-демократу грѣшно было бы этой алхиміей заниматься. Тѣмъ болѣе смѣшно, что — какъ сказалъ Бебель въ рѣчи противъ Бернштейна — никто изъ насъ не хочетъ на висѣлицу идти...

„Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ"!

Тамъ — изъ этой брошюры — вы узнаете, что соц.-демократу ужъ потому непонятно убійство Елизаветы (императрицы Австрійской), что относилась она къ Гейне такъ, какъ можетъ отнестись только соціалъ-демократъ!...

Отнынѣ, тираны, хотите вы защиты отъ грозной, карающей руки террориста, хотите покрыть свою грудь непроницаемымъ панцыремъ? — „относитесь" къ какому нибудь поэту такъ же, какъ отнесся бы къ нему соціалъ-демократъ — вѣдь это не трудно — и ваша личность отъ покушеній застрахована!... О, да, конечно, безпощадные „законы" исторіи сметутъ съ лица земли ваши подлыя дѣянія...... но вы, ваша личность неприкосновенна".

Мы еще не исчерпали содержанія всего документа. Но центръ тяжести не въ этомъ. Мы совсѣмъ не намѣрены останавливаться на клеветѣ и намекахъ. Мы надѣемся, что рабочіе инстинктивно сами отвернутся отъ этой грязи и клеветы. Насъ интересуетъ другое. Соціалъ-демократы какъ бы обращаются къ намъ съ упрекомъ и указаніями. Они говорятъ: почему это, господа анархисты, такая масса провокаторовъ въ вашихъ рядахъ? почему это полиція часто сама организуетъ покушенія? Для чего это дѣлается? — Очевидно полиція совсѣмъ не боится насильственной борьбы, разъ она сама ее провоцируетъ. И провоцируетъ она ее съ той цѣлью, чтобы, испугавъ общество якобы грозящей опасностью, ловко выманить и соціалъ-демократію съ легальной, законной, очевидно единственно буржуазіи опасной, позиціи! Такъ разсуждаетъ с.-д.ія, указывая на изобиліе провокаторскихъ полицейскихъ „актовъ"...

Доказываютъ ли этимъ с.-д. что либо? Ровно ничего. И вотъ почему. Удивительно ли, что вообще въ нашихъ рядахъ встрѣчаются агенты полиціи въ роли провокаторовъ? — Нѣтъ, конечно. Мы, единственно революціонная сила въ Западной Европѣ. Мы, и только мы, указываемъ, что огнемъ и мечемъ можно и должно бороться съ буржуазіей. Мы, и только мы, совершаемъ акты и призываемъ къ массовому насилію. Понятно, что шпіоны и провокаторы нами интересуются!...

Ибо, что дѣлать провокатору въ вашихъ рядахъ, когда вы такъ легальны, такъ законны! Зачѣмъ приставлять къ вамъ шпіоновъ, когда вы — такъ безобидно мирны; когда... Когда вождь французской соціалъ-демократіи Лафаргъ напечаталъ имена анархистовъ — членовъ тайнаго общества!...

Дальше. Вы говорите о безплодіи нашихъ актовъ. Но скажите: почему правительство пользуется именно ими, чтобы напугать буржуазію грозящей опасностью. Или буржуазія ошибается — никакой опасности здѣсь нѣтъ?.... Но это мимоходомъ. Почему васъ провоцируютъ на путь насилія?

Каждый классъ, каждая господствующая группа стремится къ безконечному расширенію своей власти, своего вліянія. Цѣль — преодолѣть всѣ препятствія, сокрушить всѣхъ противниковъ. Таковы стремленія господствующихъ. Но ихъ стремленія встрѣчаютъ противодѣйствіе другихъ силъ, другихъ группъ и партій. Тогда господствующій классъ разсуждаетъ такъ: уничтожу болѣе опаснаго врага, хотя бы цѣною роста силъ другого, но безконечно менѣе опаснаго противника. Когда болѣе опасный врагъ уничтоженъ, господствующій классъ начинаетъ травить незадачливаго союзника, желая и отъ него избавиться.

Вы рьяно помогали буржуазіи травить анархистовъ. Не надолго, совсѣмъ не надолго, это удалось. Теперь хотятъ приняться за васъ самихъ. Вы ничтожно-слабые, хилые и малокровные оппозиціонеры, жалкіе, комичные фразеры — но все таки вы „что-то" говорите о соціализмѣ, „чѣмъ-то" недовольны. Нельзя ли и отъ васъ избавиться? Но какъ это сдѣлать? И буржуазія разсуждаетъ такъ: „съ одной стороны они заявляютъ себя революціонерами, но вѣдь это лишь маска; вѣдь проповѣдью мира и законности они залили огонь возмущенія въ сердцахъ рабочихъ!. Вѣдь благодаря избирательнымъ билетикамъ рабочій отучился быть въ бою и держать мечъ въ рукахъ... Вызовемъ же ихъ на бой, докажемъ имъ ихъ безсиліе, докажемъ, что они жалкіе говоруны; выбьемъ ихъ изъ рамокъ законности! Они хотятъ права, — пусть же силой отстаиваютъ право, пусть покажутъ свою революціонную мощь не на словахъ а на дѣлѣ. Вѣдь этой силы и мощи нѣтъ у нихъ". Вотъ почему васъ провоцируютъ. И неужели вы не понимаете, какъ пагубна для васъ эта кастрація. Неужели вы не понимаете, какъ ваша легальная тактика непрактична, ибо она не обманываетъ врага.

Врагъ боится силы, а силой, — помимо сознательности — это, конечно, важно, — могутъ быть лишь горящія жаждой боя сердца и вооруженныя руки.

А революціонныя силы вырабатываются только на полѣ брани. У васъ есть массы рабочихъ, но нѣтъ этой кипучей жажды боя, нѣтъ борьбы. Вотъ почему васъ стараются свалить съ пути борьбы — „голосами" на путь борьбы — „руками". *Ваше безсиліе* — ваша комическая революціонерская мнимость. Ваша хилость — вотъ что вызываетъ у врага желаніе потѣшиться надъ вами и уничтожить васъ.

Рабство всегда усиливало безстыдство рабовладѣльца, слабость — наглость сильнаго. Ваша слабость — очагъ буржуазной провокаціи. Будьте готовы къ войнѣ — и васъ будутъ провоцировать къ миру. Вы мирно спите, укрывшись за „научныя" палатки, и врагъ трубитъ, призывая васъ къ бою.

Причемъ же тутъ мы, анархисты?

Мы-ль виноваты, что вы не хотите умирать на висѣлицѣ?... Нѣтъ, господа, свое безсиліе, свою позорную и поистинѣ вырожденіемъ грозящую хилость — это вы доказали вполнѣ. Ненужность же и вредъ насилія — никогда!

II

Есть событія до того мрачныя, до того дикія, что въ ужасѣ все умолкаетъ, пораженное этой мрачностью, этой дикостью.

Есть звѣрства до того леденящія ужасомъ кровь, что только молчаніемъ можно выразить всю глубину своего отчаянія. Такимъ событіемъ является бѣлостокскій погромъ. Такимъ ужасомъ вѣетъ отъ этой полной мрака и звѣрства странички... И кому бы казалось пришло бы въ голову устроить себѣ каѳедру изъ бѣлостокскихъ труповъ, что бы оттуда метать копья въ лагерь анархизма? — Никому, конечно! А вотъ центральному органу Бунда „Народной газетѣ" („Фолксъ Цайтунгъ") — пришло! Кто бы посмѣлъ использовать эти событія для партійной борьбы? — Никто! — а вотъ Бундъ „посмѣлъ". Бѣлостокскіе анархисты, видите ли, косвенные виновники погрома!.... Это, видите ли, ихъ призывъ къ экспропріаціи вылился въ такую форму!... Анархисты виноваты! заявляетъ Бундъ. Такъ говоритъ — въ иной формѣ — и правительственное сообщеніе... И неужели же Бундъ на столько не уважаетъ своихъ же членовъ, что не понимаетъ, что у рабочихъ такого рода заявленіе вызоветъ чувство отвращенія, что непосредственное чутье подскажетъ рабочему, что все это — фальшь, грубое и отвратительное пользованіе всѣми средствами борьбы, вплоть до косвенно „подтверждающихъ" правительственное сообщеніе?...

И казалось бы, разъ выступаешь съ такимъ обвиненіемъ, то обвиняющій долженъ располагать огромнымъ количествомъ фактовъ и доказательствъ? — Такъ вотъ же полюбуйтесь на доказательства Бунда!... Раньше всего идетъ отвлеченное разсужденіе, что молъ, находящіеся подъ вліяніемъ „народовой демократіи" рабочіе *могли* плохо усвоить анархическіе лозунги и призывы! Могли!... Бундъ могъ бы сохранить долю порядочности въ отношеніяхъ даже къ врагу, однако съ нимъ этого не случилось, — а *могло бы* случиться!... Но у Бунда и „доказательство" на лицо: на одномъ заводѣ нѣкоторые рабочіе сами заявили, что молъ ихъ такъ учили дѣлать... Бѣдный Бундъ! — онъ такой наивный, довѣрчивый! Онъ не понялъ, что это хитрость нѣкоторыхъ хулигановъ, желающихъ замести кровавые слѣды лисьимъ хвостомъ провокаціи!... Но даже „бѣдный и наивный" органъ Бунда, чувствуетъ до чего низменно, опираясь на это единственное заявленіе нѣсколькихъ хулигановъ изъ „Народовой демократіи", бросать такія обвиненія!... А между тѣмъ ему необходимо доказать — благородная задача! — что часть грабителей была жертвой ошибки: анархическій призывъ къ борьбѣ съ буржуазіей и властью они, заблудившись, смѣшали съ грабежомъ подъ предводительствомъ полиціи!....

И Бундъ „доказываетъ". У него въ запасѣ еще одно — только одно — доказательство. Вотъ оно... Къ булочнику утромъ въ день погрома вошли трое купить хлѣба. Одинъ изъ нихъ предложилъ не платить. Другой же заявилъ, что трудящихся обижать не слѣдуетъ... надо грабить только богатыхъ... Вотъ и все..... Вы думаете, что у Бунда есть данныя, что именно эти лица участвовали въ погромѣ? — Никакихъ. Но допустимъ, что эти люди пошли сейчасъ же грабить богатыхъ. Какой же выводъ отсюда? Думаетъ ли „Народная газета", что эти хулиганы не пошли бы на „дѣло", не будь анархической пропаганды? Конечно, нѣтъ. Это значило бы идеализировать погромщиковъ, это значило бы приписывать имъ какіе то отвлеченные мотивы — а къ этому Бундъ совершенно не склоненъ. Какое же значеніе имѣетъ тотъ или иной ихъ разговоръ? Но дѣло еще вотъ въ чемъ: всякій согласится, что эти господа все равно пошли бы грабить. Но есть и маленькая разница: не будь въ воздухѣ разлита пропаганда и агитація соціалистовъ и анархистовъ, грабители ограбили бы, а можетъ и убили бы трудящагося пекаря, но смутный гулъ пропаганды остановилъ руку безумцевъ, спасъ хоть *одну* жертву!... Вотъ единственный выводъ изъ этого факта. А „Народная газета" видитъ въ этомъ подтвержденіе зловредности анархической пропаганды. Это ли не насмѣшка надъ логикой, это ли не образчикъ безсовѣстной „критики" и кривотолковъ? И что, кромѣ чувства презрѣнія, можетъ вызвать газета, пользующаяся *такими* способами борьбы? — Конечно не у буржуазной прессы. Буржуазная газета „Жизнь" (*Das Leben*) съ удовольствіемъ смаковала фельетоны Бунда. Она даже разразилась цѣлымъ потокомъ брани по адресу анархистовъ. Мы на эту брань отвѣчать не намѣрены... Наши разговоры съ буржуазіей уже по тому одному не должны походить на борьбу, что наша борьба не походитъ на разговоры.

Разберемъ вопросъ по существу. Газета спрашиваетъ насъ: почему мы не прекратили своихъ анархическихъ дѣйствій тогда, когда возможность изъ за нихъ погрома стала очевидной?

Отвѣтимъ. Погромъ вѣдь былъ въ Кишиневѣ — а тамъ не было анархистовъ! Погромъ вѣдь былъ въ Сѣдлецѣ — тамъ дѣйствуетъ П. П. С. Погромъ былъ въ Гомелѣ — тамъ дѣйствуютъ Бундъ, С.-Р. Отчего вы не требуете прекращенія дѣятельности этихъ партій? Вѣдь чего хотятъ достигнуть погромами? — Подавленія революціи. Что же, заявите всѣмъ революціоннымъ партіямъ, чтобы онѣ свернули свое боевое знамя; тогда мы, по крайней мѣрѣ, убѣдимся въ вашей искренности и послѣдовательности! Идите прямо на встрѣчу желаніямъ правительства — и тогда мы васъ поймемъ. Но вы этого не дѣлаете! Вы не хотите прекращенія революціи, вы хотите избавиться только отъ анархистовъ! Вы боитесь, дрожите, какъ бы они не нарушили окончательно вашего сытаго покоя, а потому пугаете насъ призракомъ якобы нами создаваемыхъ погромовъ! „Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай"! говоритъ пословица. А вы не стыдитесь подпирать „мертвыми тѣлами" бѣлостокскихъ жертвъ свой буржуазный заборъ. Напрасно, господа! Онъ будетъ разрушенъ. Насъ же вы не испугаете, ибо мы знаемъ, что только широкое развитіе классовой борьбы уничтожитъ національную борьбу и вражду... Мы знаемъ, что сама эта вражда — продуктъ *вашего* строя, вашего міра грабежа и насилія!

И только съ разрушеніемъ его прекратится и насиліе и погромы всѣхъ видовъ и сортовъ.

И еще властнѣе будетъ нашъ призывъ къ непримиримой борьбѣ, которая кончится — она должна кончиться — нашей побѣдой — побѣдой анархическаго коммунизма!

III

Въ Мангеймѣ происходитъ съѣздъ германскихъ соціалъ-демократовъ. На очереди стоитъ вопросъ о всеобщей стачкѣ... Была уже, между прочимъ, принята резолюція, грозящая исключеніемъ изъ партіи всякому сочувствующему анархическимъ профессіональнымъ союзамъ. Резолюція призываетъ къ рѣшительной, энергичной борьбѣ съ анархизмомъ. Призывы же къ всеобщей стачкѣ, при современныхъ условіяхъ Германіи, считаются вредными и несвоевременными.

Странное однако время переживаетъ соціалъ-демократія! Невольно припоминается остроумное изреченіе либерала Струве въ предисловіи къ запискѣ министра финансовъ. Струве указываетъ на странное обстоятельство — правительство какъ то мечется, боится, дрожитъ чего то. Казалось бы чего бояться? Вѣдь все тогда было такъ тихо, тихо и мертво. Крамольники перебиты, истреблены... Казалось бы только и остается, жить да поживать, да старину поминать. Оказывается нѣтъ; что то такое мучитъ верхи, томитъ какое то зловѣщее безпокойство; кажется вотъ-вотъ оттуда, съ востока облачко выплыветъ, разростется и чернымъ покровомъ омрачитъ голубое-голубое небо. Также и соціалъ-демократія! Казалось-бы: анархисты посрамлены; оппортунисты уничтожены. Растетъ количество голосовъ... Дисциплина желѣзная, касса полна. Остается только ликовать, да гимны пѣть. И ликуетъ таки, да какъ то вдругъ такія грустныя думы омрачаютъ веселье. И таки гимны поютъ, да вдругъ такія странныя ноты прозвучатъ! И наивные прохожіе спрашиваютъ, что это тамъ: свадьба или похороны.

Мы здѣсь не намѣрены останавливаться на причинахъ этого глубоко интереснаго явленія. Намъ здѣсь хочется лишь отмѣтить характерное и глубоко поучительное отношеніе соціалъ-демократіи къ профессіональнымъ союзамъ (*Gewerkschaften*).

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ соц.-дем. не прекращались недоразумѣнія между союзами и партіей. Недоразумѣнія бывали, но преобладалъ слѣдующій споръ: профессіональные союзы часто выказывали узкій практицизмъ, заботу о данной стачкѣ, о данномъ повышеніи заработной платы; отклоняли всякую идеологію, не стояли, по мнѣнію партіи, на классовой точкѣ зрѣнія. Партія пыталась „поднять" союзы къ себѣ, вырвать ихъ изъ узкихъ рамокъ повседневной борьбы. Словомъ, съ перваго взгляда, партія была болѣе классовой, революціонной, союзы — болѣе отсталыми и мирными.

Многимъ еще недавно казалось, что тутъ кроется какое то глубокое недоразумѣніе; многимъ казалось, что врядъ ли здѣсь споръ идетъ между узкими практиками и классовыми революціонерами... Теперь послѣ резолюціи о невступленіи въ анархическіе союзы дѣло стало яснымъ для каждаго.

Мы не намѣрены касаться здѣсь вопроса о синдикализмѣ вообще — вопроса насколько широко понятая идея анархической классовой борьбы можетъ быть вдвинута въ рамки *легальныхъ* синдикатовъ. Мы этого касаться не будемъ. Намъ какъ разъ важно отмѣтить, что въ Германіи врядъ ли рѣчь идетъ о спеціально анархическихъ синдикатахъ, а не просто о революціонныхъ союзахъ для революціонной экономической борьбы (а что это еще не весь анархизмъ, понятно каждому). Итакъ, на этотъ разъ впервые соц.-дем. были вынуждены объявить борьбу союзамъ, или хотя бы только реальному стремленію къ таковымъ; но уже совсѣмъ не потому, что эти союзы менѣе революціонны, чѣмъ партія.

Что характеризуетъ обыкновенный, мирный профессіональный союзъ?...

Отсутствіе пошлой фразы, дѣловитость, своеобразная чистота и ясность дѣла. Тутъ нѣтъ классовой борьбы, но нѣтъ и надорванной фразеологіи о ней. Нѣтъ революціоннаго духа, но нѣтъ и напыщенной парламентской декламаціи о немъ. Нѣтъ выраженія широкой классовой воли, но нѣтъ и туманной метафизики о народной волѣ. Ясна цѣль, ясны средства; водѣльно, ясно. Очевидно, что если такой союзъ перейдетъ на другую точку зрѣнія, если онъ станетъ на классовую точку зрѣнія, то онъ броситъ все туманное, метафизическое и потребуетъ, чтобы на „проклятые вопросы" дали „отвѣты имъ прямые".

Стачкой союзъ раньше реально давилъ на хозяина; стачкой, но въ иныхъ размѣрахъ и для иныхъ цѣлей, онъ захочетъ теперь реально давить на классъ. Когда онъ былъ узкимъ практикомъ, онъ просто сотрудничалъ съ буржуазіей (третейскій судъ и проч.). Усвоивъ *противоположную* точку зрѣнія, онъ столь же реально, наглядно захочетъ *размежеваться* съ ней. Окажется ли самъ союзъ послѣдовательнымъ; пойметъ ли онъ, что легальныя рамки тогда для него не годятся, что онѣ только сдавятъ и сузятъ его размахъ — это другой вопросъ. Но по отношенію къ соц.-демократіи, съ ея ученіемъ о поддержкѣ болѣе либеральной буржуазіи, онъ будетъ безпощадно послѣдователенъ — это внѣ сомнѣнія. И вотъ почему борьба велась *не только* съ неклассовымъ характеромъ союза, но главнымъ образомъ съ его *[illegible] на классовую фразеологію*. Имѣлось въ виду не только отвлечь союзъ отъ узко-копеечныхъ интересовъ, но *во время [illegible]* возможность перехода отъ неклассоваго міра къ классовой войнѣ. Боялась, что шагнетъ онъ и пройдетъ мимо „депо классовой фразеологіи" соц.-дем. партіи. Получается то же отношеніе къ союзамъ со стороны соц.-дем., что къ крестьянству и люмпенпролетаріату.

Правда, что соц.-дем. не можетъ опираться на крестьянство изъ за того, что оно бываетъ *реакціонно*; но правда и то, что она еще больше боится крестьянства по совершенно инымъ мотивамъ — оно можетъ быть революціонно, можетъ насильственно захватывать собственность, землю; объ этомъ соц.-демократія умалчиваетъ!

Правда и то, что соц.-дем. не опирается на люмпенпролетаріатъ, ибо онъ часто является реакціонной силой! Но правда, то, что они, с.-д., не могутъ опираться на него и потому, что люмпенпролетаріатъ можетъ быть страшной революціонной силой: насильственно брать предметы потребленія; — и объ этомъ соціалъ-демократія умалчиваетъ!

Правда, они борятся съ союзами, ибо тѣ нереволюціонны! Но правда и то, что они хотятъ предупредить возможность перехода массъ къ революціонной, классовой, непарламентарской борьбѣ; а объ этомъ они часто умалчиваютъ! Умалчиваютъ! Но все тайное дѣлается явнымъ! И призывъ с.-д.-аго съѣзда не вступать въ союзы анархистовъ ясно говоритъ: Чуетъ соціалъ-демократія, что жизнь срываетъ съ нея плащъ классовой революціонной партіи. Чуетъ, что жизнь, могучая и новая жизнь, идетъ мимо парламентскихъ береговъ. И она угрожаетъ, исключаетъ изъ партіи, предупреждаетъ... Тщетно, господа! Много помогли еретическіе ярлычки дѣлу уничтоженія безбожниковъ?! Напрасно трудился папа римскій; жизнь ушла впередъ, забыла старый Ватиканъ... Оттуда раздаются угрозы, проклятія — тщетный трудъ: новыя птицы, новыя пѣсни! Новыя птицы появились, г. г. соц.-дем., и новыя пѣсни, могучія, боевыя пѣсни, поютъ онѣ.

А ваше сердитое ворчаніе только скуку наводитъ и смѣхъ вызываетъ. Такъ старый артистъ, помня былую славу, не хочетъ бросить сцены, хотя его „игра" вызываетъ только оглушительный смѣхъ!....

Интересенъ поворотъ по вопросу о всеобщей стачкѣ.

На дрезденскомъ партейтагѣ Бебель высказался за всеобщія забастовки, какъ за „лучшее средство", какъ самозащиты пролетаріата (при попыткѣ отнять избирательное право), такъ и для добыванія новыхъ правъ. Нынѣ, оказывается, что призывы ко всеобщимъ забастовкамъ — несвоевременны!

А центральный органъ нѣмецкой соціалъ-демократіи „Впередъ" заявляетъ, что прусско-германское государство черезчуръ сильно, чтобы бороться путемъ всеобщихъ стачекъ! Вотъ это логично! Предъ вами врагъ — сильно вооруженный, въ вашемъ распоряженіи „лучшее средство" — стачки. Оказывается, что такъ какъ врагъ силенъ, то „лучшее средство" непримѣнимо. Очевидно, чтобы обезсилить врага нужно худшее средство — не такъ ли?

Чувствуя всю пошлость этого вздора, „Впередъ" будто наивно роняетъ, что всеобщая стачка вообще не въ духѣ соціалъ-демократической классовой борьбы! О, вотъ такъ бы и сказали, господа. Тогда мы сразу поймемъ васъ! Поймемъ, что вы хотѣли бы использовать всеобщую стачку только для борьбы за избирательныя права. Хотѣли бы! Но видя нарожденіе „союзовъ", которые сдѣлаютъ всеобщую стачку центральнымъ пунктомъ борьбы въ ущербъ борьбѣ за избирательное право; видя это, вы поступаете по рецепту нашего Куропаткина: отступаете назадъ по „обдуманному" плану: молъ, вообще, всеобщая стачка теперь непримѣнима...

Помните у Гейне:

„Тихо кругомъ, нѣтъ вѣтра съ утра,
Въ большомъ недоумѣніи стоятъ флюгера!
Ужъ какъ ни вертятся, никакъ не добьются,
Въ какую бы сторону имъ повернуться!"

А партія уподобляющаяся флюгеру не можетъ имѣть будущаго!

НЕДОЧЕТЫ ДВИЖЕНІЯ.

„Какъ мало прожито, какъ много пережито" съ полнымъ правомъ можемъ мы сказать о нашемъ столь еще молодомъ и юномъ движеніи; и въ особенности это должно и можно сказать о послѣднихъ 6—8 мѣсяцахъ анархической работы.

Много жертвъ понесли мы. Много отважныхъ товарищей-борцовъ вырвано изъ нашихъ рядовъ; много томится ихъ по тюрьмамъ, казематамъ и въ каторгѣ далекой Сибири. Много ударовъ, много жертвъ... Но не столько внѣшними проявленіями, сколько богатствомъ внутреннихъ переживаній характеризуется этотъ краткій, но знаменательный періодъ... Напряженно-тревожно работала мысль — искала отвѣты, обобщала явленія и факты. Вопросы вставали за вопросами... Необходимо было отзываться на совершающіяся крупныя событія. А событія были грандіозны. Россія переживала великій моментъ: Разыгрывалась революція. Народныя массы поднялись на борьбу. Все могучѣй и громчѣй становились раскаты революціонной бури. Демократія, хотя на мигъ и сраженная, ликовала, шумно праздуя свою побѣду надъ дезорганизованнымъ и ослабленнымъ самодержавіемъ. Пророки и идеологи буржуазіи безпрепятственно-громко возвышали свой голосъ. Они звали неимущихъ къ борьбѣ за демократію; они нагло и хитро эксплуатировали тысячелѣтній голодъ, лишенія и нужду народа. На всѣхъ измученныхъ, наболѣвшихъ струнахъ народнаго страданія наигрывали они. Затѣвался великій, историческій обманъ народа буржуазіей.

Анархическія группы не могли оставаться равнодушными къ бьющей ключемъ событій дѣйствительности. Надо было выработать новые тактическіе пріемы, установить свое отношеніе ко всѣмъ новымъ явленіямъ и фактамъ русской жизни, примѣнить общіе принципы анархизма къ задачамъ живой борьбы. Необходимо было оградить массы, охранить отъ ихъ тлетворное, разлагающее вліяніе революціонеровъ изъ буржуазнаго и соціалистическаго лагеря. Сказать свое, анархическое слово — такова была неимовѣрно трудная задача.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи анархизма въ Россіи. Движеніе еще слишкомъ молодо, юные, едва успѣвшіе окрѣпнуть, побѣги его лишь пускаютъ корни въ почву русской дѣйствительности, всего нѣсколько лѣтъ прошло съ момента зарожденія движенія и писать историческую лѣтопись русскаго анархизма пока преждевременно. Но возобновить въ памяти, охарактеризовать наиболѣе важныя черты минувшаго періода намъ кажется далеко не лишнимъ. Слишкомъ тѣсно связано юное настоящее съ недалекимъ, едва минувшимъ „прошлымъ", слишкомъ сильно сказывается это „прошлое" на настоящемъ. И пониманіе только что минувшаго періода дастъ намъ возможность легче разобраться въ задачахъ ближайшаго будущаго, избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ и, наконецъ, поможетъ уясненію многихъ слабыхъ мѣстъ нашей нынѣшней дѣятельности.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ о первыхъ моментахъ зарожденія анархизма въ Россіи. Почти повсюду въ западной Европѣ въ первые періоды возникновенія анархизма во главѣ его становились люди большого теоретическаго и практическаго опыта. Вождями его были талантливыя, сильныя и мощныя фигуры. Въ мертвенно-тихой обстановкѣ западно-европейской демократіи, съ ея ничѣмъ не нарушаемой идилліей буржуазной законности и порядка, впервые громко возвысить свой протестующій голосъ, впервые поднять карающую руку террориста могли лишь люди большого ума и чувства, люди необъятной воли и большой рѣшимости. Этого нельзя сказать о первыхъ шагахъ анархизма въ Россіи. Анархизмъ у насъ зародился въ моментъ, когда „дерзать" и „смѣть" „было дано" и среднимъ, обыденнымъ натурамъ. Вся атмосфера была насыщена протестомъ. И поднять знамя классоваго бунта могли не только титаны ума и воли, но и просто революціонныя и смѣлыя индивидуальности. Начало русскому анархическому движенію положили заурядные, средніе работники съ небогатымъ, вѣрнѣе, даже съ очень ограниченнымъ запасомъ теоретическихъ знаній и практическаго опыта. Но ихъ воодушевляло горячее желаніе заронить сѣмя анархизма въ пролетарскія массы, они были полны рѣшимости борьбы, горѣли жаждой ея. И это придавало имъ силы, во многомъ искупало и сглаживало слабыя мѣста ихъ. Но что особенно поражало окружающихъ, заставляло относиться къ первымъ анархическимъ работникамъ съ уваженіемъ и вниманіемъ, что выдѣляло этихъ работниковъ, это полная, безусловная готовность всегда, въ любой нужный моментъ, отдать свою жизнь, пожертвовать собою для разъ избраннаго дѣла.

Какія задачи стояли передъ первыми товарищами анархистами?

Анархическое слово еще не раздавалось въ Россіи; его еще не знали. Міровоззрѣніе анархизма, его программа и тактика были незнакомы русской рабочей массѣ. Необходимо было пробить себѣ дорогу, образовать и упрочить первыя анархическія группы. Надо было познакомить массы со взглядами и тактикой анархистовъ. Не легка была задача. Приходилось бороться съ массою окружающихъ неблагопріятныхъ условій. И на первомъ планѣ стояла борьба съ противодѣйствіемъ и вліяніемъ враждебныхъ анархизму соціалистическихъ партій. Онѣ работали давно, организаціи ихъ были устойчивы и прочны, послѣдователи многочисленны, партійная литература разнообразна и богата. Въ ихъ распоряженіи имѣлись цѣлые кадры умѣлыхъ и знающихъ пропагандистовъ, опытныхъ организаторовъ. Вліяніе этихъ партій на рабочія массы было сильно. Массы прислушивались къ ихъ голосу, охотно шли за ними. Со всѣмъ этимъ нельзя было не считаться. Приходилось выдерживать упорную, острую борьбу за существованіе. И весь первый періодъ анархическаго движенія въ Россіи, вплоть до начала зимы прошлаго 1905 года, окрашенъ именно этой борьбой за существованіе анархизма въ Россіи. Старыя группы упрочивались, расширяли кругъ своей дѣятельности, нарождались новыя группы. Вліяніе анархистовъ на рабочую среду росло; массы все охотнѣе прислушивались къ ихъ голосу, пріучались понимать ихъ рѣчь; съ каждымъ днемъ увеличивалось число симпатизирующихъ; группы усиливались новыми приверженцами. И бодрое, живое и жизнерадостное настроеніе, созданное успѣхомъ, царило въ группахъ. Чувствовалось что движеніе растетъ, развивается въ ширь и въ глубь.

Такъ продолжалось до осени-зимы 1905 года. Къ этому времени уже стали замѣчаться первые признаки упадка энергіи. Прошелъ мѣсяцъ-другой и тяжелая атмосфера какого то разлада повисла надъ группами. Работа не клеилась. Появились какія то мелкія организаціонныя дрязги-неурядицы. Чувствовалось что что то не ладно, что что то мѣшаетъ работать. Всѣхъ давило сознаніе застоя. Какая то неудовлетворенность, апатія были разлиты кругомъ. Сознательно или безсознательно, но многіе чувствовали, что такъ дальше продолжаться не можетъ, что нужно что то сдѣлать, исправить, внести что то новое. Но что сдѣлать? Какое новое содержаніе внести въ работу? Многіе полагали, что мѣшаютъ работать нѣкоторыя сравнительно маловажныя организаціонныя неустройства; что должно кое что измѣнить въ типѣ организаціи, во внутреннемъ распредѣленіи работы и все пойдетъ по старому — бодро и живо. Но это былъ обманъ. Организаціонный типъ былъ измѣненъ, перераспредѣлена работа, а глухое чувство недовольства росло и развивалось.

Къ этому времени и относится зарожденіе двухъ новыхъ стремленій, двухъ новыхъ тенденцій — образованіе группы „безмотивнаго" террора и группы „коммунаровъ". Ознакомившись хотя бы вкратцѣ съ ними, намъ не трудно будетъ убѣдиться, что появленіе ихъ было почти неизбѣжно, что сама дѣйствительность анархической работы вызвала ихъ къ жизни.

Революція разыгрывалась. Грозные раскаты ея приближались. Зловѣщія, мрачныя тучи заволакивали политическій горизонтъ Россіи. Только что прошла побѣдоносная октябрьская забастовка. Россія усиленно готовилась къ новой, еще болѣе грандіозной, всеобщей забастовкѣ. Время ея приурочивалось къ достопамятной годовщинѣ кровавой петербургской бойни 9-го января прошлаго 1905 г.... Шумной гурьбой вырвались изъ подполья революціонеры-демократы: опьяненные успѣхомъ, упоенные „свѣтлыми" надеждами, широко развернули они знамя; и на немъ было начертано — „демократія". Чутко сторожила моментъ буржуазія... Плоть отъ плоти, кровь отъ крови ея — вѣрные сыны буржуазіи гурьбою ворвались въ народныя собранія и митинги, заполнили всѣ журналы и газеты. Всюду слышна была ихъ проповѣдь. Они звали угнетенныхъ на бой во имя конституціи, во имя „народовластія". Затѣвался великій историческій обманъ народа буржуазіей... Все выше и выше вздымались волны демократическаго прибоя; все громче звучали голоса демократовъ — революціонеровъ и буржуа. Ничто не мѣшало имъ; ничто не препятствовало обману. Шумно ликовала буржуазія. Ликовала, увѣренная въ успѣхѣ... А жертвы падали. Гибли лучшіе сыны пролетаріата. Голодали рабочія семьи. Стонала деревня подъ гнетомъ нужды. Голодныя толпы бродили по Россіи... Борьба шла. Безъ устали, не зная страху, мощно расправивъ свою гигантскую спину, народъ разилъ враговъ своихъ. Онъ поддался обману; онъ вѣрилъ буржуазіи.

Дольше молчать было бы преступленіемъ. Надо было возвысить протестующій голосъ, раскрыть обманъ. Надо было показать буржуазіи, что есть еще въ рабочей средѣ люди, понимающіе всю ложь и грязь ея намѣреній и замысловъ, что есть люди, рѣшившіеся вступить съ нею въ смертельный бой, бороться до конца. Надо было сдѣлать нѣчто такое, что бы заставило „на мигъ" оглянуться рабочія массы, задуматься и увидѣть, что буржуазія раскидываетъ предъ ними новыя, адски-хитро сплетенныя сѣти — сѣти буржуазной революціи.

Какъ сказать *анархическое „слово"*? Какъ сказать его такъ, чтобы услыхала его многомилліонная народная масса, чтобы встрепенулась и содрогнулась въ ужасѣ буржуазія? — Вотъ вопросъ всецѣло поглотившій вниманіе „безмотивниковъ" и „коммунаровъ". Между ними часто происходили собесѣдованія, велись споры и дискуссіи. Во многомъ были они не согласны, расходились межъ собой. Но какъ тѣ, такъ и другіе согласны были въ томъ, что движеніе принимаетъ рѣшительный характеръ, что теперь (т. е. тогда) не время заниматься мелкой мѣстной работой и, во всякомъ случаѣ, не въ ней центръ тяжести анархической дѣятельности сейчасъ. Они находили, что мѣстная работа сдавила, сузила кругозоръ группъ, что группы всецѣло ушли въ нее и изъ за нея не замѣчаютъ общероссійскихъ задачъ анархизма въ данный историческій моментъ, не въ состояніи подняться до нихъ. Согласны были они также въ томъ, что въ террористической дѣятельности группъ преобладаютъ часто политическіе акты и что акты экономическаго террора черезчуръ рѣдки, блѣдны и мелки. Имъ казалось, что политическіе акты *теперь* играютъ на руку демократіи, что должно на время отказаться отъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, низвести подобнаго рода акты до возможнаго минимума, совершая ихъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. На первый планъ, полагали они, должны быть выдвинуты акты экономическаго террора. Его проявленія надо участить и усилить. На этомъ кончалось единогласіе „безмотивниковъ" и „коммунаровъ"; дальше между ними начиналось крупное расхожденіе по цѣлому ряду вопросовъ.

Какъ формулировали „безмотивники" свое пониманіе момента, въ чемъ видѣли они свою спеціальную миссію? — Вскрыть и обнажить грубый буржуазно-демократическій обманъ, проявить протестъ, сказать сильно и ярко свое анархическое слово можно только рядомъ крупныхъ анти-буржуазныхъ „безмотивныхъ" актовъ. Анархисты должны направить свои террористическіе удары въ буржуазію не только за ту или иную частичную, конкретную вину ея передъ пролетаріатомъ; надо разить буржуа какъ представителей и цвѣтъ буржуазнаго общества. Пусть вѣчная угроза смерти, какъ страшное напоминаніе о „вѣчной войнѣ", виситъ надъ буржуа каждый мигъ, каждый часъ его существованія. Пусть не будетъ среди нихъ „невинныхъ". Да не знаютъ они покоя.

„Безмотивные" анти-буржуазные акты внесутъ смятеніе и хаосъ въ лагерь буржуазіи, быть можетъ хоть „на мигъ" отвлекутъ вниманіе массъ отъ демократическихъ лозунговъ, раскроютъ передъ ними новые и яркіе горизонты истинно классовой борьбы и, наконецъ, подымутъ падающую энергію группъ, углубятъ и расширятъ ихъ кругозоръ. Такъ думали и вѣрили „безмотивники"; и цѣльно, беззавѣтно отдались они своей вѣрѣ. Была сформирована тѣсная, небольшая группа, добыты необходимыя денежныя средства; начались приготовленія къ актамъ. Результатомъ ихъ дѣятельности было динамитное покушеніе на Отель-Ресторанъ „Бристоль" въ Варшавѣ въ ноябрѣ и оглушительный взрывъ въ Одессѣ пяти бомбъ въ кафэ Либмана въ декабрѣ минувшаго 1905 г.

„Безмотивниковъ" не стало... Но мысль воодушевлявшая ихъ не заглохла. На смѣну имъ пришли другіе. Въ январѣ сего года въ одномъ изъ городовъ Россіи собрался многолюдный анархическій съѣздъ террористовъ-„безмотивниковъ". Члены съѣзда образовали изъ себя террористическую группу. Былъ намѣченъ рядъ крупныхъ, „центральныхъ" актовъ, распредѣлены роли. Но по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь неумѣстно распространяться, группа распалась не успѣвъ ничего совершить. Къ этому же времени относится образованіе 3-го террористическаго кружка въ Варшавѣ. Но та же печальная участь постигла его: ничего не совершивъ, онъ распался.

Перейдемъ теперь къ „коммунарамъ".

Будучи вообще горячими сторонниками анти-буржуазнаго „безмотивнаго" террора, они, однако, полагали, что индивидуальный терроръ не въ состояніи разрѣшить стоящей передъ анархистами задачи, что онъ безслѣдно, незамѣченный потонетъ въ колоссально-огромной демократической волнѣ. Они утверждали, что цѣлой исторической полосѣ нельзя противопоставить индивидуальный протестъ отдѣльныхъ террористическихъ покушеній.

Пройдетъ революція, говорили они, и образами героевъ-борцовъ, кровью павшихъ жертвъ, крестами братскихъ могилъ на многіе, долгіе годы освятитъ въ глазахъ массъ демократическое знамя. Чѣмъ то дорогимъ, выстраданнымъ станетъ оно для нихъ. Враждебно и холодно встрѣтятъ тогда массы всякую критику демократіи. Чѣмъ то кощунскимъ, святотатственнымъ покажется она имъ. И надо теперь же на громадномъ фонѣ демократіи создать хотя бы одну враждебную всей картинѣ точку. Пусть это будетъ только точка. Пусть вспыхнетъ и угаснетъ она. Но слѣдъ она оставитъ. Многомилліонныя массы замѣтятъ и запечатлѣютъ ее въ своихъ умахъ, какъ нѣчто идущее въ разрѣзъ съ идеями и лозунгами демократіи. Такой „точкой" утверждали „коммунары" можетъ быть только массовый анархическій актъ — попытка возстанія во имя безгосударственной коммуны. Они хорошо сознавали всю колоссальность и трудность такой попытки, всю слабость и несоотвѣтствіе своихъ силъ такой задачѣ. Но именно глубокая важность и вся неотложная необходимость въ попыткѣ возстанія во имя коммуны давала имъ смѣлость, заставляла взяться за разрѣшеніе этой задачи. „Коммунары" стали усиленно готовиться къ дѣятельности. Была сформирована небольшая группа, добыто все необходимое для начала работы и скоро группа была въ пути по направленію къ избранному городу... Внезапный арестъ почти всей группы пресѣкъ ея начинанія въ самомъ зародышѣ. Попытка „коммунаровъ" заглохла... О ней больше не говорили; ее не вспоминали. Мысль о ней была оставлена.

Случайно ли только постигла неудача попытку „коммунаровъ"? Мы думаемъ, что нѣтъ. Для выполненія такой грандіозной, необычайной по широтѣ и смѣлости замысла, задачи недостаточны были индивидуальныя усилія одной, хотя бы и значительной по своимъ размѣрамъ, группы. Всѣ усилія, вся энергія, вся мысль и воля всѣхъ анархическихъ группъ Россіи должны были въ теченіи нѣкотораго времени работать въ этомъ направленіи. И только тогда можно было, съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, взяться за проведеніе въ жизнь этой попытки. Все это, столь ясное и очевидное теперь, когда нами за нѣсколько протекшихъ мѣсяцевъ накопленъ нѣкоторый, хотя и небольшой, опытъ, далеко не было такимъ простымъ и очевиднымъ тогда. И смѣшно было бы обвинять „коммунаровъ" за то, что они этого не видѣли (если не видѣли?) тогда. Ужъ если винить, то надо винить проклятыя условія, выдвинувшія насъ на сцену русской дѣйствительности такъ поздно, въ самый разгаръ революціи, не давшія намъ возможности сорганизоваться и окрѣпнуть и поставившія передъ нами такія невѣроятно-трудныя и отвѣтственныя задачи. Ужъ если кого либо винить, то ихъ, эти общія условія, надо обвинять, а отнюдь не „коммунаровъ".

Итакъ, обѣ попытки — теченіе индивидуальнаго терроризма („безмотивники") и стремленіе къ созданію массоваго движенія („коммунары") завершили свое кратковременное существованіе. Какія же новыя стремленія и задачи должны были народиться? Какіе новые горизонты вырисовывались передъ группами? Что предстояло передъ ними въ ближайшемъ будущемъ?

Революція, хотя на мигъ и затихшая, готова была каждый моментъ разразиться съ новой, еще невѣдомой, бурной силой. Въ воздухѣ нависли грозовыя тучи... Зарево горящихъ помѣщичьихъ усадебъ, залпы револьверныхъ выстрѣловъ, отдѣльныя динамитныя покушенія террористовъ вставали грозными, зловѣщими напоминаніями о грядущихъ событіяхъ, будили и тревожили умъ, звали къ новой, упорной борьбѣ. Демократія по прежнему проникала въ рабочія массы, по прежнему звала ихъ на штурмъ вѣковыхъ твердынь самодержавія. Положеніе не измѣнилось. Передъ анархистами стояли тѣже задачи.

Попытка „коммунаровъ" создать массовое анархическое движеніе заглохло. Тревоги и думы ихъ не нашли себѣ преемниковъ; волновавшіе ихъ вопросы не подымались. И надъ русскимъ анархизмомъ висѣла и виситъ грозная опасность, оторвавшейся отъ массоваго движенія, всецѣло уйти и вылиться въ индивидуальный терроризмъ, своеобразно повторить судьбу „равашолійства". Вѣдь „равашолійство", если только мы имѣемъ правильное представленіе о немъ, есть слѣдствіе неудавшейся попытки или „невозможности" въ опредѣленный историческій періодъ создать и тѣсно связаться съ массовымъ движеніемъ. Необычайная энергія, огромная революціонная сила и мощь французскихъ анархистовъ этого періода искала себѣ выходъ, примѣненіе. Проявиться въ массовомъ движеніи она не могла, и бурно, стремительно выливалась она въ индивидуальныхъ террористическихъ покушеніяхъ, внося ужасъ и смятеніе въ буржуазный лагерь. Красивъ и блестящъ былъ террористическій періодъ 90-хъ годовъ во Франціи. Яркой, героической полосой промелькнулъ онъ. Промелькнулъ и исчезъ... А на его мѣсто пришла хилость, упадокъ энергіи и силы, оскудѣніе революціонности. На долгіе, длинные годы воцарилась тяжелая реакція. И лишь въ самое послѣднее время въ анархическомъ лагерѣ Франціи начинаютъ замѣчаться первые, пока еще слабые и блѣдные, признаки новаго революціоннаго подъема.

Что можетъ ждать насъ? Подымется революціонная волна. Событія потребуютъ сильнаго, живого отклика, широкаго размаха. Мѣстная работа, страдающая столькими неустройствами и недочетами, покажется узкой, мелкой, ничтожной по своимъ результатамъ. Будетъ давить чувство неудовлетворенности работой на мѣстахъ. Охватитъ жажда борьбы и подвига... И ринутся лучшіе, наиболѣе революціонные элементы въ индивидуальный терроризмъ — ринутся безвозвратно и страстно, совершенно забросивъ массовое движеніе. А за ними, движимые той же жаждой борьбы и подвига, послѣдуетъ все живое, бодрое и къ битвѣ рвущееся въ анархическомъ лагерѣ. И, какъ и во Франціи, вспыхнетъ яркой, героической полосой анархизмъ въ Россіи. Вспыхнетъ... А потомъ... потомъ сѣрыя будни, легализмъ, животно-мирное прозябаніе въ рамкахъ синдикализма и долгій, мертвящій и глухой, періодъ застоя.

Такова одна изъ возможныхъ судебъ анархизма въ Россіи. Печальная, тревожная участь. И мы теперь же должны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы направить движеніе по другому пути. Теренистъ и труденъ тотъ путь; много препятствій на немъ. — Не одинъ товарищъ, уставъ и надорвавшись, въ изнеможеніи свернетъ съ дороги. Мы не обманываемся во всѣхъ трудностяхъ его. Но есть одинъ, только одинъ путь нормальнаго, здороваго развитія анархизма — путь массоваго движенія. И передъ нами встаетъ огромная по своей сложности и трудности задача — создать такое широкое массовое анархическое движеніе, связаться съ нимъ. Только создавъ массовое анархическое движеніе, только въ тѣсномъ единеніи съ массой, анархизмъ почерпнетъ новыя, могучія силы для дальнѣйшаго развитія и борьбы.

Что мѣшаетъ разрѣшенію этой задачи? Многое.

Предшествовавшія попытки и начинанія „безмотивниковъ" и „коммунаровъ" внесли не малую толику дезорганизаціи и разстройства въ мѣстную работу. Они отвлекли многія, далеко не второстепенныя, силы отъ мѣстной работы, поглотили не малое количество денежныхъ средствъ, внесли въ группы тревожно-безпокойную атмосферу частыхъ и внезапныхъ пріѣздовъ и отъѣздовъ и, наконецъ, создали настроеніе, далеко не благопріятное работѣ на мѣстахъ, напротивъ мѣшавшее и тормозившее ее.

Но это далеко не главное. У группъ совершенно не накопленъ опытъ проведенія массовыхъ анархическихъ нападеній на буржуазію. Болѣе того, мысль товарищей пока даже мало работала въ этомъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, — нашимъ группамъ до сихъ поръ не удалось провести ни одной стачки, во время которой сами массы революціонно нападали бы на неудовлетворяющихъ требованія хозяевъ капиталистовъ и насиліемъ, массовымъ терроромъ отстаивали бы и вынуждали удовлетворять ихъ требованія. Все дѣло въ такихъ случаяхъ сводилось къ индивидуальнымъ террористическимъ актамъ членовъ анархическихъ группъ или отдѣльныхъ сознательныхъ рабочихъ изъ массы. Сама же масса активно-революціонно не выступала. Не было еще ни одного случая, когда бы группѣ удалось организовать и провести массовую вооруженную экспропріацію безработными и стачечниками съѣстныхъ припасовъ и всего прочаго необходимаго для жизни. Опыта проведенія массовыхъ анархическихъ выступленій у насъ еще не существуетъ. Его лишь надо создать.

Далѣе. Всякая партія можетъ существовать и нормально, безболѣзненно развиваться лишь при одномъ непремѣнномъ условіи: Каждый членъ партіи, какую бы незначительную отрасль партійной работы онъ не исполнялъ, долженъ чувствовать живую, глубокую связь со всей дѣятельностью всего „цѣлаго", всей партіи. У него должно быть ясное, неопровержимое сознаніе, что какъ его незамѣтное, „маленькое" дѣло такъ и вся работа и проявленія всей партіи плодотворны, приносятъ очевидные результаты, направляются цѣлесообразно. Живо такое сознаніе и партія преодолѣваетъ всѣ препятствія, крѣпнетъ, развивается въ ширь и въ глубь. Отсутствуетъ это условіе и въ партіи начинается разладъ, дезорганизація, появляются всѣ предвѣстники распада и разложенія.

Можемъ ли мы сказать, что наши товарищи чувствуютъ такую связь, испытываютъ бодрое чувство удовлетворенія какъ своею дѣятельностью, такъ и работой всѣхъ анархическихъ силъ Россіи? Къ сожалѣнію сказать это нельзя.

Анархизмъ въ Россіи почти не зналъ періода мелкихъ кружковъ, небольшихъ группъ, всецѣло занятыхъ тихой подготовительной работой. Едва ли не съ первыхъ шаговъ своего нарожденія ему пришлось ставить себѣ и выполнять такія задачи, которыя подъ силу развѣ только хорошо развитому и сильному движенію. Періодъ „кружковъ" и періодъ „движенія" тѣсно слились въ русскомъ анархизмѣ. Не забудемъ при этомъ, что анархизмъ — партія крайней революціонности, что группамъ ежедневно, ежечасно приходится выполнять рядъ предпріятій крайне опасныхъ, что члены группъ весьма часто совершаютъ самые разнообразные террористическіе акты, что въ нашихъ группахъ постоянно царитъ напряженно-тревожная атмосфера борьбы. И всякаго, кто хоть нѣсколько наблюдалъ и присматривался къ дѣятельности группъ, не можетъ не поразить масса, часто ненужныхъ и безполезныхъ, жертвъ въ нашихъ рядахъ, невѣроятно-сильный ростъ числа нелегальныхъ, притомъ очень серьезно скомпрометированныхъ въ глазахъ полиціи. Висѣлицы, разстрѣлы, безсрочная и долгосрочная каторга, смерть отъ взрывовъ при приготовленіи взрывчатыхъ веществъ, серьезные аресты, гибель многихъ наиболѣе революціонныхъ товарищей при „эксахъ" — вотъ явленія, ставшія чуть ли не обыденными въ жизни нашихъ группъ. Вспомнимъ только смерть Гелешьера, убитаго едва ли не потому, что у него, какъ и у многихъ товарищей, не было нѣсколькихъ грошей на наемъ квартиры; вспомнимъ аресты и смерти въ Одессѣ, злополучные „явки" тамъ; припомнимъ невозможное положеніе нашихъ нелегальныхъ, рискующихъ каждый часъ быть задержанными на улицѣ. Припомнимъ все это и многое другое и предъ нами предстанетъ мрачная картина состоянія нашего движенія сейчасъ, намъ станетъ вполнѣ ясна психологія большинства работающихъ товарищей: Падаютъ жертвы. Гибнутъ товарищи. Гибнутъ много и часто. И послѣ каждой свѣжей могилы остается горькое, обидное чувство безплодности, ненужности жертвы. Точитъ сознаніе, что гибель товарища не была неизбѣжна, что онъ умеръ далеко не развернувъ всѣхъ своихъ силъ, что при другихъ условіяхъ, при иной постановкѣ всей работы, онъ могъ бы еще многое сдѣлать, многое совершить. Новыя жертвы... И вновь тотъ же горькій, тяжелый и гнетущій осадокъ, мрачное сознаніе какой то „роковой" неустроенности и нецѣлесообразности. Появляется мысль, что и оставшихся въ живыхъ ждетъ та же участь — погибнуть ненужно, безполезно, умереть „ни за что". Кажется, что холодный призракъ внезапной, „непредвидѣнной" смерти чутко стережетъ каждый моментъ, намѣчаетъ новыя жертвы. Все это создаетъ атмосферу, порождающую психологію какой то постоянной тревожно-нервной приподнятости.

А въ такихъ условіяхъ спокойно-расчитанно, обдуманно-цѣлесообразно дѣйствовать и выжидать крайне трудно, почти невозможно. Создается атмосфера, благопріятствующая зарожденію всякихъ рискованныхъ, вызванныхъ настроеніемъ минуты, рѣшеній и поступковъ. У наиболѣе революціонныхъ натуръ появляется острое, „болѣзненное" желаніе скорѣе положить конецъ мучительной неизвѣстности. „Если ужъ смерть, то хотя бы скорѣе; пусть исчезнетъ мучительно-трудное состояніе постояннаго выжиданія ея". Зарождается какая то тревожная жажда, нетерпѣливое выжиданіе первой возможности пойти на актъ. Интересно, что нѣкоторыхъ, и врядъ ли только нѣкоторыхъ, товарищей отпугиваетъ отъ крупныхъ, „центральныхъ" актовъ необходимость долгой и сложной организаціи, боязнь какъ бы шальная пуля солдатской винтовки не прервала ихъ раньше такого акта.

Такое психологическое состояніе, представляющее серьезную опасность для дальнѣйшаго здороваго развитія группъ, поддерживается и питается еще многими другими далеко немаловажными неустройствами и недочетами нашего движенія. Перейдемъ къ этимъ недочетамъ. Подробно на нихъ останавливаться намъ не позволяютъ размѣры нашей статьи. Укажемъ лишь на главные изъ нихъ.

Наша агитація, какъ устная такъ и письменная, разрознена, не объединена, во многомъ случайна. Она не захватываетъ широкіе слои массы. Листки по животрепещущимъ, волнующимъ вопросамъ дня или совсѣмъ не появляются или выходятъ съ большимъ опозданіемъ, теряя во многомъ свой интересъ.

Вся постановка нашей пропаганды крайне неудовлетворительна. Число пропагандистовъ очень ограничено. Въ большинствѣ случаевъ они плохо или даже совершенно не подготовлены къ своей дѣятельности. Не выработана программа занятій въ кружкахъ. Не установленъ обмѣнъ мыслей и опыта между пропагандистами. Не обращено до сихъ поръ никакого вниманія на выработку изъ товарищей-рабочихъ самостоятельныхъ пропагандистовъ. А едва ли приходится распространяться о всей важности этого дѣла, особенно для насъ анархистовъ, не могущихъ расчитывать на большой притокъ интеллигентныхъ силъ. Письменная пропаганда врядъ ли обстоитъ лучше. Литература скудна. Она большей частью занимается вопросами отдаленными, не имѣющими непосредственнаго отношенія къ живой борьбѣ. Многіе важные вопросы программы и тактики совершенно не освѣщены въ ней. Понятно, что въ результатѣ этихъ условій уровень теоретическаго развитія группъ крайне невысокъ. Многіе активные члены группъ плохо знакомы съ основами анархическаго міровоззрѣнія, слабо разбираются въ программно-тактическихъ положеніяхъ, не въ состояніи въ дискуссіяхъ съ членами другихъ партій хорошо и умѣло отстаивать свои взгляды. Многіе группировки имѣютъ весьма смутное и часто далеко невѣрное представленіе о намѣчающихся различныхъ теченіяхъ и направленіяхъ въ русскомъ анархизмѣ. Но самое печальное послѣдствіе недостаточнаго теоретическаго уровня, это неумѣніе многихъ активно работающихъ товарищей вѣрно и широко опредѣлить задачи анархистовъ въ тотъ или другой моментъ, намѣтить ясную и правильную линію поведенія, учесть всѣ самыя разнообразныя и весьма измѣнчивыя условія и силы.

Нашъ терроръ сильно измельчалъ. Въ цѣломъ рядѣ совершенныхъ анархистами актовъ, актовъ важныхъ и крупныхъ можно насчитать съ полдесятка — не болѣе. Зато сильно развился терроръ по отношенію къ низшимъ полицейскимъ чинамъ и наиболѣе назойливымъ шпіонамъ. Акты подобнаго рода стали очень частыми, чуть ли не ежедневнымъ явленіемъ въ нашихъ группахъ. Увлеченіе такъ называемымъ „шпикобойствомъ" очень сильно и избіеніе мелкихъ полицейскихъ сошекъ и шпіоновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заслонило, отодвинуло на второй планъ всѣ другія проявленія анархической дѣятельности и борьбы. Молодые, едва только спропагандированные рабочіе заражаются этимъ увлеченіемъ и имъ невольно начинаетъ казаться, что весь анархизмъ исчерпывается „шпикобойствомъ", что въ этомъ суть и соль анархической борьбы. А ничто не можетъ быть пагубнѣе такого представленія. Вѣдь наша задача воспитывать не просто революціонеровъ, а анархистовъ. Къ этому надо прибавить замѣчающееся почти повсюду стремленіе постоянно увеличивать составъ группы новыми членами, не считаясь при этомъ серьезно и сильно съ тѣмъ, достаточно ли подготовлены новые члены къ такой отвѣтственной и трудной роли, какою является активная работа въ анархической группѣ. Отсюда — сравнительно быстрый ростъ численнаго состава самой группы въ ущербъ ея качественному уровню.

Перейдемъ къ технической сторонѣ нашей дѣятельности. Постановка нашихъ нелегальныхъ типографій далеко не удовлетворительна. У насъ пока не оборудовано ни одной крупной типографіи, которая могла бы обслуживать нужды цѣлаго района, не говоря уже о нуждахъ всего анархическаго движенія.

Сильно и часто сказывается невозможно плохое состояніе нашихъ лабораторій для приготовленія взрывчатыхъ веществъ. Теперь является остро назрѣвшею потребностью устройство хотя бы одной крупной и во всѣхъ отношеніяхъ хорошо обставленной лабораторіи.

Упомянемъ еще, что до сихъ поръ ничего не сдѣлано, чтобы поставить нашихъ нелегальныхъ товарищей въ хотя бы нѣсколько лучшія условія. Такъ, всѣ они, даже серьезно скомпрометтированные, живутъ по фальшивкамъ, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ партіяхъ мало-мальски серьезные нелегальные, въ большинствѣ случаевъ, обладаютъ настоящими, „желѣзными" паспортами. Скажемъ еще, что степень нашей конспиративной выдержки оставляетъ желать еще многаго, весьма многаго.

Сказаннаго, мы думаемъ, достаточно, чтобы убѣдиться, что при нынѣшнемъ состояніи нашего движенія, при всѣхъ его огромныхъ недочетахъ и слабыхъ, „больныхъ" мѣстахъ, намъ нечего думать о разрѣшеніи стоящей передъ нами неотложно важной, громадной задачи — созданія широкаго массоваго анархическаго движенія. Сейчасъ эта задача намъ не по силамъ.

Передъ нами во всей суровой неотложности встаетъ необходимость самымъ кореннымъ образомъ переустроить нашу работу, разрѣшить всѣ „наболѣвшіе" вопросы, устранить всѣ недочеты, словомъ начать работу на новыхъ, плодотворныхъ и возможныхъ, началахъ.

Но такая задача не по силамъ одной какой либо группѣ. Только напряженная работа, настойчивыя усилія и энергія всѣхъ анархическихъ силъ Россіи, всѣхъ существующихъ группъ въ состояніи разрѣшить такую задачу. Какъ бы сильна ни была та или иная мѣстная группа ей можетъ удаться „хорошо" повести работу въ своей мѣстности лишь на время. Оградить себя китайскою стѣною отъ всего движенія со всѣми его наболѣвшими вопросами она не въ состояніи. И, рано или поздно, всѣ неустройства и недочеты всего движенія дезорганизующимъ и тормозящимъ образомъ скажутся на ея дѣятельности, парализуя и разстраивая ее.

Намъ необходимо объединить, сорганизовать всѣ наши силы — создать федерацію анархическихъ группъ Россіи. Положить начало такой федераціи можетъ только общегрупповой съѣздъ. Онъ является практически очередной, неотложной задачей. Но не надо обманываться. Если вообще для всякой партіи созывъ съѣзда сложное и трудное дѣло, то въ особенности это надо сказать про съѣздъ анархическій. Онъ во сто кратъ сложнѣе и труднѣе обыкновеннаго партійнаго съѣзда. Чтобы съѣздъ принесъ результаты, былъ плодотворенъ къ нему необходимо тщательно готовиться, надъ созывомъ его надо много и сильно работать. Мы горячіе сторонники общегрупповаго съѣзда. Но мы самымъ рѣзкимъ образомъ возстаемъ противъ поспѣшности въ дѣлѣ назнація его. Не спѣшить съ временемъ созыва съѣзда, а усиленно заняться подготовительной работой къ нему, разработкой докладовъ, подготовленіемъ всѣхъ нужныхъ для работъ его матеріаловъ — вотъ нашъ лозунгъ.

Русскій анархизмъ зародился въ трудную эпоху разгара русской революціи. Застигнутые колоссальнымъ, бурнымъ натискомъ событій, намъ пришлось дѣйствовать и организовываться подъ двойными ударами самодержавной реакціи и враждебныхъ соціалистическихъ партій. Порою казалось, что силы враговъ сметутъ насъ съ лица русской дѣйствительности, что стихійная, могучая революціонная волна захлестнетъ насъ, еще слабыхъ, неокрѣпшихъ. Теперь наступаетъ моментъ кризиса въ нашемъ движеніи. Мы на распутьи. А впереди насъ чутко стережетъ демократія... Велико ея обаяніе, могучи ея силы. Вкрадчиво-тонкій ядъ легализма, обманчивыя иллюзіи тишины и покоя сулитъ она... Сильны ея чары. Трудна борьба съ ней... Но „теперь или никогда"! Удастся намъ теперь выковать изъ нашихъ разрозненныхъ, дезорганизованныхъ рядовъ закаленные, боевые авангарды классовой борьбы и анархизму въ Россіи обезпечено богатое и яркое развитіе. Постигнетъ насъ неудача, не съумѣемъ мы это сдѣлать? — Тогда начнется медленный и незамѣтный, но все же неуклонный, распадъ и разложеніе нашихъ группъ. Пусть же объединятся наши силы для совмѣстной работы и борьбы. Мы можемъ быть силой, да будемъ мы силой.

О „частичныхъ экспропріаціяхъ"

Что ни день газеты приносятъ извѣстія, что въ такое то частное жилище, въ такой то магазинъ ворвались то настоящіе, то мнимые анархисты съ требованіемъ денегъ. И намъ анархистамъ-коммунистамъ необходимо ясно и точно опредѣлить свое отношеніе къ этому средству добыванія денегъ на партійныя цѣли. Мы говоримъ на партійныя цѣли, такъ какъ считаемъ общепризнаннымъ для всѣхъ анархистовъ-коммунистовъ, что добываніе денегъ отдѣльными личностями для личныхъ цѣлей рѣшительно отвергается анархистами-коммунистами. Тотъ, кто называетъ себя анархистомъ [illegible], что добываетъ насиліемъ деньги для себя, тотъ злоупотребляетъ этимъ именемъ, тотъ не имѣетъ ничего общаго съ анархизмомъ. Мы говоримъ дальше объ этихъ экспропріаціяхъ, какъ о средствѣ для партійныхъ цѣлей, такъ какъ считаемъ общепризнаннымъ: всѣ анархисты-коммунисты согласны въ томъ, что такое добываніе денегъ есть только техническое средство добыть деньги для организацій; сами по себѣ эти экспропріаціи ничего общаго со всѣми нашими методами борьбы противъ капитала не имѣютъ. Это ясно. Однако намъ необходимо указать на это, дабы не дать возможности врагамъ анархизма извращать нашу тактику. Они уже извращаютъ ее, поучая рабочихъ, что экспропріація означаетъ переходъ орудій производства изъ рукъ капиталистовъ въ руки рабочихъ; что, молъ, отнятіе денегъ у частнаго лица не есть борьба съ капитализмомъ; они увѣряютъ рабочихъ будто мы анархисты-коммунисты эти положенія отрицаемъ. А это — ложь. Впрочемъ, съ нашей стороны было непростительно назвать это средство добыванія денегъ „экспропріаціей". Экспропріація! Вѣдь это значитъ — моментъ великой побѣды или великой борьбы за побѣду! Вѣдь это линія, отдѣляющая міръ гнили и нищеты отъ міра свободы и равенства! Чересчуръ свято это слово, чтобы начинать его, обозначая имъ средство добыть деньги! Это была непростительная ошибка!..

Привыкли также употреблять слово „частная экспропріація" въ другомъ случаѣ: мы признаемъ и даже призываемъ резервную армію, также бастующихъ рабочихъ нападать и брать сообща предметы первой необходимости, требовать также [illegible] хлѣба и проч. Названіе „частичная экспропріація" здѣсь болѣе умѣстно хотя бы потому, что это дѣйствительное средство борьбы анархистовъ, а не средство для веденія борьбы (какъ добываніе денегъ). Но это названіе неудачно: экспропріація — это отнятіе всѣхъ матеріальныхъ средствъ изъ рукъ буржуазіи и передача ихъ рабочимъ! Тутъ ничего частичнаго быть не можетъ! Конечно, анархисты-коммунисты въ ошибку не впадутъ: различныя понятія они не будутъ смѣшивать потому только, что они обозначаются общимъ словомъ. Но масса можетъ смѣшать. А наши „добрые друзья" возьмутъ на себя обязанность спасать рабочихъ отъ заблужденій... и все извратятъ...

Однако, даже и послѣ всѣхъ оговорокъ намъ необходимо поставить вопросъ: Какъ мы относимся къ добыванію денегъ насиліемъ у частныхъ лицъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ? Конечно, ставить вопросъ насъ побуждаютъ не лицемѣрныя завыванія „благородныхъ" господъ соціалистовъ... Ихъ трепетъ, ихъ уваженіе къ частному капиталу вызываетъ въ насъ только презрительную улыбку... Мы, повторяемъ, не видимъ въ этомъ средствѣ борьбы, но вполнѣ признаемъ право борющихся съ капиталомъ силой брать деньги для дальнѣйшаго веденія борьбы. Если же мы ставимъ эти вопросы, то по совершенно другимъ причинамъ. Намъ необходимо задуматься вотъ надъ чѣмъ. 1) Разъ возникшая группа съ перваго шага начинаетъ съ „экса", то широкія массы волей-неволей, а считаютъ „эксы" чѣмъ то характернымъ для сущности самой анархической борьбы. 2) Тутъ огромное поле для шарлатанства. — Люди спеціально назовутъ себя анархистами, будутъ вымогать деньги для кутежа и разврата. Какъ же массы могутъ провѣрить, гдѣ именно анархисты и гдѣ не анархисты? Нравственный уровень анархизма страшно понижается въ ихъ глазахъ. А надо ли говорить какое это огромное зло? 3) Огромное количество жертвъ, павшихъ во время „эксовъ", вызываетъ на серьезное размышленіе. Вѣдь это стоило многимъ, очень многимъ, свободы, жизни! А буржуазія дѣлается смѣлѣй, „эксы" — труднѣй, вѣроятность жертвъ больше. 4) Особенно „эксы" вредятъ признаваемому нами „безмотивному" террору. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ то или иное собраніе крупныхъ банкировъ или вообще капиталистовъ брошена бомба; масса до сихъ поръ привыкла искать *конкретный, опредѣленный* мотивъ: нежеланіе фабрикантовъ сдаться во время забастовки, расчетъ, жестокое обращеніе. Не видя въ данномъ случаѣ конкретнаго мотива, многіе склонны будутъ думать, что бомба была брошена изъ за неудовлетвореннаго капиталистомъ требованія денегъ. А „*безмотивный*" терроръ между тѣмъ преслѣдуетъ другую цѣль: пусть вниманіе рабочихъ будетъ приковано къ капиталисту, какъ къ преступнику не за то и не тогда, когда онъ не удовлетворилъ то или другое частичное требованіе, а за то, что онъ вообще капиталистъ, за то, что онъ представитель грязнаго и гнуснаго общества. Тутъ именно конкретный мотивъ долженъ исчезнуть, фигуры капиталистовъ, надъ которыми совершенъ грозный судъ прагомъ современнаго общества — анархистовъ-коммунистовъ — должны быть очищены отъ всякой частичной вины передъ рабочими; послѣдніе должны видѣть *общую* вину; а вдругъ массы объяснятъ эти акты требованіемъ денегъ. Это, конечно, огромное зло „эксовъ".

Является практическій вопросъ — можемъ ли мы обойтись безъ этихъ „эксовъ"? Замѣтьте, товарищи, вопросъ практическій! Мы всѣ были бы рады отказаться отъ этого способа добыванія денегъ; но это — невозможно. Движеніе требуетъ денегъ. Сборами съ рабочихъ — если ихъ даже признать — всѣхъ нуждъ не покроешь. Буржуазія намъ денегъ не дастъ и мы у нея *не попросимъ*. Значитъ ли, что должно остаться все зло, приносимое „эксами"? Не думаемъ. Можно его, если не уничтожить, то во всякомъ случаѣ уменьшить. Дѣлать это надо начать съ того, чтобы рѣзко и категорически отказаться отъ мелкихъ „эксовъ". Именно, эти маленькіе „эксы" вызываютъ подражаніе; и ничего общаго съ нами не имѣющіе люди зовутъ себя анархистами; они прикрываются нашимъ именемъ. „Долой всякіе мелкіе эксы", этотъ кличъ долженъ обязательно быть усвоенъ всѣми товарищами. Далѣе. Чтобы рѣзче отдѣлиться отъ якобы анархистовъ, мы должны послѣ каждаго нашего „экса" выпустить заявленіе, что „эксъ" сдѣланъ нашей группой. Мы должны *предварительно* объяснить, что „эксъ", о которомъ не будетъ заявлено въ нашихъ листкахъ, совершенъ не нами — не анархистами. Еще. Разъ навсегда необходимо рѣшить: всякое добываніе денегъ путемъ переговоровъ, путемъ предварительно присланныхъ писемъ требованій *отвергается!* Товарищи! Это одна изъ самыхъ отвратительныхъ формъ. Не говоря уже о томъ, что тутъ вмѣсто рѣшительности и смѣлости захвата выдвигаются переговоры, не говоря объ этомъ, нельзя упустить изъ виду другую, еще болѣе пагубную сторону: отъ капиталиста требуютъ подъ угрозой деньги. Онъ начинаетъ торговаться. Одно изъ двухъ: или мы должны сейчасъ привести угрозу въ исполненіе; а это значитъ бросить бомбу и погибать за деньги. Или же итти на уступки; открыть торгъ; это — позорно... Завидя торгъ, купецъ еще больше понижаетъ „цѣну". Опять необходимость въ бомбахъ, жертвахъ, да еще позоръ торговли вдобавокъ. Долой эту форму вымогательства! — вотъ второй лозунгъ. Понятно, разъ мы отъ мелкихъ „эксовъ" отказываемся, то этимъ самымъ намъ остаются казенныя учрежденія, банкирскія конторы и проч. Теперь направляются вопросъ — какъ намъ организовать „эксы"? Но и тутъ жизнь ясно отвѣтила на всѣ болячки и этимъ намѣтила способъ лѣченія. Бѣда въ томъ, что каждая группа совершаетъ „эксъ" не тогда, когда нѣтъ еще острой нужды и когда можно подготовить большой „эксъ". Нѣтъ, идутъ, когда уже крайняя, острая необходимость. Тогда, волей-неволей, идешь куда попало: нужда не тетка. Причемъ, или люди погибаютъ, или деньги какъ то легко даются. Въ послѣднемъ случаѣ развивается оптимизмъ: молъ, добыть деньги не трудно. А это порождаетъ легкость отношенія къ деньгамъ; отдѣльнымъ же слабымъ людямъ грозитъ совсѣмъ опасность оказаться во власти денегъ. Что же дѣлать? Вотъ что: дѣлать „эксы" не тогда, когда уже острая необходимость — нѣтъ, заранѣе, обдуманно, организованно. Но крупный, обдуманный, организованный „эксъ" можетъ дѣлать только федерація всѣхъ группъ; тутъ нужна общая взаимопомощь. Эта же федерація группъ излѣчитъ насъ отъ иной болячки. — Какъ только возникаетъ новая группа, она совершаетъ „эксъ" — нужна же ей техника, оружіе... Если бы „эксъ" былъ совершенъ тогда, у группы прочныя связи съ массой; когда масса хоть знаетъ наши принципы, наши цѣли — бѣда не такъ велика. Но этого масса не знаетъ; естественно, что она считаетъ „эксъ" чѣмъ то характернымъ для принциповъ анархизма. Этой бѣды можно было бы избѣгнуть, если бы уже сравнительно болѣе прочныя и старыя группы оказали бы на первыхъ порахъ матеріальную помощь вновь возникающимъ группамъ. А это можетъ дѣлать только федерація группъ, добывающая деньги не для отдѣльныхъ группъ, не по мелочамъ и ведущая строгую отчетность.

Мы въ общихъ чертахъ старались показать все зло, вытекающее изъ признаваемаго нами способа добыванія денегъ на нужды борьбы и намѣтили бѣгло тѣ мѣры, которыя, если не совершенно уничтожатъ зло, то сдѣлаютъ его для насъ наименѣе чувствительнымъ и опаснымъ. Мѣры эти мы можемъ формулировать такъ:. 1) Необходимость созданія прочной связи между группами, — федеративное объединеніе ихъ. Только федерація группъ въ состояніи взять на себя организацію крупныхъ „эксовъ" для нуждъ всего анархическаго движенія; только, когда въ рукахъ этой федераціи сосредоточатся главныя денежныя средства, добываемыя на „эксахъ", можно надѣяться на вполнѣ цѣлесообразное и экономное израсходованіе этихъ средствъ. 2) Отказъ по возможности отъ мелкихъ „эксовъ". 3) Рѣшительное и рѣзкое отрицаніе всякаго рода вымогательствъ, сопряженныхъ съ переговорами и торгашествомъ. 4) Публичное заявленіе о всякомъ „эксѣ" и отчетность среди группъ.

Быть можетъ мы не вполнѣ полно обсудили этотъ вопросъ; тогда товарищи поспѣшатъ высказаться на страницахъ органа. Намъ нечего бояться нашихъ ошибокъ и недочетовъ, ибо вѣра въ правоту нашего дѣла и величіе нашей задачи даетъ намъ силу и настойчивость прямо итти къ нашей цѣли и не бояться правды. Но мы не должны, мы не имѣемъ права закрывать глаза. „Эксы" нашъ очередной, больной вопросъ. И, если сейчасъ же мы не задумаемся серьезно надъ нимъ, не примемъ сейчасъ же самыя рѣшительныя мѣры къ предотвращенію нѣкоторыхъ пагубныхъ сторонъ „эксовъ", если мы этого не сдѣлаемъ, намъ угрожаютъ многія глубоко-печальныя послѣдствія. Скажемъ даже больше, — эта маленькая, незначительная часть нашей дѣятельности, можетъ тогда совершенно дезорганизовать нашу работу и внести немалую толику деморализаціи въ нашу среду. Пусть помнятъ объ этомъ товарищи. Мы знаемъ, г.г. соціалисты могутъ использовать наше признаніе. Но не страшна ихъ критика; несравненно большая опасность — не спохватиться во время, умолчать о всѣхъ темныхъ, слабыхъ и больныхъ мѣстахъ „эксовъ". Всѣ группы заняты этимъ вопросомъ и это только подтверждаетъ нашу увѣренность, что корни, пущенные нами, глубоко пошли въ рабочую среду, что есть здоровые и мужественные элементы въ нашихъ рядахъ, что намъ нечего бояться самокритики.

Намъ хотѣлось бы еще только указать, что въ настоящее революціонное время, какъ бывало всегда въ періоды революцій, количество правонарушителей увеличивается и все равно были бы мы или нѣтъ, все равно экспропріаторскіе набѣги наполняли бы страницы газетъ. Не мы ихъ создали. Создалъ ихъ кризисъ, безработица, — общая революціонная волна выбросила ихъ такъ много на берегъ! Да что говорить о профессіональныхъ экспропріаторахъ, когда даже солидныя соціалистическія партіи отступились отъ своихъ строгихъ принциповъ и сегодня „по случаю революціи" тоже не прочь исподтишка захватить кушъ. Разница, только въ томъ, что не всегда хватаетъ у нихъ смѣлости открыто заявить объ этомъ.

Товарищи! Мы выдѣлили вопросъ объ „эксахъ", какъ одинъ изъ больныхъ вопросовъ нашихъ, но мы очень хорошо понимаемъ, что онъ не единственное зло нашего движенія. Вопросъ объ организаціи — жгучій вопросъ, который стоитъ на очереди, съ которымъ тѣсно связанъ вопросъ объ „эксахъ". И если мы говоримъ объ общегрупповыхъ „эксахъ", то это потому, что недостатокъ нашей организованности даетъ и здѣсь себя сильно чувствовать. Мы заговорили объ этомъ надѣясь вызвать въ группахъ обмѣнъ мыслей, вѣря, что горячее желаніе продуктивной и планомѣрной работы даетъ сильный толчекъ нашей энергіи и инниціативѣ и, что, поставивъ этотъ вопросъ, товарищи сумѣютъ дать на него отвѣтъ, разрѣшить его. Пусть начнется горячій обмѣнъ мыслей, пусть начнется разумная, честная критика и мы выйдемъ побѣдителями изъ этого кризиса.

Побольше инниціативы и смѣлости мысли!
Побольше правды и самодѣятельности!

КЪ КАЗНИ ТАРЛЕ *).

Его везли. Сомкнутыми рядами
Солдаты шли за нимъ и впереди;
А онъ лежалъ, влачимый палачами,
Безсильно голову поникъ на груди.

И взоры всѣхъ прикованы къ нему;
Съ тюрьмы друзья глазами провожали
Послѣднюю кровавую стопу
И свой привѣтъ прощальный посылали.

Вотъ столбъ стоитъ и яма роковая,
И связанъ онъ на плахѣ недвижимъ.
Ряды штыковъ, въ лучахъ зари играя,
Руками рабскими поднялись передъ нимъ.

Еще лишь мигъ... Безмолвіе кругомъ...
Ужасный мигъ нѣмого ожиданія;
Какая мысль мелькнула въ немъ?
Какое страстное желаніе?

Быть можетъ онъ былое вспоминалъ?
Скорбѣлъ о скорби матери любимой?
Иль гордый, какъ всегда, онъ мести лишь искалъ
И къ ней друзей по дѣлу призывалъ?

Но слышенъ свистъ и залпъ раздался.
За нимъ другой и третій... Стихло все!
И пулями къ столбу прикованный остался
Лишь только трупъ, кровавый трупъ его.

Въ могилу мрачную рукою загрубѣлой
Палачъ толкнулъ истерзанное тѣло.
И блѣдные, взволнованные мы
Въ безсильной ярости за казнью наблюдали.

И стономъ вырвалось изъ мрачныхъ стѣнъ тюрьмы:
Убійцы! Палачи! Зачѣмъ его терзали?

И снова тишина. Пустынный дворъ широкій,
А столбъ стоитъ — кровавый, одинокій.

Константинъ Черный.

7-ое сентября 1906 г. одесская тюрьма.

РѢЧЬ НА СУДѢ *П. НЕПОМНЯЩАГО.*

На всѣ вопросы о моей виновности я отвѣчаю: нѣтъ не виновенъ. И вотъ почему: Анархисты-коммунисты ставятъ себѣ цѣлью уничтожить частную собственность и государство, дабы на развалинахъ эксплуатаціи и гнета создать свободныя коммуны безъ властей и хозяевъ. Уничтожить старое и создать новое можно лишь однимъ путемъ: вооруженнымъ захватомъ орудій производства, заводовъ, фабрикъ, земель и всѣхъ богатствъ міра. Во имя этого ведется агитація и пропаганда; съ этой же цѣлью совершаются повседневные террористическіе акты противъ буржуазіи и властей, этой же цѣли служатъ и вооруженныя стачки и бунты голодныхъ, которые должны перейти въ соціальную революцію. Для пріобрѣтенія оружія, типографій, литературы и для другихъ организаціонныхъ нуждъ мы прибѣгаемъ къ частичной экспропріаціи денегъ у буржуазіи.

Какъ видите я былъ вполнѣ послѣдователенъ, требуя денегъ у капиталиста Бонме для цѣлой группы. Итакъ, я, Павелъ Непомнящій, анархистъ-коммунистъ. Я пришелъ сюда не защищаться, а обвинять. Не я преступникъ, а вы!

---

*) Стихотвореніе написано товарищемъ очевидцемъ казни.

Меня, какъ рабочаго, всю жизнь эксплуатировали буржуа и мучили ихъ защитники. Сама жизнь заставила меня бороться за освобожденіе рабочаго класса. Все, что существуетъ въ мірѣ сёмъ, принадлежитъ буржуазіи, а потому ее защищаетъ правительство, войско, прокуроры, судьи, попы и палачи.

Господа судьи! Вамъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, ибо вы узаконяете грабежъ богачей. (Въ это время двое конвойныхъ хватаютъ Непомнящаго и стараются его вывести. Непомнящій сопротивляется и продолжаетъ). Буржуазныя газеты раздули случайное убійство двухъ дѣтей. А вы-то, вы? Сколько убито дѣтей, юношей, взрослыхъ и стариковъ во время японской войны для цѣлей богачей?! А сколько дѣтей было разорвано на части, сколько молодыхъ и старыхъ было убито, сколько дѣвушекъ изнасиловано тѣми хулиганами, которыхъ вы сагитировали, сорганизовали и вооружили въ полицейскихъ застѣнкахъ? (на помощь конвойнымъ подбѣгаетъ дежурный офицеръ, который требуетъ молчать; товарищъ, повышая голосъ, говоритъ) А сколько дѣтей, молодыхъ и старыхъ людей погибаетъ отъ голода и холода, нищеты, болѣзни и безработицы, на фабрикахъ, на заводахъ, на улицахъ и подъ заборами и въ жалкихъ трущобахъ, каждый часъ, каждую минуту, каждую секунду, пока существуетъ буржуазный міръ?!

Знайте же, что за мной идутъ много и Павловъ и Непомнящихъ; они придутъ и сотрутъ съ лица земли и буржуазное общество, и васъ — его защитниковъ!
Сторонитесь, истинный судъ обездоленныхъ надъ вами близокъ!

* * *

Почитаемъ прокламацію Рославльской группы Бунда и отвѣтъ на нее нашихъ Рославльскихъ товарищей.

ГРАЖДАНЕ! Здѣсь распространяется проклам. группы а.-к.

Мы, революціонные соціалъ-демократы заявляемъ:
мы не участвовали и не будемъ участвовать ни въ какихъ конфискаціяхъ и экспропріаціяхъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и казенныхъ учрежденій, согласно принятымъ с.-д. резолюціямъ.

Никакихъ отношеній и связей съ господами „анархистами" мы не имѣемъ и имѣть *ни въ коемъ случаѣ не будемъ*. Мы считаемъ этихъ анархистовъ такими же врагами свободы, какъ и палачей самодержавнаго правительства.

Мы, враги анархіи и общественнаго распада, будемъ всѣми силами бороться противъ ихъ дѣятельности, которая принижаетъ революціонную борьбу и играетъ лишь въ руку реакціи.

Мы приглашаемъ мѣстныя революціонныя организаціи категорически заявить о своемъ отношеніи къ подвигамъ такъ называемыхъ анархистовъ-коммунистовъ, чтобы дѣятельность ихъ не бросила тѣнь на революціонныя организаціи.

Рославль 9-го сент. Рославльская Група Бунда.

ГРУППА АНРХИСТОВЪ—КОММУНИСТОВЪ.

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.

О МѢСТНЫХЪ БУРЖУАЗНО — РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ОРГАНИЗАЦІЯХЪ.

БРАТЬЯ-ТРУДЯЩІЕСЯ! Рославльская еврейская с.-д. група „Бундъ" клевещетъ! Не новое, но испытанное средство. Тамъ, гдѣ нѣтъ доказательствъ, бросаютъ грязью, заимствуютъ слова у подонковъ народа, клевещутъ, клевещутъ и лгутъ безъ конца. Вся прокламація представляетъ собой страничку злобы и порока. Да, злобы — наглой, маленькой, гнилой... порока — грошеваго, хиленькаго, способнаго затуманить то самое сознаніе, о которомъ они такъ заботятся.

Бундовцы увѣрены, что читатели ихъ прокламацій не читали нашего воззванія, и потому — подтасовываютъ. Гдѣ въ нашей прокламаціи мы призываемъ „рабочихъ и крестьянъ объединиться съ босяками"... „для дружныхъ грабежей и насилія"? Жалкіе трусишки! Гдѣ? Отвѣчайте! Пусть бы хотя защитники буржуазіи — „Бундъ" — сказали нѣсколько словъ о несостоятельности теоріи анархистовъ-коммунистовъ, о томъ, что она утопична и т. д. Нѣтъ, „Бундъ" отлично знаетъ, что стоитъ ему только заговорить объ анархизмѣ, какъ онъ долженъ будетъ или защищать буржуазію и оправдывать свое существованіе, или защищать трудовой народъ и отказаться отъ себя, какъ представителя рабочей партіи, а кто же захочетъ самого себя высѣчь? — „Бундъ" защищаетъ буржуазію и оправдываетъ свое существованіе, что доказалъ своей прокламаціей къ „Гражданамъ" (которая между прочимъ была двумя днями раньше отпечатана воззванія къ „Товарищамъ"). Такъ чистоплотные господа бундовцы категорически заявляютъ, что они всячески будутъ „бороться противъ дѣятельности" анархистовъ-коммунистовъ, которые борются всѣми силами противъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, которые не признаютъ принципа частной собственности и которые призываютъ къ трудовой коммунѣ, которые борются противъ всякаго государства, стремящагося всегда затормозить рабочее революціонное движеніе. „Бундъ" призываетъ всѣ мѣстныя буржуазныя организаціи сплотиться противъ анархистовъ-коммунистовъ, ихъ общаго врага, врага буржуазіи. „Бундъ" старается запугать пролетаріатъ грозными словами черносотенскихъ прокламацій, призываетъ подъ красное знамя, которое развивалось у Зимняго дворца 9 янв. во главѣ со шпіономъ-провокаторомъ Гапономъ, призываетъ подъ красное знамя, которое „грозно высилось на славныхъ баррикадахъ декабрьскаго возстанія" съ котораго славно удирали комитетчики и интеллигенція, оставивъ на произволъ судьбы измученныхъ и изголодавшихся рабочихъ, которымъ было приказано не трогать хлѣба буржуевъ, ибо эти жалкія „революціонныя организаціи" никогда не участвовали и *не будутъ участвовать ни въ какихъ конфискаціяхъ и экспропріаціяхъ*," ибо они всегда признавали и будутъ признавать принципъ частной собственности. Да, мы призываемъ организованныхъ, сознательныхъ босяковъ подъ наше Черное Знамя, сулящее смерть буржуазіи, ибо эти организованные босяки являются врагами буржуазіи и всякаго государства. Босяки до тѣхъ поръ, пока они не находятся подъ знаменемъ революціонной организаціи, совершаютъ массовыя избіенія беззащитной еврейской нищеты, и во избѣжаніе этого мы развиваемъ среди босяковъ наши анархическо-коммунистическія идеи, превращающія ихъ въ истинныхъ борцовъ братства, равенства и свободы. Да, мы „герои маски"! — Мы никогда не позволимъ себѣ стать на тотъ путь, на который стали и стремятся стать наши такъ называемыя революціонныя организаціи — на путь легальной борьбы. Въ нашей памяти еще свѣжи массовые аресты и избіенія въ октябрьскіе дни, когда партіи такъ страстно вступали на путь легальной борьбы. До тѣхъ поръ, пока народъ не добудетъ для себя хлѣба и воли — мы нелегальны, мы работаемъ подъ маской, мы работаемъ подпольно. Да мы „герои отмычки!" Мы откроемъ и разоблачимъ ваши буржуазныя теоріи. Мы откроемъ глаза трудящемуся народу, чтобы онъ воочію убѣдился въ вашей буржуазности. Мы отомкнемъ, мы откроемъ организованнымъ рабочимъ и крестьянамъ, организованнымъ босякамъ и безработнымъ путь къ великой борьбѣ за его насущнѣйшія потребности, къ борьбѣ за Хлѣбъ и Волю.

А Рославльская группа С.-Д. Р. П. взяла совсѣмъ въ какой то дѣтскій наивный тонъ. Отъ возгласа „Не слушайтесь анархистовъ"! вѣетъ какой то канцелярски-бюрократической плѣсенью и гнилью. Скудность мысли и явныя позаимствованія изъ прокламаціи „Бунда" до того ясны, что намъ, право, не на что спеціально имъ отвѣчать. Предположеніе же ихъ о всеобщихъ побоищахъ и дракахъ во время абсолютнаго отсутствія государства такъ недоказаны, что мы принуждены посовѣтовать имъ сначала разобраться самимъ въ этомъ вопросѣ, а потомъ уже писать воззванія къ товарищамъ рабочимъ. Здѣсь мы только имъ напомнимъ о коммунахъ, въ которыя войдутъ люди на началахъ свободнаго договора и въ которыхъ они будутъ рѣшать свои экономическія и политическія дѣла. Между прочимъ, замѣтьте товарищи, что С.-Д. находитъ возможнымъ одновременное существованіе соціализма и заработной платы.*) Такъ что человѣку, не приспособленному къ работѣ или больному, придется и при соціализмѣ голодать, ибо онъ долженъ будетъ получать продукты не по потребностямъ, а по способностямъ; т. е. каждый рабочій будетъ получать столько продуктовъ, сколько способенъ выработать, а не столько, сколько ему нужно (какъ того хотятъ анархисты-коммунисты), а если не хватаетъ — помирай съ голоду. Счастливый С.-Д. соціализмъ! При немъ имѣютъ право умирать свободно съ голоду, при немъ будутъ существовать бѣдные и богатые. Довольно вы морочили головы трудящимся, говоря что буржуевъ нужно беречь и охранять, что революція будетъ буржуазная, а потому не нужно уже слишкомъ раздражать буржуазію! Довольно! — Часъ расплаты насталъ. И ваше нахальное торжество разъ навсегда нарушено. Вы, подонки буржуазіи, омрачающіе свѣтлыя головы трудящагося народа, суля ему какой то соціализмъ черезъ сотни лѣтъ, а пока призывающіе его къ борьбѣ за свои буржуазныя требованія, прочь съ дороги борьбы! — Идутъ анархисты-коммунисты, истинные выразители народныхъ, а не буржуазныхъ требованій. Да, мы тоже рады отмежеваться отъ васъ, буржуазно-революціонныя организаціи, но сдѣлаемъ это чистоплотнѣе, не заимствуя выраженій у Мос. Вѣд. и Нов. Вр. Впередъ товарищи, на бой съ частной собственностью — во имя коммунизма, съ государствомъ — во имя свободнаго федерализма. Рославль 23-го сент. 1906 года.

---

*) См. прокл. Рос. груп. С.-Д. Р. П. «Не слушайтесь анархистовъ»

ИЗЪ ЖИЗНИ ГРУППЪ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Лишь въ началѣ мая наша работа возобновилась. Нельзя сказать, чтобы она совсѣмъ заглохла за предшествующій періодъ времени — съ ноября до мая, — но то была не широкая массовая работа; это не было даже хорошей работой вглубь; нѣтъ, вся работа сводилась къ пропагандѣ среди отдѣльныхъ лицъ и привлеченія ихъ къ группѣ. Въ самой же группѣ въ это время, какъ во всѣхъ другихъ группахъ, происходило замѣшательство. Дѣло вотъ въ чемъ: тотъ острый кризисъ нашего движенія, который мы переживали зимою, и который, къ великому сожалѣнію, еще даетъ себя и теперь сильно чувствовать, не могъ не отразиться и на нашей мѣстной работѣ. Это было время разнообразныхъ попытокъ. Попытки эти, сами по себѣ вполнѣ понятныя и важныя, нѣсколько дезорганизовали работу на мѣстахъ. Къ этимъ попыткамъ относится образованіе группы „коммунаровъ" (попытка была разстроена почти въ самомъ началѣ арестомъ большинства членовъ группы), сформированіе группы „безмотивнаго" террора (Бристольскій и Либмановскій акты), а нѣсколько позже съѣздъ террористовъ „безмотивниковъ", повлекшій за собою образованіе новой группы „безмотивнаго" террора. Замыслы этой послѣдней группы не удались; группа распалась; но, хотя на время, она все же оторвала многіе лучшіе элементы различныхъ группъ отъ мѣстной работы; — въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ членовъ екатеринославской группы. На нѣкоторое время многія группы были выбиты изъ колеи.

Между тѣмъ прошла неудачно закончившаяся декабрьская всеобщая стачка.

Борьба затихла... Рабочіе менѣе часто появлялись на улицахъ... Забастовки сдѣлались рѣже... Начались выборы... Рабочіе и крестьяне приняли выжидательное положеніе... Нашихъ товарищей опять охватило желаніе пропагандистской и агитаціонной работы на мѣстахъ. И работа Екатеринославской группы, какъ и нѣкоторыхъ другихъ группъ, нѣсколько оживилась. Понятно, что кризисъ еще давалъ себя чувствовать, но симпатія широкихъ слоевъ массы ободряла товарищей; съ новымъ усердіемъ принялись они за работу. Пріѣхали новыя силы и дѣла налаживались. Скоро были возстановлены связи съ рабочими на амурскихъ фабрикахъ; — это было не особенно трудно, ибо успѣшная работа, послѣдовавшая за германовскимъ актомъ, оставила за собой хорошіе слѣды. Начались массовки на Амурѣ и въ городѣ. Въ теченіи мая на Амурѣ были устроены всего двѣ большія массовки, на одной изъ которыхъ присутствовало около 200 рабочихъ. Говорили всю ночь съ небольшими перерывами. Было объяснено какъ мы понимаемъ настоящій моментъ, говорили о нѣкоторыхъ пунктахъ нашей программы и тактики.

Въ городѣ происходили небольшія вначалѣ (человѣкъ 15—20), но разросшіеся затѣмъ (человѣкъ 50—60) массовки. На этихъ массовкахъ излагались наши взгляды на отдѣльные пункты анархической программы и тактики; такъ говорили: о классовой борьбѣ; о коллективизмѣ и коммунизмѣ; о соціальной революціи; о террорѣ и его различныхъ формахъ. Изъ среды посѣщавшихъ массовки былъ выдѣленъ кружокъ булочниковъ (человѣкъ 12—15), съ которыми начались регулярныя занятія. За это время былъ устроенъ одинъ митингъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Тамъ нашъ товарищъ говорилъ о томъ, что случилось за эти два года. Онъ указывалъ факты въ пользу соціальной революціи, призывалъ рабочихъ къ классовой насильственной борьбѣ.

Литература была привезена въ количествѣ 1 пуда и распространена. Тамъ были №№ „Хлѣбъ и Воля"; брошюры: „Памяти Чикагскихъ мучениковъ"; „О революціи и революціонномъ правительствѣ"; „Всеобщая стачка и соціальная революція"; „Безначаліе"; были также распространены легально изданныя книги Кропоткина и другихъ. За май мѣсяцъ были выпущены слѣдующіе листки: Первое мая (9т. экз.) и некрологъ объ Аронѣ Елинѣ (6т. экз.). Часть листковъ была отправлена въ ближайшія мѣста. Была устроена дискуссія съ максималистами. Для самой группы прочитано товарищемъ два реферата: о бернштейніанствѣ и объ анархизмѣ. Вотъ къ чему сводилась работа въ массѣ — работа часто пропагандистская и агитаціонная.

Внутри самихъ же группъ (работа была распредѣлена по районамъ: на амурскій и на городской) происходила сложная работа, вызванная вопросомъ объ установленіи правильныхъ связей между этими двумя группами. Начались обсужденія и дебаты. Былъ выдвинутъ общій вопросъ о томъ, какія формы организаціи вообще могутъ имѣть наши группы, въ какія сношенія онѣ могутъ и должны вступать съ другими анархическими группами. Городская группа, послѣ нѣкотораго обсужденія, рѣшила, что единственной формой организаціи, какая можетъ быть пріемлема нами, является федеративная форма. Въ отдѣльныхъ городахъ, если существуютъ условія работы, влекущія за собой раздѣленіе по районамъ, группы должны быть связаны между собой федеративно: въ своихъ дѣлахъ каждая группа автономна; въ дѣлахъ общихъ выносятся общія рѣшенія. Амурская же группа по этому вопросу не пришла къ опредѣленному результату, и потому группы работали на старыхъ началахъ, пользуясь услугами другъ друга. Къ опредѣленному рѣшенію такъ и не пришли тогда; произошли событія помѣшавшія этому. А событія были таковы:

На Амурѣ товарищами было подготовлено два акта, къ несчастью оба окончившіеся неудачей.

Возлѣ казацкихъ казармъ были поставлены двѣ адскія машины, которыя должны были разорваться черезъ нѣсколько минутъ одна послѣ другой. Было расчитано такъ, что послѣ перваго взрыва казаки выбѣгутъ изъ казармы и тогда они будутъ взорваны вторымъ еще болѣе страшнымъ взрывомъ. Расчетъ оказался невѣрнымъ; казаки, вмѣсто того, чтобы выбѣжать, попрятались въ казармахъ. Результатомъ взрыва была лишь огромная вырытая яма да смерть часового, охранявшаго казармы.

Приблизительно въ тоже время былъ подготовленъ другой актъ.

Узнали, что въ опредѣленный день и часъ долженъ проѣхать министерскій поѣздъ со всѣмъ штатомъ управленія дорогъ, во главѣ съ министромъ путей сообщенія. Сорганизовавшись, товарищи пришли въ опредѣленный, заранѣе назначенный часъ. Оказалось, что министерскій поѣздъ уже проѣхалъ, но что теперь долженъ слѣдовать курьерскій поѣздъ I и II класса. Товарищи рѣшили возвратиться обратно; лишь одинъ Гольдманъ, недавно покончившій съ собой при арестѣ, настаивалъ на томъ, что не нужно возвращаться обратно ничего не сдѣлавъ. — „Развѣ мстить этой наглой буржуазіи, сидящей на шеѣ рабочаго — не дѣло анархиста"; при этихъ словахъ его тов. бросилъ бомбу въ вагонъ I класса. Результаты оказались хорошими для врага: только окно было разбито; а для насъ — печальными: Гольдманъ былъ раненъ въ ногу, лежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ больницѣ, — одно время подъ охраной полиціи, — но былъ освобожденъ смѣлымъ набѣгомъ нашихъ товарищей. Его привели на квартиру, куда по доносу нагрянула полиція. Не желая сдаться живымъ, онъ даетъ нѣсколько револьверныхъ залповъ, ранитъ и убиваетъ казаковъ и послѣднюю пулю пускаетъ себѣ въ лобъ; такъ умираетъ онъ на своемъ славномъ анархическомъ посту.

Такъ кончились два неудавшихся акта.

Въ связи съ этими актами начались репрессіи на Амурѣ: частые обыски и усиленный сыскъ; нѣкоторымъ нашимъ товарищамъ пришлось уѣхать. Въ тоже время въ городѣ былъ устроенъ нашъ рефератъ, на которомъ присутствовала почти вся городская группа. Нагрянула полиція и всѣ были арестованы, лишь нѣсколькимъ удалось бѣжать. Работа опять остановилась. Но не надолго. Скоро пріѣзжіе товарищи замѣщаютъ недостающихъ. Пропаганда и агитація опять возобновляется; причемъ районъ работы преимущественно Амуръ, Нижнеднѣпровскъ и отчасти городъ; въ городѣ ведется лишь единичная агитація на биржахъ и изъ сагитированныхъ рабочихъ составляются кружки. На Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ проводятся митинги. Изъ сочувствующей массы составляются кружки, въ которыхъ ведутся правильныя занятія. На Амурѣ такихъ кружковъ набралось довольно большое число; гораздо меньше въ Нижнеднѣпровскѣ. Распространяется имѣющаяся въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ литература. Нѣкоторыми членами группы организуются и проводятся успѣшно два акта. — Убиваютъ извѣстнаго сыщика — околоточнаго надзирателя Лаламу и ранятъ начальника тяги Ѳедорова. Оба акта освѣщаются небольшими листками — извѣщеніями, въ которыхъ указываются причины покушеній: на перваго, какъ на активнаго представителя власти, хотя и „низшей"; на второго, какъ на такого же представителя имущихъ классовъ; листки призывали къ истинно-классовой борьбѣ, къ „бунтарской" разрушительной борьбѣ за Анархическій коммунизмъ. Оба эти акта произвели хорошее впечатлѣніе на рабочихъ. Такова въ нѣсколькихъ словахъ работа за іюнь мѣсяцъ.

Въ самой же группѣ теперь, когда оживленіе встряхнуло группониковъ, самой жизнью нашего движенія, самимъ ходомъ мѣстной работы былъ еще разъ выдвинутъ вопросъ о связяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ группъ. Вопросъ требовалъ яснаго и прямого отвѣта. Но и на этотъ разъ отвѣтъ былъ неясенъ, неопредѣлененъ и расплывчатъ; вѣрнѣе никакого отвѣта не было. Между тѣмъ работа въ городскомъ районѣ почти прекратилась и городская группа почти цѣликомъ слилась съ амурской; замѣчались нѣкоторыя тренія, но работа поглощала все вниманіе и имъ не придавали серьезнаго значенія.

Районъ пропаганды и агитаціи расширяется. Тѣ отдѣльные рабочіе Чечелевскаго предмѣстья, которые уже стали а.-к., или близко къ намъ стояли, при содѣйствіи части городской группы, начинаютъ работать на Чечелевкѣ — мѣстности богатой фабриками и заводами. Вначалѣ организуются митинги на заводахъ Эзау, Брянскомъ и т. д. Рѣдкіе на первыхъ порахъ, они становятся все чаще и чаще. Изъ среды сочувствующихъ рабочихъ организуются кружки, число которыхъ въ скоромъ времени достигаетъ большихъ размѣровъ. Начинаютъ вестись правильныя занятія. Параллельно идутъ митинги, устраиваемые уже не на фабрикахъ и заводахъ, а на открытомъ полѣ. Когда митинговъ не бываетъ, организуются большія массовки, человѣкъ въ 200 и болѣе. Работа идетъ во всю; получившаяся вновь литература (3 пудовъ) быстро расходится, часть отсылается въ ближайшіе города. Сильный недостатокъ чувствуется въ популярныхъ листкахъ, въ которыхъ излагались бы наши принципы. Такіе листки во многомъ облегчили бы массовую работу и очищали бы отъ той грязи, которую на насъ сыпали со всѣхъ сторонъ. Но дорого стоющая и все таки плохо обставленная нелегальная техника съ одной стороны, отсутствіе на мѣстѣ людей могущихъ писать такіе листки съ другой — вотъ тѣ причины, которыя мѣшали заполнить этотъ огромный пробѣлъ, тѣмъ болѣе огромный, что въ тѣ мѣсяцы шла широкая массовая работа. Работа несмотря на это все таки шла хорошо, особенно на Чечелевкѣ и на Амурѣ; въ Нижнеднѣпровскѣ — лишь отчасти, а городъ совсѣмъ почти былъ оставленъ. Начавшаяся было успѣшная дѣятельность максималистовъ на Чечелевкѣ была скоро подорвана тамъ нашей работой.

Работа шла, но и жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ. Революція на время затихшая все таки была революціоннымъ періодомъ экономическаго кризиса въ странѣ. Массы рабочихъ безработица выталкивала на улицу. Голодъ и нищета кругомъ. Въ результатѣ частыя экспропріаціи денегъ. И въ виду того, что мы признаемъ экспропріаціи, группой было выпущено заявленіе, что подавляющее число „эксовъ" въ Екатеринославѣ совершено не нами. Группой былъ тогда сдѣланъ всего одинъ „эксъ" на Амурской станціи въ 1171 р., причемъ деньги были израсходованы на оружіе, литературу, транспортъ и т. д.

Въ воздухѣ пахло восстаніемъ. Каждый день ожидали объявленія политической забастовки. Приближался серьезный моментъ. Необходимо было обсудить положеніе вещей. Съ этой цѣлью было созвано групповое собраніе. Долго, почти цѣлый день, говорили. Обсуждали подробности захвата отдѣльныхъ частей города, нападенія на тюрьмы, арсеналы, магазины съѣстныхъ припасовъ. Говорили о временной Коммунѣ. Пришли къ заключенію, что по многимъ причинамъ возможны лишь отдѣльныя попытки въ нашемъ духѣ: открытіе тюремъ, захватъ съѣстныхъ припасовъ и т. д. Рѣшено было собрать всѣхъ кружковыхъ рабочихъ и съ ними поговорить.

Въ назначенный день собралось человѣкъ 150 рабочихъ. Говорили почти о томъ же самомъ что и на групповкѣ; рѣшили сдѣлать все возможное. Уже разошлись почти всѣ; осталось человѣкъ 15 — 20. Вдругъ наскочили драгуны (какъ оказалось по провокаціи субъекта, которому теперь уже отомщено). Револьверный выстрѣлъ офицера и затѣмъ залпъ. Наши отвѣтили залпомъ изъ браунинговъ. Началась перестрѣлка. Въ результатѣ — 2 раненыхъ съ нашей стороны, (оба теперь выздоровѣли), а со стороны драгуновъ — 3 убитыхъ и 6 раненыхъ. Послѣ того лишь на нѣсколько дней были остановлены митинги и кружки на Чечелевкѣ. На Амурѣ же работа протекала, какъ и раньше. Массовая работа шла успѣшно. Сама же группа страдала отъ многихъ недочетовъ, отъ которыхъ и теперь не излѣчилась: мало организованности, недостаточное пониманіе нѣкоторыми групповиками анархизма и еще многое.

Расширившаяся работа на Чечелевкѣ не могла дольше зависѣть отъ амурской группы, а потому здѣсь была устроена группа на автономныхъ началахъ, связанная съ амурской группой лишь федеративно. Работы широко массовой теперь нѣтъ; этому препятствуетъ всероссійская реакція. Намъ все же удается время отъ времени устраивать митинги на фабрикахъ и заводахъ.

Въ послѣднее время ведется хорошая кружковая работа на Амурѣ и отчасти на Нижнеднѣпровскѣ. Необходимо устранить многіе недочеты, свойственные не только нашей группѣ, но и всему нашему движенію. Необходимо создать кружки пропагандистовъ, выработать планъ пропагандистскихъ занятій. Необходима литература, отвѣчающая на тѣ вопросы, которые еще не были освѣщены, а такихъ вопросовъ много. Необходимы популярные листки. Для успѣшности работы нужно отмѣтить еще отсутствіе нормальной связи между группами различныхъ городовъ. Результаты этого очень печальны. Что нибудь сдѣлать для оживленія нашей работы можетъ нашъ органъ, издаваемый въ Россіи — органъ, который близко зналъ бы мѣстную работу.

Въ послѣдніе дни наша группа понесла много потерь. Въ Ялтѣ была арестована типографія, устроенная нашей группой; арестованы работавшіе въ типографіи товарищи.

Товарищъ Антонъ Нижборскій убилъ себя, когда его, послѣ „экса", преслѣдовала полиція.

Острая нужда въ деньгахъ для групповой работы заставила нѣсколькихъ товарищей пойти добыть деньги. И вотъ въ селѣ Каховкѣ 6 нашихъ лучшихъ товарищей были арестованы и преданы военно-полевому суду....

Проклятый вопросъ о деньгахъ! И онѣ, политическія партіи, думаютъ, что мы признаемъ „эксы" потому, что это такъ сильно намъ нравится.

⁂

СИМФЕРОПОЛЬ. Работа, успѣшно протекавшая отъ января до апрѣля, оставила нѣкоторый слѣдъ, почти совсѣмъ заглохшій послѣ послѣдняго провала въ началѣ апрѣля, когда арестовали почти всю группу, въ томъ числѣ товарища съ браунингами на границѣ. Работа на время затихла. Освободившіеся 6-го мая товарищи опять возобновили ее. Достали у екатеринославской группы немного литературы, которую распространили, устроили затѣмъ нѣсколько (2 — 3) кружковъ. Распространили листки: 1) Чего хотятъ анархисты-коммунисты (500 экз.); 2) Къ оружію (2½ сотни); 3) Объ убійствѣ провокатора Махарова (200 экз.). Былъ убитъ помощникъ пристава Ковалевъ, имѣвшій особое пристрастіе къ анархистамъ-коммунистамъ. Были еще аресты, но нѣсколько человѣкъ уцѣлѣло. Они теперь немного поддерживаютъ работу.

⁂

МЕЛИТОПОЛЬ. Нѣсколько соціалъ-демократовъ, не желавшихъ подчиняться комитетскимъ рѣшеніямъ, выступили изъ организаціи. Это послужило исходнымъ пунктомъ для разсужденій о власти, о подчиненіи вообще. Начали интересоваться анархизмомъ; прочли Эльцбахера и нѣкоторыя другія брошюры. Въ результатѣ, спустя нѣкоторое время, рѣшили образовать анархическую группу. Помимо этого кружка было еще нѣсколько рабочихъ, бесѣдовавшихъ неоднократно съ анархистами. Случайно встрѣтились эти группы, соединились и начали работать. Были организованы кружки, началась агитація, привлеченіе отдѣльныхъ рабочихъ къ группѣ. Нѣкоторое время сильно мѣшали группѣ такъ называемые „эксы". Группа нуждалась въ деньгахъ для разныхъ групповыхъ предпріятій. Пришлось съ первыхъ шаговъ прибѣгнуть къ „эксамъ". Многіе, ничего общаго съ анархизмомъ не имѣющіе люди, стали совершать „эксы", прикрываясь именемъ анархистовъ-коммунистовъ. Политическія партіи работающія здѣсь воспользовались случаемъ и начали сыпать клеветой и грязью на анархистовъ. Группа выпустила гектографированный листокъ подъ названіемъ: „Необходимое разъясненіе". Содержаніе листка сводилось къ заявленію, что группа не имѣетъ никакого отношенія ко всей той грязи, которая имѣла мѣсто при многихъ „эксахъ", что она совершаетъ „эксы" исключительно для групповыхъ цѣлей. И дѣйствительно группой вскорѣ затѣмъ былъ сдѣланъ большой „эксъ", деньги съ котораго были употреблены на органъ, оружіе, литературу и прочее. Въ настоящее время группа нуждается въ хорошемъ пропагандистѣ, а также въ товарищѣ, который съумѣлъ бы прочесть нѣсколько рефератовъ какъ для самой группы, такъ и для мѣстныхъ рабочихъ.

⁂

ЕНАКІЕВО. *Петровскій заводъ.* Намъ пришлось недавно побывать въ Енакіевѣ. Говорили мы съ нѣкоторыми мѣстными рабочими. Зашелъ разговоръ о заводской администраціи. Рабочіе жаловались на невозможность дольше терпѣть ужасный гнетъ ея. Давятъ, главнымъ образомъ, мелкіе представители администраціи, но, конечно, не безъ вѣдома, даже съ санкціи директора завода Потье. Пришли къ выводу, что онъ главный виновникъ мѣстныхъ бѣдъ рабочихъ. Рабочіе указывали на факты: онъ разсчитывалъ рабочихъ, участвовавшихъ въ декабрьскомъ возстаніи, гналъ „бунтовщиковъ", принимавшихъ участіе въ стачкахъ. Мы говорили съ рабочими о классовой борьбѣ, о террорѣ, какъ необходимомъ спутникѣ этой борьбы. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ бесѣдѣ рабочихъ неоднократно слышали нашихъ ораторовъ на митингахъ въ Екатеринославѣ и теперь выразили желаніе устроить группу и вообще ближе познакомиться съ анархизмомъ. Собралось нѣсколько человѣкъ; потолковали. Одинъ изъ рабочихъ вызвался убить директора. Ему замѣтили, что актъ требуетъ организаціи. Больше объ этомъ не было говорено. Завязавъ связи съ ними, мы разстались, причемъ обѣщали доставить имъ нашу литературу. На слѣдующій день мы прочли въ газетахъ извѣстіе о покушеніи на директора Потье и тотчасъ же поняли, что актъ совершенъ кѣмъ либо изъ молодой групки. Дѣйствительно, пріѣхавшіе вскорѣ изъ Кіева товарищи подтвердили наше предположеніе. Они взяли въ Екатеринославѣ литературу и уѣхали. Нуженъ хотя бы одинъ человѣкъ, который съумѣлъ бы съ ними позаняться. Нужна литература. Нужны листки для массы. Рабочихъ на заводѣ много. Необходимо поддержать зарождающееся тамъ анархическое движеніе.

⁂

БЕРДИЧЕВЪ. У насъ былъ выпущенъ листокъ противъ экспропріаторовъ; въ немъ былъ высказанъ взглядъ на экспропріацію, вмѣстѣ съ заявленіемъ, что мѣстныя экспропріаціи не были сдѣланы групой, отказывающейся отъ нападенія на частныхъ лицъ. — Интересующихся и симпатизирующихъ анархизму здѣсь много. Група сильно нуждается въ литературѣ, но еще сильнѣе ощущается необходимость въ людяхъ, хорошо понимающихъ теорію анархизма. — Одинъ изъ проѣзжавшихъ товарищей устроилъ здѣсь недавно дискуссію съ представителями мѣстной бундовской организаціи; дискуссія собрала всѣхъ интересующихся; она прошла оживленно и съ полнымъ успѣхомъ. Жаль, что за неимѣніемъ силъ ихъ нельзя устраивать часто.

Просимъ обратить вниманіе на нужды нашей групы.

⁂

МОСКВА 26 Августа. Наша работа въ сѣверномъ районѣ въ самомъ начальномъ фазисѣ развитія. Всѣ старыя начинанія сломаны и разрушены правительствомъ. Такъ, въ Москвѣ анархисты появились еще въ 1905 г. Была сорганизована група, выпустившая рядъ прокламацій: „1-ое мая", „по случаю убійства ген.-губернатора" и др. Были завязаны нѣкоторыя связи съ рабочими и распространена привезенная изъ Швейцаріи литература.

Весной въ м. Богородскомъ (возлѣ Москвы) полиція арестовываетъ главныхъ участниковъ групы, причемъ тов. Вл. Забрежневъ при задержаніи стрѣляетъ въ жандармскаго офицера. Наступившіе вскорѣ революціонные дни, а затѣмъ декабрьская реакція унесли многихъ товарищей, а вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ начинанія........

Арестованные были высланы, а Забрежневу удалось бѣжать изъ Бутырки переодѣтымъ въ форму судебнаго слѣдователя.

Весной 1906 г. снова возобновилась работа. Издательская група „Свобода" издала брошюру Бакунина „Политика Интернаціонала", Кропоткина „Анархія", „Рабочій Союзъ", Э. Реклю „Эволюція и Революція", „Жерминаль" „Безначальный Коммунизмъ" и мн. др. Кромѣ издательской дѣятельности „Свобода" установила связи за Крестовской Заставой, въ Сокольникахъ и на Воробьевыхъ горахъ. Часто устраивались митинги, дискуссіи и массовки. Анархизмъ вызвалъ большой интересъ въ рабочей средѣ и собранія нами охотно посѣщались. Вскорѣ въ другомъ районѣ Москвы образовалась вторая група „Свободная Коммуна", которая помимо издательства (Новомірскаго „Манифестъ анархист.-ком.", „Представительное Правительство", „Рѣчь Этьевана" и др.) выпустила двѣ прокламаціи „Къ Рабочимъ", характеризующія тактику анархистовъ, съ эпиграфомъ — „Смерть буржуя — жизнь рабочихъ". Група эта работала главнымъ образомъ въ Замоскворѣчьи. Она имѣла связи на фабрикѣ Цинделя, на электр. станціи, въ Рогожскомъ районѣ и на фабрикахъ у Симонова монастыря. Кромѣ того, нѣкоторые члены групы имѣли сношенія съ союзомъ безработныхъ и здѣсь вели пропаганду съ большимъ успѣхомъ. Група вела нѣкоторыя стачки, окончившіяся частичнымъ удовлетвореніемъ. Стачечниковъ група поддерживала деньгами изъ своей „боевой кассы"; ею же была сдѣлана первая попытка вооруженія массъ. Все это требовало огромныхъ денегъ, почему групой были конфискованы нѣсколько разъ денежныя суммы у правительства и у отдѣльныхъ буржуа. Деньги, кромѣ расходовъ на литературу и вооруженіе, раздавались на митингахъ безработнымъ рабочимъ. Это отчасти и вызвало заявленіе „Рабочаго Союза" съ фабрики Цинделя. Этотъ „Рабочій Союзъ" подъ вліяніемъ соц.-дем. помѣщалъ замѣтки въ газетахъ, въ которыхъ „заявлялъ", что „пролетаріатъ не нуждается въ деньгахъ анархистовъ, незаконно имъ добытыхъ"...

Многочисленные митинги проходили удачно и только разъ у Симонова монастыря нагрянувшая полиція старалась арестовать анархическихъ агитаторовъ. Послѣдніе отстрѣливались. Была брошена бомба..... Полиція отступила съ нѣсколькими раненными въ своихъ рядахъ; въ томъ числѣ былъ раненъ приставъ.

Вотъ все что можно упомянуть о нашемъ недалекомъ прошломъ. Въ послѣдніе мѣсяцы образовалась въ Москвѣ третья група „Солидарность", издавшая рядъ брошюръ.

Послѣ разгона Думы, съ возникновеніемъ стачки, въ Москвѣ начались аресты. Коснулись они и нашихъ. Взяты были, между прочимъ, лабораторія, изготовлявшая бомбы — „Шимозы". Изъ арестованныхъ нѣкоторые преданы военному суду..... Одинъ изъ нихъ Вл. Бармашъ при арестѣ ранилъ товар. прокурора.

Была предпринята попытка взорвать охранное отдѣленіе адской машиной, но неудачно: взорвана и разрушена лишь часть стѣны и сгорѣли кое какія бумаги. Рабочая масса въ Москвѣ, среди которой въ настоящее время наростаетъ недовольство „комитетами" и чисто политическими организаціями, въ общемъ встрѣчаетъ анархистовъ съ большимъ интересомъ и симпатіей. Но ощущается огромный недостатокъ въ агитаціонной, чисто рабочей литературѣ. Острая нужда въ людяхъ даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу... Пропаганда анархистовъ въ другихъ городахъ центральной Россіи находится въ самомъ зародышѣ. Нарождаются небольшія групы, но слабыя — онѣ ведутъ тихую подготовительную работу. Ведется работа въ Нижнемъ-Новгородѣ. Главнымъ образомъ на Сормовскомъ заводѣ. Тамъ происходятъ митинги, ведутся кружки..... Начинаютъ также нарождаться анархическія групы въ Пензѣ, Казани, Перми и Екатеринбургѣ.

Требуется литература. Интересъ огромный.

⁂

РОСЛАВЛЬ. Здѣсь образовалась анархическая група. Главная цѣль ея, въ виду мѣстныхъ условій, широкая пропаганда среди крестьянскихъ массъ, почему група и будетъ называться — „Рославльская Крестьянская Група Анархистовъ-Коммунистовъ". 29 Августа было первымъ днемъ, въ который мы собрались и заключили свободный договоръ на анархическихъ началахъ. Помогите намъ, товарищи, литературой, оружіемъ и людьми; денежныя средства добудемъ сами.

Р. К. Г. А-К.

⁂

БѢЛОСТОКЪ. Подъѣзжая къ Бѣлостоку, я сильно безпокоился за положеніе нашей, нѣкогда славной Бѣлостокской организаціи. Послѣ такихъ потерь, какъ Гелинькеръ, Нисель, Нетка, Рувка, Стрига и др., послѣ вынужденнаго репрессіями отъѣзда многихъ товарищей, послѣ проваловъ, безъ посторонней (отъ другихъ групъ) матеріальной помощи, — надо было обладать очень сильной организаціей съ глубокими корнями въ жизни, чтобы сохранить свое значеніе сильнаго рабочаго авангарда.

И Бѣлостокская група это доказала.

Въ первый же вечеръ я попалъ на лекторскую сходку, гдѣ человѣкъ 18 пропагандистовъ вели свое очередное собесѣдованіе по разнымъ теоретическимъ вопросамъ анархизма. На очереди стоялъ вопросъ о возникновеніи классовъ..... Спокойное и серьезное обсужденіе этого вопроса ободряюще подѣйствовало на меня, и я, дѣйствительно, не ошибся. Група, какъ я потомъ узналъ изъ докладовъ товарищей, несмотря на потери и пережитый погромъ, сохранила свое прежнее вліяніе. По прежнему идетъ работа цеховъ, федерацій (ткачей, кожевниковъ, столяровъ, портныхъ и др.) по прежнему аккуратно ведутся засѣданія групповыхъ федерацій (на дняхъ выдѣлилась 4-ая федерація, состоящая изъ товарищей молодыхъ), бываютъ массовки; наши пропагандисты читаютъ лекціи въ 15 кружкахъ по 16 — 18 человѣкъ каждый; получился новый транспортъ литературы; работаютъ въ провинціи (Крынки, Заблудово и др.); на дняхъ поставили одной групѣ сосѣдняго города большую типографію, которая выпускаетъ листки... Словомъ работа идетъ интенсивно, какъ шла всегда... Правда, открытыхъ выступленій за послѣдніе 2 мѣсяца не было. Апретурная стачка въ городѣ велась сначала подъ руководствомъ „народовцевъ", но рабочая масса быстро отъ нихъ отстала и вступила съ нами въ сношенія. Но первоначальная постановка вопроса (необходимость сотрудничать съ „народовцами") дѣлала для групы невозможнымъ стать во главѣ стачки и она ограничилась одной помощью.

Въ общемъ настоящую работу групы можно назвать сорѣе внутренней, подготовительной, организаціонной: происходитъ накопленіе силъ для дальнѣйшей борьбы. А это стало необходимымъ, въ виду тѣхъ тяжелыхъ условій, при которыхъ теперь приходится работать въ „чертѣ“. Боязнь погромовъ, даже одно воспоминаніе о Бѣлостокскихъ ужасахъ, сильно парализуютъ такъ глубоко развившуюся было террористическую дѣятельность. Здѣсь нельзя не отмѣтить далеко недостойную позицію, которую заняли въ послѣднее время въ борьбѣ съ анархизмомъ соціалистическія партіи, работающія въ нашемъ районѣ. Вмѣсто того, чтобы использовать погромы для агитаціи массоваго террора, террора, который несомнѣнно отучилъ бы полицію отъ погромовъ, онѣ „видятъ“ въ погромахъ лишь доказательство необходимости прекращенія острой революціонной борьбы. Не стѣсняясь тѣмъ, что такимъ отношеніемъ къ погромамъ, онѣ играютъ всецѣло на руку буржуазіи, соціалистическія партіи нашего района предпочитаютъ занять позицію обывательскую, лишь бы насолить анархизму... (По этому поводу группой была выпущена прокламація.)

На дняхъ однимъ изъ нашихъ товарищей была брошена бомба въ вдохновителя мѣстной полиціи — пристава Ходоровскаго. Актъ этотъ былъ встрѣченъ въ рабочихъ кварталахъ съ большимъ энтузіазмомъ.

⁂

ВИЛЬНА. Трудно и тяжело для насъ прошелъ первый періодъ нашего существованія. Бомба Короткина, при домѣ губернатора, брошенная въ совѣщаніе полицейскаго съѣзда, а также сложившаяся на Западѣ репутація о насъ, особенно въ виду сосѣдства Бѣлостока, привлекли къ намъ все злобное вниманіе мѣстной полиціи; ей въ помощь пришла буржуазія, напуганная „разсказами“ бундистовъ объ анархистахъ... Сейчасъ же вовлеченная въ борьбу (аресты, обыски) Виленская группа вынесла на себѣ также всѣ горькія послѣдствія отошедшихъ теперь уже въ область исторіи „экспропр.“ и вымогательствъ. Не успѣвъ окрѣпнуть мы вынуждены были во что бы то ни стало доставать денежныя средства для предпріятій вызванныхъ событіями дня. Знаменитый побѣгъ Левина, судъ пяти товарищей, осужденныхъ на вѣчную каторгу, смертная казнь Короткина, вооруженные отпоры — все это всецѣло поглотило наше вниманіе и мы очень мало отдавались широкой пропагандѣ идей анархизма. Въ результатѣ группа, потерявъ свои лучшія силы, влачила до послѣдняго времени жалкое существованіе. Но сила идей анархизма, его жизненность и революціонность сохранила зародышъ, который могъ бы взойти, если бы явились хорошіе работники. Они явились — и работа теперь опять оживилась. Наученные опытомъ, въ виду переживаемаго затишья вокругъ, группа поставила теперь себѣ цѣлью выработать прежде всего прочное анархическое ядро — прочное и богатое во всѣхъ отношеніяхъ. И одно поверхностное ознакомленіе съ группой говоритъ за то, что ей предстоитъ еще сыграть большую роль въ смыслѣ организаціи движенія на Сѣверо-Западѣ.

Виленская группа, какъ всѣ группы нашего района, сильно занята теперь организаціей Сѣвер.-Запад. союза и выработкой общаго плана работы.

⁂

СМОРГОНЬ. Нашему городку, въ смыслѣ анархическаго движенія, особенно посчастливилось. Обогащенная опытомъ, окончательно отбросившая нѣкоторыя осужденныя жизнью формы проявленія анархизма (мы имѣемъ въ виду экспропріаціи и сопровождавшій ихъ мелкій терроръ) наша группа сразу стала на вѣрный путь. Группа существуетъ здѣсь сравнительно недавно, вызванная къ жизни самымъ ходомъ событій. — Бундъ, какъ партія еврейской „политики“, вслѣдствіе углубленія революціи пересталъ удовлетворять революціоннымъ потребностямъ широкихъ массъ.

Необходимо стало болѣе смѣлое слово и дѣло... Слово и дѣло соціальной революціи... Народилась анарх. группа; и слово наше привлекло къ намъ большія симпатіи массъ. Уже первое время наши кружки посѣщало до 100 чел. Соціалисты-демократы („Искра“, „С.-С.“, П. С.-Д.) забили тревогу, — одна дискуссія за другой и, безъ преувеличенія можно сказать, — побѣда за побѣдой. Намъ удалось организовать солидную группу, съ которой уже считается вся двухтысячная масса города. Нами распространялись наши листки и листки сосѣднихъ группъ; мы обзавелись легально изданной по анархизму литературой. Просимъ товарищей помочь намъ агитаціонной литературой и чаще давать знать о себѣ. Мы придаемъ большое значеніе предстоящему объединенію группъ и въ твердой вѣрѣ въ нихъ будущее шлемъ привѣтъ всѣмъ русскимъ анархистамъ!

⁂

БАРАНОВИЧИ. Существующая здѣсь группа занята исключительно пропагандой среди солдатъ, такъ какъ здѣсь вообще рабочаго элемента нѣтъ. Недавнее перемѣщеніе солдатъ въ другіе полки нанесло намъ тяжкій уронъ, но мы надѣемся скоро оправиться и завязать новыя прочныя связи.

Болѣе подробно напишемъ въ другой разъ.

⁂

МИНСКЪ. Если не считать кратковременнаго существованія анархической группы зимой, наша регулярная дѣятельность началась сравнительно недавно. Функціонирующая здѣсь группа „экспропріаторовъ“, вымогавшая деньги нашимъ именемъ, сильно тормозила работу группы; да и сама группа была далеко не безукоризненна въ смыслѣ мелкихъ „эксовъ“. Притомъ нѣкоторые товарищи несогласные съ группой совершенно отдѣлились и вели самостоятельную работу. Пріѣхавшему къ намъ товарищу удалось собрать разрозненныя силы и за послѣдніе два мѣсяца работа ведется успѣшно. Часто устраиваемые нами рефераты охотно посѣщаются большимъ числомъ передовыхъ рабочихъ. Мы успѣли уже провести нѣсколько небольшихъ стачекъ. Вооруженіе, лабораторія, техника — все необходимое для практической работы дня — оборудовано и мы полны надеждъ на прочный успѣхъ.

Началась пропаганда среди войскъ и до 50-ти солдатъ распространяютъ нашу литературу, считая себя членами нашей группы. Подъ нашимъ вліяніемъ часть мѣстныхъ „молодыхъ“ С.-Р. максималистовъ — признала себя антигосударственниками и коммунистами, хотя и до сихъ поръ работаетъ подъ знаменемъ с.-р. На одномъ изъ нашихъ групповыхъ совѣщаній окончательно принятъ отказъ отъ частныхъ нападеній изъ-за (?) „эксовъ“ (?). Группа теперь сильно занята вопросомъ объ организаціи движенія и вопросъ этотъ разбирается на всѣхъ групповкахъ. Часть группы склоняется къ синдикализму. Чувствуется нужда въ еврейскомъ органѣ для нашего района. Мы въ этомъ отношеніи возлагаемъ большія надежды на конференцію сѣверозападнаго союза. Просимъ всѣхъ товарищей откликнуться на эту нашу нужду. Съ большимъ удовольствіемъ нами встрѣчено извѣстіе о новомъ органѣ на русскомъ языкѣ. Повсюду и вездѣ является среди товарищей потребность въ выработкѣ плана организаціи и объединенія, и мы приложимъ всѣ усилія, чтобы способствовать выступленію русскихъ анархистовъ-коммунистовъ компактной массой, сильной твердой рѣшимостью довести дѣло до конца, не знающей никакихъ полумѣръ, никакихъ серединъ.

ОЧЕРКЪ АНАРХИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ
ВЪ
ОДЕССѢ.

ОДЕССА. Дѣятельность анархистовъ-коммунистовъ началась, или вѣрнѣе, болѣе организованно выступила еще въ 1904 году.

Группа тогда была не чисто-анархическая; въ ней замѣчалось нѣкоторое вліяніе „махаевцевъ“. Общей программой было — борьба съ интеллигенціей, борьба съ попыткой втянуть пролетаріатъ въ буржуазно-демократическую борьбу. Вліяніе махаевцевъ выражалось, между прочимъ, въ томъ, что объ „идеалахъ“ умалчивали или говорили недостаточно опредѣленно. Но съ полученіемъ № № „Хлѣбъ и Воля“, какъ и съ пріѣздомъ нѣкоторыхъ товарищей, начался расколъ, приведшій къ тому, что группа приняла чисто-анархическій характеръ. Работалъ въ группѣ тогда Владиміръ, погибшій послѣ въ Парижѣ. Работа началась энергичная. Обратили вниманіе на пекарей; работа среди нихъ шла очень успѣшно. Къ этому времени среди пекарей работали и „независимцы“ или „зубатовцы“. Анархистамъ-пекарямъ пришлось выдержать отчаянную борьбу съ зубатовцами... Были стачки, столкновенія... 12-го апрѣля 1904 г. были арестованы 35 человѣкъ. Тогда же провалилась техника, шрифтъ и станокъ. За этотъ періодъ были выпущены листки: „Что такое политическая свобода“, „Симонъ Адлеръ“, распространялся „Увѣщеваемый рабочій“, листокъ (женевскій) по поводу покушенія на Плеве. [illegible] въ прокламаціяхъ было: „Огнемъ и мечемъ". Не смотря на провалъ, работа шла очень успѣшно. Вниманіе массы все больше и больше приковывала новая група. Ряды анархистовъ пополнялись... Но новый ударъ не замедлилъ появиться. На Порто-Франковской 137 провалилась одна небольшая, но усиленно работавшая, група изъ 5 человѣкъ. Сергѣй Борисовъ, одинъ изъ присутствующихъ, далъ вооруженный отпоръ, которымъ тяжело ранилъ околоточнаго надзирателя. За это Борисовъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, откуда, выпущенный на вольное поселеніе, благополучно бѣжалъ. Работа продолжалась вплоть до 1905 г. Сначала она подвигалась медленно... Провалы участились. Арестованы были трое съ 2 гектографами во время работы... На Госпитальной улицѣ былъ вторичный провалъ. Ко времени „свободъ" началось сильное оживленіе... Анархическая пропаганда сильно привлекала вниманіе массы. Выступали наши товарищи въ университетѣ. Читались рефераты среди интеллигентовъ и рабочихъ. Въ училищѣ „Трудъ" также читались рефераты. Въ это же время работалъ анархистъ-синдикалистъ направленія „Новый Міръ". Дѣятельность его сопровождалась сильнымъ успѣхомъ.

17-го октября вспыхнулъ мрачный и страшный погромъ. Анархисты приложили всѣ свои усилія, чтобы хоть уменьшить это зло, бороться съ этимъ чудовищемъ. Товарищъ Яша бросилъ бомбу въ кучку хулигановъ и полицейскихъ и разогналъ эту банду. Но случайно упалъ, уронилъ бомбу и былъ взорванъ ею.

На Старо-рѣзничной была накрыта полиціей лабораторія и арестованъ Гершковичъ.

Въ это время въ Одессѣ начинается періодъ повальныхъ „эксовъ". Правда, група врядъ ли была повинна хотя бы въ незначительной части этихъ „эксовъ", дѣлаемыхъ отъ имени анархистовъ. Но все таки нельзя не признать, что и група въ это время черезъ-чуръ „усердствовала".

Съ требованіемъ денегъ група обратилась къ Зусману. Онъ отказалъ. Въ отвѣтъ на отказъ въ магазинъ Зусмана вскорѣ была брошена бомба, которой былъ раненъ нашъ, нынѣ умершій, товарищъ Исаакъ.

Всеобщая забастовка 12 декабря своими колоссальными размѣрами поставила групу въ неопредѣленное положеніе. Къ руководству такимъ огромнымъ движеніемъ она не была подготовлена. Група ограничилась выпускомъ листковъ къ рабочимъ и выступленіемъ, гдѣ только было возможно, своихъ ораторовъ.

Скоро произошло событіе, обратившее на себя вниманіе всей Одессы. Мы говоримъ объ актѣ въ кофейнѣ Либмана. 17 декабря 1905 г. въ 6 съ половиной часовъ вечера было брошено нѣсколько бомбъ, произведшихъ сильное опустошеніе и тяжело ранившихъ нѣкоторыхъ. Одну изъ неразорвавшихся бомбъ поднялъ прапорщикъ [illegible] полка и отвезъ въ Александровскій полицейскій участокъ. Тамъ бомба взорвалась и ранила п. д. пом. пристава Гиршова-Бѣлочекъ и еще нѣкоторыхъ. Такимъ образомъ и полиціи суждено было „пострадать" отъ „злодѣйскаго" покушенія.

Послѣ акта въ Варшавѣ въ „Бристолѣ", это было второе выступленіе антибуржуазнаго террора, именуемаго въ групахъ далеко не удачнымъ названіемъ „безмотивнаго" террора.

Собственно, мотивъ тутъ очень опредѣленный: товарищи наши анархисты-коммунисты, вѣрные революціонному духу анархизма, поняли, что мотивомъ къ актамъ должно быть не только то или другое столкновеніе капитала и труда (стачки и при нихъ экономическій терроръ). Нѣтъ самъ фактъ существованія сытаго, ликующаго есть преступленіе, каждый шагъ эксплуататорскаго существованія — безкровное убійство!

И мы дезорганизуемъ мощь властвующихъ и имущихъ, направляя въ нихъ стрѣлы не только во время стачекъ, но и въ „мирное" время; указывая рабочему, что мотивомъ къ его ненависти и борьбѣ должно быть не только частное столкновеніе двухъ враждебныхъ классовъ, но и самъ фактъ существованія угнетенности и рабства. Мотивъ такихъ актовъ не лежитъ въ частномъ столкновеніи, потому и терроръ подобнаго рода названъ безмотивнымъ.

По дѣлу „Либмана" арестованы и обвиняются: Моисей Мецъ, Іосифъ Брунштейнъ, Бела Шершевская-Вейсбремъ, Ольга Таратута и Станиславъ Шашекъ. Судъ еще не состоялся.

Этотъ актъ, между прочимъ, имѣлъ то немаловажное значеніе, что раздѣлилъ анархистовъ-коммунистовъ на два лагеря: на отрицающихъ подобные акты и на признающихъ ихъ.

Дѣятельность групы за 1905 г. заканчивается замѣчательнымъ по своей революціонности вооруженнымъ отпоромъ, даннымъ нашимъ товарищемъ Густавомъ на улицѣ, гдѣ его пытались задержать. Товарищъ ранилъ городового. За нимъ погнался дворникъ, но его постигла та же участь. Тогда опозорили себя и двое рабочихъ; исполняя обязанности полицейскихъ и сыщиковъ, они погнались за товарищемъ; онъ же удачно ранилъ одного; затѣмъ второго... Погоня участилась... Товарищъ отстрѣливался... Наконецъ какой то дворникъ ударилъ его желѣзной лопатой по головѣ. Товарищъ былъ задержанъ и избитъ. При немъ найденъ, къ несчастью, адресъ по которому арестованы были 4 человѣка съ взрывчатыми веществами.

Кстати, мы забыли указать, что еще въ декабрѣ во время обыска на квартирѣ товарища Лазаря на Старо-рѣзничной — по провокаціи — была обнаружена тайная лабораторія взрывчатыхъ веществъ; во время обыска отъ неосторожнаго обращенія съ взрывчатыми веществами взорвались помощникъ начальника охраннаго отдѣленія и много другихъ полицейскихъ чиновъ (11 человѣкъ).

Упоминаніемъ о вооруженномъ отпорѣ, данномъ Морицомъ Алешкеромъ при попыткѣ задержать его, (задержанъ и присужденъ къ 20 лѣтней каторгѣ) мы заканчиваемъ обзоръ за 1905 г.

ОДЕССА. 1906 годъ знаменуетъ собой безусловное расширеніе анархической дѣятельности. Самымъ крупнымъ явленіемъ является успѣшное вмѣшательство въ экономическую стачечную борьбу революціонными средствами... Открылся, однако, годъ зловѣщимъ и мрачнымъ событіемъ. На Нѣжинской улицѣ отъ неосторожнаго обращенія взорвались бомбы... Весь домъ былъ разрушенъ... Масса невинныхъ жертвъ... Товарищей Непомнящаго и И. Чоботарева вынесли изъ подъ груды развалинъ полумертвыми... Искалѣченные, израненные они заявили себя анархистами, съ горестью говоря о томъ, что бомбы, предназначенныя для враговъ, погубили невинныхъ людей... На судѣ Непомнящій произнесъ краткую, но сильную рѣчь, которую мы печатаемъ ниже. Въ результатѣ Чоботаревъ отправленъ въ Архангельскъ, Непомнящій на каторгу.

Въ среднихъ числахъ января владѣлецъ магазина Боже выдалъ полиціи товар., требовавшихъ отъ него денегъ на организаціонныя нужды. Боже, обѣщавшій раньше удовлетворить требованіе, предательски выдалъ явившихся къ нему товарищей въ руки заблаговременно извѣщенной имъ полиціи; при этомъ была арестована товарищъ Дерманъ, убившая пытавшагося ее задержать приказчика. Случай этотъ вызвалъ много толковъ; Дерманъ обратилась поэтому съ письмомъ къ товарищамъ, объясняя мотивы убійства приказчика и свое отношеніе къ „эксамъ". Въ магазинъ Боже была брошена бомба, которой былъ убитъ его шуринъ, а самъ онъ раненъ; былъ убитъ бросившій бомбу товарищъ. Анархическій патруль убилъ городового.

Не долго спустя Катя Эрделевская дала вооруженный отпоръ, пытавшейся ее арестовать полиціи. Смертная казнь по суду замѣнена ей каторгой.

15 апрѣля было сдѣлано удачное покушеніе на пристава Погребного. Погребной прославился своею подлостью; онъ же былъ организаторомъ еврейскаго погрома въ Одессѣ; Погребной призывалъ бить и рѣзать евреевъ. Онъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ браунинга; раненъ былъ и городовой, погнавшійся за стрѣлявшими. Въ это же время была брошена бомба въ раненнаго, но все же еще стрѣлявшаго Погребнаго. Полиція погналась за товар. Шакерманъ; шашкой ее ранили въ руку и прострѣлили ногу... На судѣ Шакерманъ объявила себя анарх.-коммун. Безъ ужаса нельзя вспомнить о трагической смерти въ тюрьмѣ нашихъ двухъ товарищей Беккера Бузи и Лаубенца. Дикое и грязное животное офицеръ Тарасовъ, проходя мимо тюрьмы услыхалъ возгласъ „Долой самодержавіе!" Тарасовъ спросилъ: „Кто изъ васъ честный человѣкъ, пусть заявитъ кто кричалъ!" Бузя Беккеръ, хотя и не онъ крикнулъ, заявилъ: „Къ этому возгласу каждый изъ насъ присоединится!" „Имѣйте же мужество стоять у окна!" крикнулъ офицеръ. Бузя Беккеръ не пошевельнулся... Раздался выстрѣлъ — Беккеръ и Лаубенцъ пали мертвыми... Лаубенцъ сидѣлъ по анархич. дѣлу, а Беккеръ въ тюрьмѣ заявилъ себя анархистомъ-коммунистомъ. Вслѣдъ за этимъ начинается цѣлый рядъ покушеній. Убито — день за днемъ — нѣсколько городовыхъ, нѣсколько шпіоновъ... Особенно интересно убійство Лопатина. Это былъ вдохновитель, вождь шпіонской арміи. Убрать его было необходимо. И вотъ на углу Провіантской и Тираспольской появился Лопатинъ. Замѣтивъ слѣдившихъ за нимъ товарищей, онъ приказалъ немедленно арестовать ихъ. Сейчасъ же раздался выстрѣлъ. Лопатинъ вбѣжалъ въ трактиръ; товарищъ за нимъ, схватилъ его за шиворотъ, всадилъ ему двѣ пули и выскочилъ черезъ окно. Городовой пытался задержать его; товарищъ предупредилъ, что будетъ стрѣлять. Городовой продолжалъ гнаться и былъ убитъ имъ.

Къ этому же времени относится усиленное вмѣшательство въ экономическую жизнь. Среди пекарей начинается усиленная агитація за 8-ми часовой рабочій день. Ведутъ стачку исключительно анархисты. Стачка блестяще выиграна. Начинается большое оживленіе... Связи растутъ... Масса собраній и сходокъ широко знакомятъ рабочихъ съ принципами и тактикой анархизма. По провокаціи арестованы 27 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ товарищъ съ 30 бомбами и одинъ македонецъ, обвинявшійся въ покушеніи на султана и приговоренный къ 101 году тюремнаго заключенія въ Турціи.

Въ іюнѣ началась забастовка въ южно-русскомъ обществѣ печатнаго дѣла; общество отказалось отъ удовлетворенія требованій рабочихъ о повышеніи платы, замѣщая стачечниковъ штрейкбрехерами. Негодованію рабочихъ не было предѣла. Директоръ Кирхнера былъ убитъ нашимъ товарищемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства директора всѣ требованія были удовлетворены. Этотъ первый актъ экономическаго террора произвелъ глубокое впечатлѣніе на рабочія массы. Начались собранія, сходки. Соц-демократическіе руководители старались всячески обезцѣнить въ глазахъ массы значеніе насильственной революціонно-экономической борьбы вообще и даннаго акта въ частности, но успѣха не имѣли. Убившій директора Кирхнера Азріель Покатиловъ былъ арестованъ и приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ приведенъ въ исполненіе... Къ большому сожалѣнію намъ не удалось раздобыть для печатанія предсмертнаго письма товарища Покатилова, горячо убѣждавшаго и призывавшаго въ немъ къ неумолимой, суровой борьбѣ за анархическій коммунизмъ.

Нѣсколько позже началась забастовка въ котельномъ цехѣ Рос. О. П. и Т. Всѣ 2000 человѣкъ бросили работу. Послѣ 3-хъ дневной забастовки объявленъ былъ расчетъ, причемъ не было уплочено за двѣ недѣли, а также не выданы проценты, причитавшіеся отдѣльнымъ старшимъ рабочимъ. Забастовка тянулась 5 недѣль. Происходило много собраній анархическихъ, а также другихъ партій. Ненависть массы къ виновнику забастовки достигла крайняго напряженія. И Гречинъ былъ убитъ массовымъ рабочимъ анархистомъ-коммунистомъ. Лишенная своего главнаго вдохновителя Гречина, администрація пошла въ концѣ-концовъ на уступки и удовлетворила всѣ требованія рабочихъ. Путемъ угрозы, терроромъ была также выиграна стачка въ магазинѣ Френкеля.

Въ мартѣ 1906 года нашими товарищами была поставлена адская машина въ зданіи жандармскаго управленія. Отъ страшнаго взрыва погибло много важныхъ политическихъ дѣлъ и документовъ. Говорили о многихъ погибшихъ жандармахъ. Група выпустила листокъ, въ которомъ ярко освѣщала значеніе этого акта и призывала къ дальнѣйшей борьбѣ.

ОДЕССА. Послѣдній періодъ дѣятельности анархистовъ-коммунистовъ, небогатый революціонными выступленіями, имѣетъ, однако, важное значеніе для развитія дальнѣйшей дѣятельности мѣстной группы. Дѣло въ томъ, что отсутствіе революціонныхъ актовъ вовсе не объясняется отсутствіемъ революціонной энергіи. Есть другая причина: надъ Одессой виситъ призракъ еврейскаго погрома. Полиція грозитъ — и всерьезъ — какъ отвѣтъ на террористическіе акты залить городъ еврейской кровью. Такъ, не стѣсняясь, заявляетъ самъ Каульбарсъ. Отъ террористовъ теперь требуется особая осмотрительность, чуткость; надо многое подготовить, многое предупредить... А это требуетъ времени... Что характерно для даннаго момента дѣятельности группы — это широкія связи со всѣми заводами и фабриками. Связи имѣются въ Дальницкомъ районѣ, Пересыпи, въ городѣ. Главный составъ — чисто русская масса. Несмотря на военное положеніе, массовыя собранія устраиваются очень часто; рефераты на темы объ анархизмѣ и дискуссіи съ другими партіями почти ежедневное явленіе.

Масса чутко прислушивается къ анархическимъ рѣчамъ... Анархическая литература раскупается съ поразительной быстротой: ее просто расхватываютъ... И другія партіи волей неволей вынуждены считаться съ группой какъ съ силой, имѣющей за собой симпатіи рабочей массы.

Къ положительнымъ явленіямъ слѣдуетъ причислить отсутствіе за послѣднее время „эксовъ", которые именно въ Одессѣ приняли было огромные размѣры, грозя заслонить сущность классовой борьбы анархизма.

Внутри самой группы замѣчается нѣкоторое идейное несогласіе. Хотя преобладаютъ сторонники „безмотивнаго" террора и противники участія анархистовъ въ „легальныхъ" синдикатахъ, но замѣчаются и нѣкоторыя противоположныя теченія.

Къ мрачнымъ фактамъ Одесской анархической дѣятельности принадлежитъ казнь Покатилова, убившаго директора Кирхнера, и Тарле, пойманнаго на улицѣ, избитаго и послѣ разстрѣленнаго.

Много борьбы и много жертвъ..... И одной такой жертвой, растерзанной, измученной въ рукахъ звѣрей, былъ Л. Тарле... У Тарле былъ произведенъ обыскъ; найденъ листокъ по поводу взрыва въ жандармскомъ управленіи, полъ пуда динамиту, пироксилинъ. Онъ былъ арестованъ. Со свиданія ему удалось съ необыкновенной храбростью бѣжать черезъ ворота. Тарле уѣхалъ за границу, но долго жить тамъ онъ не могъ; весь дыша жаждой борьбы, онъ покинулъ спокойную Европу, чтобы бороться въ безпокойной Россіи. Пріѣхавъ Тарле немедленно приступаетъ къ устройству лабораторіи... Готовитъ сложный планъ освобожденія товарищей. Увы, не долго продолжалась его кипучая работа... Вечеромъ 5 сентября масса полиціи, шпіоновъ погналась за Левой... Онъ отстрѣливался, вскочилъ на автомобиль; опять стрѣлялъ... А погоня усилилась... И Тарле былъ взятъ... Враги звѣрски били его, били съ остервенѣніемъ, съ безуміемъ.... Кровь лилась изъ ранъ... А утромъ израненнаго, окровавленнаго его повезли на мѣсто казни, въ тюрьму.... Кровь еще сочилась изъ ранъ... Лева успѣлъ знакомъ руки попрощаться съ товарищами... Грянулъ выстрѣлъ и палъ борецъ за свободу... Проклятье палачамъ!... Они будятъ жажду мести; они пожнутъ ея плоды.

ТОВАРИЩУ И ДРУГУ.

Владиміръ Лапидусъ

Внезапно телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Парижѣ отъ взорвавшейся бомбы погибъ русскій студентъ..... Странно, почему это у многихъ товарищей, слыхавшихъ о взрывѣ, но не знавшихъ имени убитаго, сердце дрогнуло?... Почему такъ настойчиво преслѣдовала всѣхъ мысль, что это погибъ „онъ"? Узнавъ что имя — Стрига. Лапидусъ они даже не удивились...

Много времени уже прошло, а мысль какъ то все переносится туда, въ этотъ огромный Парижъ... Вотъ Венсенскій лѣсъ... И окровавленный, разорванный трупъ Стриги... Ищешь разгадки этой бурной жизни и мучительной смерти... Я зналъ его не особенно долго... Я не собираюсь писать поэтому его біографіи. Думаю, что объ этомъ позаботятся его товарищи, знавшіе интимную жизнь Владиміра (Стриги) лучше моего... Я хочу только набросить черточки, оставшіяся въ моей памяти...

Это было очень давно — лѣтъ 5 тому назадъ, въ нѣмецкомъ городѣ — въ Катенѣ. Помню пріѣхавшій со мной товарищъ читалъ рефератъ... Молодежь слушали жадно, внимательно... Послѣ ставили вопросы... Поднялся и юноша, почти подростокъ. „Это тотъ — Лапидусъ", шепнулъ мнѣ кто то. Мнѣ раньше хвалили „хорошаго парня" Лапидуса... Я не помню точно его вопроса; онъ касался роли террора... Но за то меня приковала наружность юноши... Онъ былъ маленькаго роста. Ни хилости, ни болѣзненности не было... Но что то вдумчиво-страдальческое сквозило въ углахъ рта, во всей физіономіи. Особенно хороши были глаза... Большіе-большіе, черные, въ нихъ было столько безумной тоски... Казалось, что изъ глазъ исходили лучи, будя какую то тревогу и грусть... И той же грустной думой-тревогой вѣяло отъ его голоса. Позднѣе голосъ измѣнился... Въ немъ звучала увѣренность фанатика, злоба, боль, насмѣшка... Но тогда было иначе.

Владиміръ пріѣхалъ въ Берлинъ. Онъ много говорилъ съ читавшимъ въ Катенѣ товарищемъ, говорилъ все время о событіяхъ въ Россіи.... Бесѣдовалъ и со мной.

Въ Россіи движеніе разросталось. Мирная соц-демократическая борьба какъ то сразу теряла свое обаяніе. О необходимости рѣзкой, террористической борьбы все же говорили смутно, намеками... Въ лучшемъ случаѣ борцы окружались ореоломъ. Что терроръ „нецѣлесообразенъ" — усомниться въ этомъ, значило терять право быть „научнымъ" соціалистомъ... А Владиміръ уже не сомнѣвался: онъ весь горѣлъ жаждой революціонной борьбы… Броситься яростно въ атаку… Прямая террористическая борьба — такъ жить и такъ бороться казалось ему великимъ счастьемъ! и Владиміръ сдѣлался бы, вѣроятно, горячимъ террористомъ демократомъ съ соціалистическими стремленіями. Но рядомъ съ терроризмомъ незамѣтно пробивалась другая струя: сомнѣніе въ необходимости борьбы рабочихъ за демократію… боязнь, чтобы „соціалистическій лѣсъ" не скрылся изъ за демократическихъ деревьевъ. Врядъ ли онъ могъ бы отдать себѣ отчетъ въ этомъ сомнѣніи — до того оно было неопредѣленно… Такъ мы и распрощались съ Владиміромъ; онъ уѣхалъ въ Россію, я остался заграницей. Слухи о немъ доходили до меня рѣдко и то въ крайне неопредѣленномъ видѣ: гдѣ то въ Минскѣ организуетъ боевыя дружины… Что то дѣлаетъ въ Николаевѣ… Подробностей этого періода я теперь восстановить не могу. Послѣ изъ бесѣдъ съ нимъ въ Россіи, я узналъ общія черточки его развитія. Оказалось, что просто броситься въ антисамодержавный терроръ ему помѣшало упомянутое сомнѣніе въ тактикѣ с.-демократіи. А это сомнѣніе разросталось… Только однажды онъ твердо рѣшилъ итти „въ дѣло" — когда звѣрь фонъ-Валь сѣкъ еврейскихъ рабочихъ въ Вильнѣ… Онъ и Гиршъ Леккертъ должны были дѣйствовать вмѣстѣ. Но Леккертъ поймалъ фонъ-Валя раньше въ циркѣ и ранилъ его… „Странное у меня было ощущеніе, когда я узналъ объ этомъ", передавалъ мнѣ Владиміръ, „радость, гордость, и, право же, какое то разочарованіе, что я не принялъ участіе въ этомъ актѣ; даже какая то досада"… Между прочимъ, Владиміръ съ глубокимъ уваженіемъ относился къ Леккерту и для характеристики послѣдняго передалъ мнѣ слѣдующій фактъ: однажды Леккертъ неожиданно встрѣтилъ фонъ-Валя; случай былъ прекрасный. Но отъ неожиданности ли Леккертъ какъ то смутился и благопріятный моментъ ускользнулъ. Цѣлый день Леккертъ бродилъ по лѣсу; ему стыдно было показаться товарищамъ.

Но вернемся къ Владиміру. Его сомнѣніе росло; жгучее, страстное чувство борьбы звало на дѣло, а разроставшіяся сомнѣнія требовали новыхъ отвѣтовъ, новыхъ дѣлъ. Результатомъ этой раздвоенности и явилась дѣятельность его въ Николаевѣ, какъ основателя группы „чистаго соціализма". Какова была программа этой „группы"? Трудно было бы дать на это отвѣтъ. Это скорѣй была „отрицательная" программа, чѣмъ „положительная". Соціалъ-демократы звали къ объединенію съ либеральной буржуазіей во имя сверженія самодержавія; противоположность классовъ, противоположность между имущими и неимущими исчезла; соціализмъ отодвигается далеко, далеко. И съ этимъ то не могъ примириться Владиміръ, ибо, то сознавая, то не сознавая этого, онъ съ головы до ногъ былъ могучій протестъ неимущихъ противъ имущихъ, хотя самъ происходилъ изъ богатой, не рабочей среды… Кипучая классовая ненависть, злость и злоба противъ всего буржуазнаго общества, — это для Владиміра не было книжнымъ пунктомъ; онъ весь былъ пропитанъ этой злобой, онъ горѣлъ этой ненавистью, — борьба съ буржуазнымъ міромъ только его и окрыляла, только ею онъ и питался… Надо было видѣть, какъ Владиміръ восторженно встрѣчалъ всякую мысль, вскрывающую чисто-буржуазный характеръ тѣхъ идей и теорій, въ которыхъ казалось бы ничего буржуазнаго нѣтъ!… Его „чисто соціалистическая" группа должна была отмежеваться отъ демократовъ и выдвинуть ярко и ясно вопросы соціализма. Но Владиміру черезъ-чуръ скоро стало ясно, что положительнаго въ группѣ нѣтъ… А тутъ демократы бушевали… Ихъ зазываніе рабочихъ къ *классовому сотрудничеству* сдѣлались шумнѣе и назойливѣе… Во главѣ этой кампаніи стояла и стоитъ хорошо организованная сила — *интеллигенція*. Эта примирительница классовъ теперь выступила какъ самостоятельная буржуазная сила. И Владиміръ крѣпко задумался надъ вопросомъ о классовой, буржуазной природѣ интеллигенціи.

Къ этому времени Владиміръ очутился въ Одессѣ, гдѣ сблизился съ мѣстной полуанархистической группой. Полуанархической — потому, что эта группа была сильно пропитана духомъ маленькаго кружка именовавшаго себя „махаевцами" (нынѣ эта группа носитъ названіе „Рабочій заговоръ"). Центральные пункты этого ученія таковы: 1) Не надо выставлять никакихъ прекрасныхъ идеаловъ; 2) рабочій добьется равенства доходовъ только революціонной, экономической борьбой за повышеніе платы и сокращеніе рабочаго дня 3) Интеллигенція — классъ, поглощающій часть національнаго дохода, создаваемаго потомъ и кровью рабочаго. Одесская группа была махаевской, полуанархической. Владиміръ примкнулъ къ группѣ; махаевщина какъ бы отвѣчала на его запросы: экономической борьбой отдѣлялся рабочій классъ отъ демократовъ; указывалась и природа интеллигенціи. Владиміръ усвоилъ эти взгляды; больше: онъ самъ выстрадалъ, формулировалъ. Но отъ умнаго и на рѣдкость вдумчиваго Владиміра не ускользало и то, что анархизмъ не можетъ ужиться съ революціоннымъ тредъ-юніонизмомъ махаевцевъ. Понялъ онъ также, что въ сущности и махаевщина, для *него* по крайней мѣрѣ, была опять таки чисто „отрицательной"… Положительные отвѣты махаевщины, страдающіе неясностью и смутностью, его въ сущности никогда не удовлетворяли. Началась опять тревожная, могучая работа. Владиміръ окончательно перешелъ къ анархическому коммунизму. Здѣсь впервые выказалъ свою натуру и свою волю.

Я не намѣренъ излагать здѣсь работу Владиміра въ группахъ. Онъ работалъ въ Бѣлостокѣ; надо было видѣть общую любовь къ Владиміру. Его часто, и не напрасно, упрекали за обиліе рискованныхъ плановъ, быстро наполнявшихъ его умную голову. Но въ душѣ всѣмъ даже нравилось и это въ немъ: это какъ то дополняло его, иногда замѣчательно оттѣняло его безумную рѣшимость и безконечную вѣру. Работалъ онъ и въ Варшавѣ съ огромнымъ, неимовѣрнымъ усиліемъ. Владиміръ былъ душой группы, онъ вдохновлялъ, онъ вносилъ энтузіазмъ и страсть; характерно, какъ его слушали: точно слушали что то сильное, страстное, но вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно-скорбное. Массы онъ гипнотизировалъ своей простой, ясной и необыкновенно искренней рѣчью. Масса чувствовала особую цѣльность — да это и понятно. Отличительной чертой Владиміра было то, что всѣ пункты міровоззрѣнія, которые онъ исповѣдывалъ, были въ немъ самомъ; онъ былъ будто маленькій міръ, въ которомъ сконцентрировались всѣ черты, нужныя по его мнѣнію рабочему классу. Раньше всего онъ признавалъ, что *классовая борьба*, если это только не фраза, есть *героическая борьба*: приходится говорить не о рабочемъ, который спитъ, ѣстъ, выбираетъ въ парламентъ, а о *классѣ*, воскресившемъ въ себѣ всю злобу и тоску за прошлое, мучительную ненависть за все униженіе настоящаго. *Классъ* это нѣчто сверхъ-обычнаго, вялаго, мѣщанскаго. *Героической* натурой былъ Владиміръ: въ немъ не было обыденныхъ настроеній, обыденныхъ думъ, — всегда кипѣлъ, всегда бурная волна отливала и вновь приливала, отрывая его отъ мучительныхъ, мелочныхъ заботъ дня. Владиміръ говорилъ, что рабочій классъ освободится только какъ *фанатикъ* своего освобожденія: если всѣ, всѣ соки, всѣ мысли онъ прикрѣпитъ къ идеѣ борьбы до того, что сдѣлается нечувствительнымъ, глухимъ не только къ страданіямъ сопряженнымъ съ борьбой, но и вообще ко всему неклассовому… Владиміръ самъ былъ этимъ *фанатикомъ*. Характерна его бесѣда со мной на эту тему: „Знаешь о чемъ я думаю", говорилъ онъ: почему это нѣтъ сейчасъ того фанатизма, той жажды мученичества за свою идею, которая характеризовала первобытныхъ христіанъ?" И онъ былъ убѣжденъ, что спокойная смерть, презрѣніе, холодное, спокойное, презрѣніе къ мукамъ и пыткамъ внесло бы ужасъ въ ряды буржуазіи. Она бы испугалась этой новой силы, надъ которой такъ безсильны не только ея наука, нравственность, но ея штыки и пытки… И онъ считалъ, что такіе мученики нужны рабочему классу… А самъ онъ былъ однимъ изъ нихъ: молча, спокойно, съ холоднымъ презрѣніемъ умеръ бы Владиміръ… Но шальная бомба рѣшила иначе… И окровавленнымъ трупомъ лежалъ онъ въ Венсенскомъ лѣсу.

Одной изъ причинъ его ненависти къ демократамъ было именно то, что временные союзы съ буржуазіей, законность вытравливаютъ фанатизмъ, ослабляютъ ненависть, — а ее онъ считалъ великимъ даромъ рабочаго класса; вырвать его — значитъ опустошить его душу, надломить его волю… Классъ только тогда освободится, когда свою классовую волю онъ поставитъ выше всего, внѣ этой воли стоящаго.

Характерно, какъ иногда агитировалъ Владиміръ… Отвѣчая соціалъ-демократу о „необходимости" буржуазной революціи, доказавъ ему шаткость этихъ основаній, онъ, между прочимъ, сказалъ: „а если бы мнѣ доказали, что есть какая то „необходимость" именно буржуазной революціи, то и тогда я Вамъ скажу: мы рабочіе рѣшили сейчасъ не подчиняться власти капитала и государства; если мы рѣшили и сказали, — будемъ бороться за полную свободу сейчасъ же, и если бы вы очутились въ революціонномъ правительствѣ, что же убивали бы вы насъ во имя этой „необходимости"? нѣкоторые наши теоретики намекаютъ на это; а *я* вамъ скажу: вы мнѣ докажете допустимъ, что всѣ мы за нашу непокорность погибнемъ. Но вы мнѣ не докажете что *воля*, приведшая насъ къ смерти, не поколебала ни одного камешка этой „необходимости". И у него была эта *воля!*

Какіе именно вопросы волновали его на поприщѣ анархизма? Трудно здѣсь выдѣлить Владиміра, такъ какъ имя его через-чуръ слилось со многими самыми тревожными моментами русскаго анархизма. „Безмотивный терроръ", временныя коммуны, работа среди босяковъ, охрана революціоннаго анархическаго движенія отъ всѣхъ примѣсей законности — все это нашло въ немъ самаго горячаго, самаго страстнаго сторонника и пропагандиста. Онъ самъ былъ членомъ террористической группы „Черное Знамя", которая, увы, отцвѣла, не успѣвши расцвѣсти! Но обо всемъ этомъ говорить сейчасъ не буду. Мнѣ хочется бросить лучъ свѣта на тѣ причины, которыя звали Владиміра въ Западную Европу. Съ перваго раза дѣло кажется очень простымъ.

Въ Россіи происходитъ революція; мы говоримъ, — не буржуазная революція... Французскіе банкиры поддерживаютъ деньгами русское правительство... Они хотятъ потушить революцію. Вотъ почему террористическіе акты противъ этой буржуазіи послужатъ могучимъ, предостерегающимъ средствомъ и мощнымъ, негодованіемъ и гнѣвомъ пропитаннымъ протестомъ русскихъ рабочихъ противъ международнаго капитализма. Въ дальнѣйшемъ, однако, эти мотивы усложнились. Глубоко вѣруя, что часъ соціальной революціи не за горами, онъ говорилъ, что русскій анархизмъ долженъ начать новую страницу въ исторіи борьбы, разбудивъ революціонныя силы на Западѣ... Онъ говорилъ, что въ ближайшее же время сдѣлается очереднымъ вопросъ объ одновременныхъ террористическихъ выступленіяхъ анархистовъ различныхъ странъ. Но мнѣ, кажется, что была еще одна причина, гнавшая его совершить террористическій актъ за предѣлами Россіи...

Весь охваченный мыслью о борьбѣ съ буржуазнымъ міромъ, съ глубокимъ отвращеніемъ глядя, какъ демократическое колесо, вертясь, захватываетъ рабочихъ, чтобы выпустить ихъ помятыми и жалкими „гражданами", онъ былъ полонъ мысли о борьбѣ здѣсь — въ Россіи. Но Владиміръ не могъ не замѣтить, и неоднократно говорилъ мнѣ объ этомъ, — собственническій фанатизмъ не могъ пустить такихъ глубокихъ корней на русской почвѣ: русская буржуазія болѣе рыхла, мягкотѣла; западно-европейская же — съ остервененіемъ и бѣшенствомъ бросится на врага, убѣжденная еще, что она защищаетъ прогрессъ, культуру... Фанатикъ *разрушенія* частной собственности искалъ фанатиковъ *защиты* собственности... Неумолимый врагъ классоваго общества искалъ достойныхъ враговъ.

Кого именно онъ выбралъ бы своимъ врагомъ? — Кто знаетъ?! Судьбѣ угодно было, чтобы Владиміръ не сказалъ своего послѣдняго слова, не совершилъ своего послѣдняго дѣла!... Газеты разсказываютъ, что Стрига, уже окровавленный, израненный, завидя полицію, дѣлалъ мучительныя усилія, чтобы дотащиться до своего пиджака... А въ этомъ пиджакѣ оказалась еще одна бомба... И какъ въ этомъ маленькомъ фактѣ отражается весь Владиміръ! Онъ жилъ въ борьбѣ, былъ выкованъ изъ мести и гнѣва — но и полумертвый, растерзанный, онъ дѣлаетъ послѣднее мучительное усиліе — продолжать борьбу съ врагомъ...

И пусть онъ не сказалъ послѣдняго слова, не совершилъ послѣдняго дѣла — но память о немъ не умретъ въ сердцахъ его друзей и товарищей!... Его завѣты безпощадной борьбы, его трепетныя надежды, что русскій анархизмъ долженъ вытравить всякій слѣдъ половинчатости, — эти завѣты живутъ и будутъ жить въ сердцахъ русскихъ борцовъ...

И если кого нибудь на время посѣтитъ раздумье, если кто нибудь почувствуетъ усталость, — то пусть унесется мысленно туда — въ Венсенскій лѣсъ; пусть воскреситъ въ себѣ образъ израненнаго и все же къ борьбѣ рвущагося Владиміра... И прогонитъ онъ усталость, и вдохновится на новую тревожную борьбу за анархическій коммунизмъ!

НЕКРОЛОГЪ.

Еще юно анархическое движеніе въ Россіи. Но земля уже во многихъ мѣстахъ обагрилась кровью нашихъ товарищей... Погибли товарищи Нотка и Рувка. О послѣднемъ мы никакихъ біографическихъ свѣдѣній не имѣемъ; онъ намъ извѣстенъ только какъ преданный анархизму работникъ. Особенно горячо Рувка проявилъ свою дѣятельность во время забастовки пиларей и пиларокъ въ Бѣлостокѣ; онъ былъ въ числѣ товарищей бросавшихъ бомбы въ дома упорствующихъ фабрикантовъ во время этой стачки. Тогда Рувка поражалъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и мужествомъ...

Другой товарищъ Веньяминъ Бахрахъ, извѣстный въ группахъ подъ именемъ Нотки, былъ сыномъ состоятельныхъ родителей. Рано онъ бросилъ домъ. Пріѣхавъ въ Бѣлостокъ, онъ поступилъ на фабрику. Здѣсь Нотка скоро выдѣлился и сталъ мастеромъ. Въ качествѣ маленькаго „господина", онъ былъ не лучше, пожалуй хуже другихъ мастеровъ. Но очевидно не къ тому готовила его судьба... Въ Бѣлостокѣ Нотка встрѣчается съ нынѣ уже умершимъ піонеромъ русскаго анархизма Борисомъ Бримеромъ. Воодушевленная пропаганда Бориса, его свѣтлая личность чаруютъ Нотку. Въ немъ происходитъ переворотъ — новыя мысли, новыя стремленія появились... И Нотка уѣзжаетъ въ Америку... Тамъ онъ окончательно становится анархистомъ. Но чисто литературный, бумажно-реферативный анархизмъ Америки противенъ душѣ Нотки. Скоро пріѣзжаетъ онъ въ Россію — въ Бѣлостокъ, гдѣ уже работала первая по времени русская анархическая группа. Отличительная черта Нотки — энергичность, готовность къ постоянной, неутомимой работѣ; казалось для него усталости не было.

Веньяминъ Бахрахъ.

Во время введенія военнаго положенія Нотка готовился „убить" генералъ-губернатора. Но что то помѣшало этому акту... Въ „свободные" дни онъ выступалъ на собраніяхъ. Не будучи ораторомъ, онъ все таки привлекалъ массы своей энергичной и сильной рѣчью. Его вся масса знала подъ именемъ „анархиста Нотки". Въ началѣ зимы прошлаго 1905 г. Нотка встрѣтилъ группу товарищей, рѣшившихъ предпринять цѣлый рядъ антибуржуазныхъ, террористическихъ актовъ. Онъ примкнулъ къ группѣ. Товарищи передавали потомъ о его необыкновенной стойкости и храбрости во время динамитнаго покушенія на отель-ресторанъ „Бристоль" въ Варшавѣ. Послѣ, Нотка принималъ участіе въ актѣ въ кофейнѣ Либмана въ Одессѣ. Скоро Нотка былъ взятъ въ Одессѣ. Дѣло ему предстояло серьезное. Но вотъ адская машина, доставленная въ одесскомъ жандармскомъ управленіи нашими товарищами, взорвала часть зданія. Отъ возникшаго пожара погибло много бумагъ, въ томъ числѣ и „дѣло" Нотки. Его освобождаютъ. Опять онъ принимается за работу... Нотка въ Вильнѣ. Тамъ онъ узнаетъ страшную вѣсть: въ Бѣлостокѣ разразился еврейскій погромъ. Нотка зналъ, что товарищамъ придется пережить тревожные дни... И онъ рѣшилъ, какъ и всегда, быть вмѣстѣ съ товарищами и бороться съ ними плечо-о-плечо... Его умоляли не ѣхать въ Бѣлостокъ, не хотѣли дать денегъ, но его воля была непоколебима... Съ нимъ, горя той же жаждой борьбы, поѣхалъ Рувка. По дорогѣ они узнали, что евреевъ убиваютъ въ поѣздахъ; они соскочили и пошли въ Васильковъ — родина Нотки; по дорогѣ они встрѣтили компанію человѣкъ въ 10, направляющуюся въ Бѣлостокъ же. Такъ они дошли до Соколки. Гдѣ то здѣсь ихъ спутники зашли въ крестьянскую хату выпить молока. Нотка же и Рувка не отдыхая шли впередъ... И тутъ то на нихъ напали стражники... Завязалось почти сраженіе — съ такимъ упорствомъ и лютостью отстрѣливались вооруженные браунингами товарищи! Нотка убилъ 2 стражниковъ... Но борьба была не равна — и товарищи погибли! 15 пуль было найдено въ тѣлѣ Нотки. Лицо до неузнаваемости изуродовано.

Проклятье убійцамъ! Вѣчная память товарищамъ борцамъ! Вѣчная память! Не вѣнки понесемъ мы на ихъ могилы, а клятву бороться до конца за тотъ идеалъ, которымъ они жили, во имя котораго погибли — за идеалъ Анархическаго Коммунизма.

Антонъ Нижборскій.

АНТОНЪ НИЖБОРСКІЙ.

(Антекъ).

20-го августа с. г. погибъ нашъ товарищъ Антонъ Нижборскій. Преслѣдуемый полиціей и шпіонами послѣ „экса" онъ отчаянно отстрѣливался. Раненный приставомъ въ ногу, Нижборскій не растерялся, бросился къ экипажу, въ которомъ ѣхалъ приставъ и произвелъ въ него 7 выстрѣловъ, ранивъ его въ плечо и руку. Больше 40 пуль выпустилъ Антекъ. Полиція и шпіоны прибывали со всѣхъ сторонъ. Бѣжать было не въ натурѣ его. Отступленіе было отрѣзано. Сдаться живымъ въ руки полиціи онъ не хотѣлъ. И послѣднюю пулю приберегалъ Антекъ для себя. Хладнокровный и спокойный до конца направилъ онъ дуло револьвера въ свой високъ. Въ послѣдній разъ нажалъ курокъ браунинга. Грянулъ выстрѣлъ и онъ палъ мертвымъ.

Антека не стало... Глухой, гнетущей болью отзывается эта смерть въ сердцахъ товарищей. Мысль не мирится со смертью его, такого еще молодого, юнаго, полнаго отваги и силъ, полнаго стремленія къ борьбѣ, далеко не свершившаго всего, что могъ.

Меньше года былъ Антекъ въ нашихъ рядахъ. Короткій, ничтожный періодъ, но онъ весь полонъ тяжелыхъ тревогъ и борьбы. Стать анархистомъ для Антека не означало только вѣрить и исповѣдывать идеи и идеалы анархизма. Быть всегда впереди въ моментъ опасности, не страшась смерти участвовать въ самыхъ опасныхъ и рискованныхъ групповыхъ предпріятіяхъ, бороться съ врагомъ, бороться всегда, до конца — такъ понималъ Антекъ роль свою и другихъ въ анархическомъ движеніи. Характеренъ самъ переходъ его къ анархизму. Осенью прошлаго 1905 года въ Бѣлостокѣ разыгралась стачка на крупномъ тамошнемъ заводѣ Вечорка. Стачка кончилась неудачей. Въ результатѣ много рабочихъ было расчитано и выброшено на улицу. Въ числѣ прочихъ былъ расчитанъ и Антекъ. Всѣ мало мальски сознательные элементы были удалены. „Крамола" — подавлена. Оставшіеся на заводѣ рабочіе боязливо-робко, покорно подчинялись всѣмъ требованіямъ заводской администраціи. Какая то атмосфера рабской приниженности, боязнь быть каждую минуту выброшеннымъ на мостовую воцарилась на заводѣ. Жестокій и тупой хозяинъ-капиталистъ Вечорокъ торжествовалъ побѣду. Казалось ничто не въ состояніи нарушить это грязно-сытое довольство... Жажда мести загорѣлась въ душѣ Антека. Онъ былъ соціалъ-демократомъ, кажется членомъ П. П. С. Туманныя рѣчи соціалъ-демократовъ о классовой борьбѣ, пространныя и неясныя разсужденія о вредѣ и нецѣлесообразности террора отталкивали Антека отъ соціалъ-демократіи. Здоровый революціонный инстинктъ, вѣрное чутье рабочаго подсказали ему иную тактику борьбы съ буржуазіей... Антекъ вмѣстѣ съ однимъ близкимъ его товарищемъ стали искать связи съ работающей въ Бѣлостокѣ анархической группой. Найти ихъ имъ было не трудно. И вскорѣ Антекъ и его товарищъ, снабженные приготовленной группой македонской бомбой, совершаютъ свой первый террористическій актъ. Не взирая на поставленный почти у самого дома солдатскій патруль, не обращая вниманія на страшную опасность быть застигнутыми, они подъ прикрытіемъ ночи пробираются къ самому фасаду дома и черезъ окно бросаютъ свой снарядъ въ квартиру. Взрывомъ бомбы была ранена дочь Вечорка. Самъ же Вечорокъ по какой то случайности уцѣлѣлъ.

Актъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на массы, приподнялъ ихъ настроеніе и заставилъ внимательно, чутко прислушаться къ голосу анархистовъ.

Разыскиваемый полиціей Антекъ вынужденъ былъ перейти на нелегальное положеніе. Нѣкоторое время онъ оставался въ Бѣлостокѣ. Безъ работы, лишенный какихъ бы то ни было средствъ къ существованію, сильно нуждался Антекъ. Но никогда никто изъ товарищей не слыхалъ отъ него слово упрека, никогда жалоба не срывалась съ его устъ. Временами Антекъ появлялся на групповыхъ квартирахъ. Онъ приходилъ тихій и скромный, молча выслушивалъ споры и рѣчи, дѣлилъ съ товарищами ихъ скудную трапезу, распрашивалъ о состояніи дѣлъ и уходилъ такой же тихій и скромный...

Двѣ черты характеризуютъ Антека. Храбрый и отважный, поразительно хладнокровный и смѣлый, Антекъ всегда безбоязненно-открыто смотрѣлъ въ глаза опасности. Не знающій пощады въ борьбѣ, какъ лютый звѣрь бросался онъ на врага. Какая то кипучая ненависть, страшная инстинктивная злоба загоралась въ немъ. И тотъ же Антекъ въ кругу своихъ товарищей превращался какъ бы въ другого человѣка.

Грустные, синіе, порою съ легкимъ оттѣнкомъ скорби, глаза. Мягкая, тихая, нѣсколько страдальческая улыбка на устахъ. Простое, измученное тревожно-трудною жизнью нелегальнаго, лицо. — Такъ встаетъ передъ нами образъ Антека.

Порою, когда измученные, наболѣвшіе, взвинченные напряженно-тревожной атмосферой борьбы и опасностей, нервы не выдерживали, когда слова глухого раздраженія и обиды готовы были сорваться съ устъ, въ споръ товарищей вмѣшивался Антекъ. Его уступчивость, мягкость, стремленіе сдѣлать все, лишь бы не дать накопившемуся раздраженію вылиться въ споръ, успокаивающе дѣйствовали на окружающихъ. Готовая было вспыхнуть ссора замирала. Казалось Антекъ физически, всѣмъ своимъ существомъ страдалъ отъ недоразумѣній и ссоръ между товарищами. Помнится, одинъ, нынѣ уже погибшій, мальчикъ-товарищъ Онуфрій, характеризуя Антека, сказалъ: „Онъ былъ такой... тихій, на все согласный"; и въ дрогнувшемъ голосѣ его звучали тоскливыя ноты боли и сожалѣнія. „Тихій," „согласный" Антекъ — лучше охарактеризовать его нельзя.

Вспоминается одна глубоко-трогательная, наивно-дѣтская сцена въ Бѣлостокѣ. Серьезно заболѣла товарищъ-дѣвушка.

Товарищи часто навѣщали ее. Приходилъ изрѣдка и Антекъ. Приходилъ молчаливый, застѣнчивый. Какая то таинственная, дѣтски-загадочная улыбка бродила на углахъ губъ, отражалась въ синихъ грустныхъ глазахъ. Карманы его сѣрой рабочей куртки какъ то странно оттопыривались. Тихо, молча усаживался онъ и такъ сидѣлъ нѣсколько минутъ. Потомъ вдругъ подымался и изъ кармановъ куртки вылетала пара живыхъ голубей. Это Антекъ, заботясь и безпокоясь о больной, гдѣ то словилъ ихъ на чужой голубятнѣ, зная, что докторъ прописалъ больному товарищу супъ изъ голубинаго мяса... Смущенный эфектомъ онъ усаживался обратно и дѣтски-радостная, довольная улыбка озаряла все лице его.

Какъ характеренъ этотъ маленькій, нѣсколько курьезный фактъ для всего Антека. Въ немъ отражается вся трогательно-нѣжная заботливость и чуткость его застѣнчиво-мягкой, чистой души.

Въ декабрѣ Антекъ оставляетъ Бѣлостокъ и уѣзжаетъ въ Екатеринославъ. Начинается самый трудный, тревожно-бурный и тяжелый періодъ въ его жизни. Тщательно разыскиваемый полиціей въ Бѣлостокѣ, а вскорѣ въ Екатеринославѣ, онъ вынужденъ жить нервно-напряженной, полной лишеній и тревогъ жизнью нелегальнаго. Скрываться на квартирѣ, хотя бы и конспиративной, было не совсѣмъ безопасно. И въ теченіи цѣлаго полугода Антекъ вмѣстѣ съ еще нѣкоторыми нелегальными товарищами проводитъ ночи въ степи, лозахъ, на рѣкѣ. Безсонница, изнуряющій холодъ губятъ здоровье, точатъ силы. Непогода, дождь, сырые пронизывающіе вѣтры, вѣчно-тревожное ожиданіе полицейской облавы... Такъ, ночь за ночью, непрерывной цѣпью тянутся ночлеги подъ открытымъ небомъ. Неразлучный съ браунингомъ Антекъ днемъ порою появляется на самыхъ людныхъ улицахъ города, всегда готовый дать отпоръ полицейской ордѣ, всегда готовый дорого продать свою жизнь.

Въ январѣ Антекъ ѣдетъ на многолюдный анархическій съѣздъ террористовъ-„безмотивниковъ“ и тамъ при распредѣленіи актовъ выбираетъ для себя, если не ошибаемся, взрывъ ближайшаго съѣзда крупныхъ горнопромышленниковъ Россіи. Нѣсколько позже, по какому то поводу, Антекъ, совершенно не считаясь съ страшной опасностью быть схваченнымъ и арестованнымъ ѣдетъ въ Бѣлостокъ. Тамъ онъ участвуетъ въ удачномъ покушеніи на жизнь бѣлостокскаго полиціймейстера и, кажется, также въ покушеніи на пристава тайной полиціи Шеймана. За нимъ и его товарищами полиція слѣдитъ и гонится по пятамъ, устраиваетъ на нихъ чуть ли не облавы. Происходятъ стычки и Антекъ отстрѣливаясь удачно избѣгаетъ ареста.

Антекъ вновь въ Екатеринославѣ. Вновь таже напряженно-нервная жизнь, перестрѣлки съ полиціей, безсонныя ночи и тревожные дни. За это время онъ принимаетъ участіе въ рядѣ крайне смѣлыхъ и опасныхъ групповыхъ предпріятіяхъ... Группа остро нуждается въ деньгахъ. Горька, обидно-тяжела была для Антека мысль погибнуть на „эксѣ“. Все внутри его не мирилось съ такою возможностью. Но сильно развитое чувство долга заглушало все. И Антекъ участвуетъ въ рядѣ „эксовъ“. Послѣдній „эксъ“... неудача... перестрѣлка съ полиціей... рана... и Антекъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, спокойный и гордый, кончаетъ съ собой.

Погибъ Антекъ... Безвременно-рано оборвалась нить молодой жизни. Скорбь и думу сѣетъ смерть его. Встаетъ его образъ — печальный и отважный! Какъ много тревогъ, какъ много борьбы вынесъ этотъ юноша-борецъ! Онъ умеръ... Но память о немъ не исчезнетъ. Пока будетъ жить въ русскомъ анархизмѣ революціонная отвага и гнѣвъ, пока не выпадетъ изъ рукъ его острый, разящій мечъ борьбы, образъ „Антека изъ Бѣлостока“ будетъ ярко горѣть и не угаснетъ въ сердцахъ товарищей. И въ длинномъ скорбномъ спискѣ павшихъ борцовъ пролетаріата никогда не изгладится имя его... Антека не стало. Но дѣло, во имя котораго боролся и умеръ онъ не заглохнетъ. Придутъ другіе борцы. Грозенъ будетъ ихъ гнѣвъ, страшны удары. Въ ужасѣ содрогнется врагъ. И рухнетъ проклятый міръ скорби и слезъ!

Спи же спокойно, дорогой товарищъ! Незабвенная память тебѣ!

Къ товарищамъ.

Мы приступаемъ къ изданію новаго органа. Задачей органа редакція ставитъ: 1) Въ возможно болѣе популярной и понятной формѣ знакомить рабочихъ съ теоріей и міровоззрѣніемъ анархизма. 2) Выяснить наше пониманіе анархизма и разрабатывать еще незатронутые и неосвѣщенные въ русской анархической литературѣ програмно-тактическіе вопросы. 3) какъ органъ редактируемый и издаваемый въ самой Россіи, отвѣчать возможно болѣе полно на назрѣвшіе вопросы нашей практической работы, освѣщать групповую жизнь и способствовать по мѣрѣ силъ установленію прочныхъ междугрупповыхъ связей, — организаціи всего движенія.

Первый номеръ нашего органа выходитъ съ сильнымъ опозданіемъ. Весь, отъ первой до послѣдней страницы, составленный и редактированный въ Россіи, онъ долженъ былъ быть и изданъ въ Россіи. Для этой цѣли редакціи была предоставлена екатеринославской группой ея большая нелегальная типографія, помѣщавшаяся въ пещерахъ „Оріанды“ (царское имѣніе близъ Ялты). Но наканунѣ начала набора номера, типографія, и при ней 3 нашихъ товарищей, была арестована. Мы вынуждены были перенести издательство 1-го номера за границу. Редакція приложитъ всѣ старанія, чтобы слѣдующіе номера не только составлялись и редактировались, но и издавались въ Россіи. Издательство органа въ Россіи — трудное и крайне сложное дѣло. Надѣемся, что товарищи придутъ намъ на помощь. Помощь эта можетъ выразиться не только въ матеріальной поддержкѣ „Бунтаря“, но, что не менѣе важно, и въ литературной и всякой другой помощи. Особенно обращаемся мы къ товарищамъ-рабочимъ. Пусть они присылаютъ намъ письма съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на постановку работы, ихъ наблюденія, мнѣнія и мысли о состояніи нашего движенія и т. д. Пусть не стѣсняются литературной формой, а пишутъ какъ могутъ и умѣютъ. Наше движеніе переживаетъ трудный моментъ. Передъ нами стоятъ сложныя и не легко выполнимыя задачи. Всѣ уголки нашей дѣятельности, всѣ недочеты и неустройства въ движеніи должны быть выяснены, „наболѣвшіе“ вопросы разрѣшены. И въ этомъ отношеніи мнѣнія и наблюденія работающихъ въ группахъ товарищей-рабочихъ представляютъ большую цѣнность. Надѣемся, что товарищи откликнутся на нашъ призывъ.

Редакція

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Редакція газеты „ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ“ проситъ насъ заявить, что она надѣется возобновить изданіе прекратившагося „ЧЕРНАГО ЗНАМЕНИ“, но не въ видѣ газеты, а въ видѣ журнала посвященнаго разработкѣ чисто теоретическихъ вопросовъ анархическаго міровоззрѣнія.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ. Изъ данныхъ кіевскою группою въ іюнѣ 900 руб: На организацію побѣга — 200 р., редакціонные и почтовые расходы, поѣздки — 75р., 6 телеграммъ — 10 р., не возвращено тов. А — ей 350 р., врученныхъ ему на устройство типографіи, бѣжавшему изъ тюрьмы тов. М — у 40., на бѣжавшаго изъ тюрьмы тов. А — іи израсходовано 23 р., на поѣздки по группамъ для сбора корреспонденцій тов. М — у — 25 р., тов. М — ѣ — 50 р., члену кіевской группы для нелегальнаго — 5 р., кіевской группѣ для арестованнаго — 15 р., тов. А — ю на поѣздку въ Екатер. — 3 р., тов. изъ Житоміра на отъѣздъ — 3 р., тов. Е... на двѣ поѣздки по дѣламъ типографіи — 45 р., на отъѣздъ тов. М — у — 4 р., дано заимообразно — 10 р., на жизнь въ Екатер. — 10 р., осталось — 28 р.

Итого — 896 рублей.

Изъ данныхъ екатеринославской группой для ялтинской типографіи, въ которой предполагалось набирать „Бунтарь“ 500 руб. + 28 руб. — остатокъ изъ прежнихъ денегъ: поѣздка 2-хъ тов. въ Ялту — 35 р., отправка 2-хъ нелегальныхъ изъ Ялты — 60 р., ночная поѣздка въ типографію — 5 р., типографскій долгъ — 5 р., платье и бѣлье товарищамъ, работавшимъ въ типографіи — 25 р., закупка вещей для типографіи и наборъ костюма для работавшаго въ типографіи — 23 р., наемъ квартиры — 10 р., дано при отъѣздѣ тов. — 15 р., оставлено для арестованныхъ — 10 р., для доставляющихъ краски въ типографію — 5 р., на жизнь въ Ялтѣ 6 тов. — 10 р., 2 телеграммы — 2 р., на отъѣздъ нелегальныхъ тов. — около 75 р., обратный отъѣздъ изъ Ялты 2-хъ тов. — 45 р., возвращено екатеринославской группѣ — 200 р.

Итого — 525 рублей.

Мелитопольской группой дано на изданіе перваго номера „Бунтаря“ заграницей 400 рублей. Отчетъ объ ихъ израсходованіи будетъ помѣщенъ во 2-омъ № „Бунтаря“.

Адресъ для писемъ:

ВЪ РОССІИ черезъ наши группы (преимущественно черезъ екатеринославскую, бѣлостокскую и одесскую).
ЗАГРАНИЦЕЙ — „Le Libertaire“, 15, rue d'Orsel, Paris.
На внутреннемъ конвертѣ — для „БУНТАРЯ“.